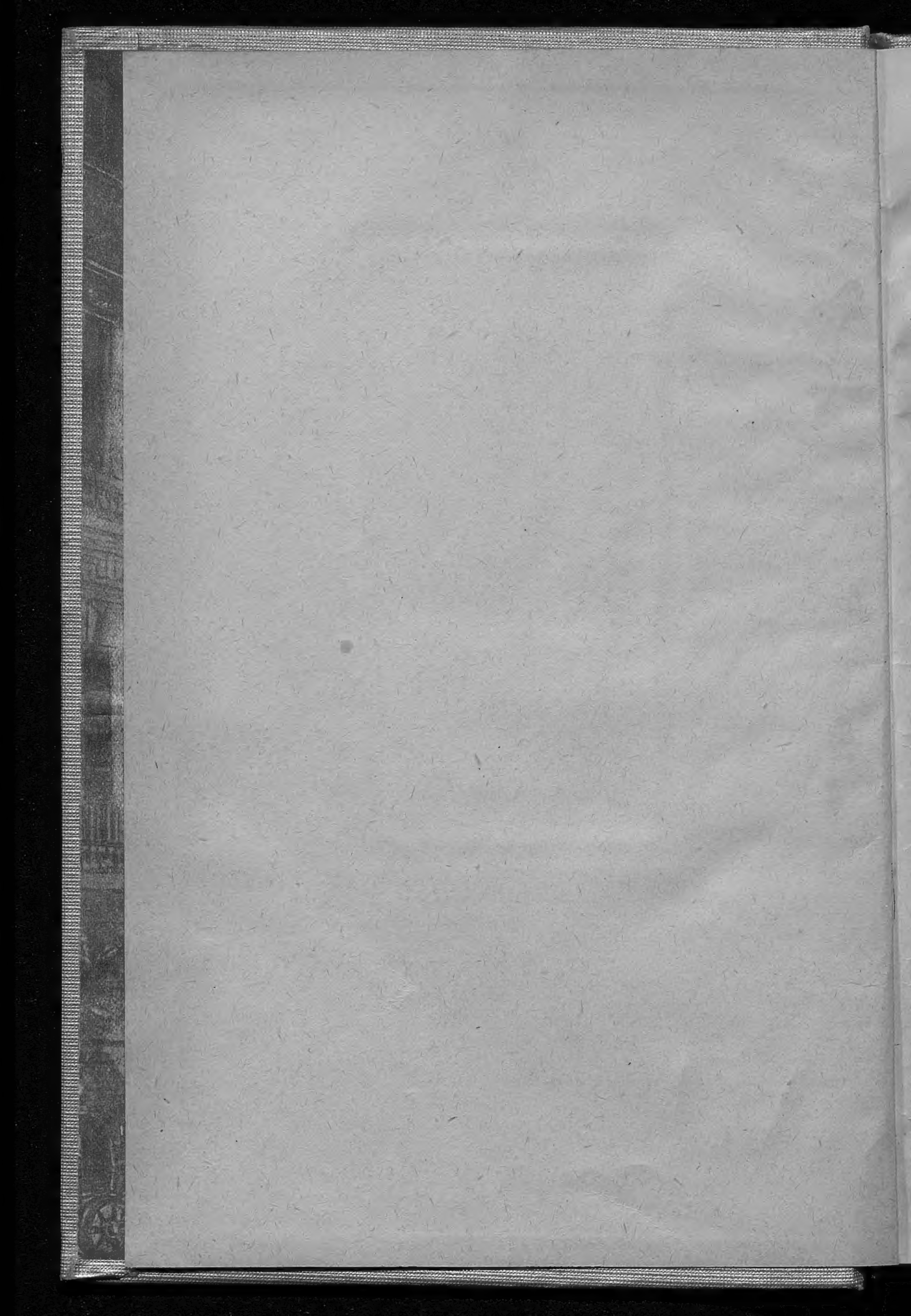

В ДНИ
ВЕЛИКОЙ
ПРОЛЕТАРСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СССР

СЕРИЯ СБОРНИКОВ

ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917—1922 гг.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР

в очерках и воспоминаниях участников

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»
1937

В ДНИ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Эпизоды борьбы в Петрограде
в 1917 году

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»
1937

АННОТАЦИЯ

Сборник состоит из воспоминаний участников Великой пролетарской революции 1917 года в Петрограде. В воспоминаниях освещены отдельные эпизоды борьбы за социалистическую революцию (восстание рабочих и солдат в феврале 1917 года, приезд Ленина и его выступления на заводах, VI съезд партии, Ленин и Сталин в руководстве революцией). Сборник рассчитан на массового читателя.

9 (47) / В 11 Доб. 335,5 кп

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

Сборник выпускается к двадцатилетию Великой пролетарской революции в СССР.

Инициатива создания сборника принадлежит Алексею Максимовичу Горькому и Ивану Павловичу Товстухе. Значительная часть рукописи просмотрена и отредактирована И. П. Товстухой.

«Мне кажется, — писал Алексей Максимович в одном из своих писем в редакцию, — изданием этого сборника мы хоть немного увековечим память этого прекрасного организатора, которому и мы многим обязаны».

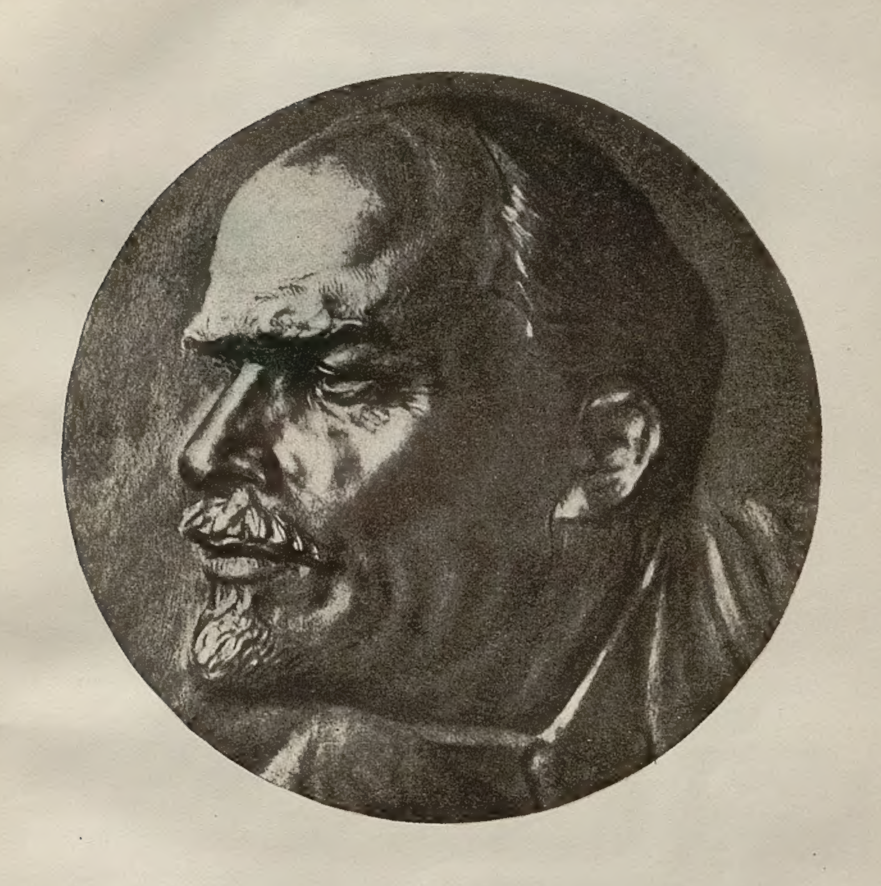
Сборник пополнен материалами, собранными Ленинградским отделением редакции «История фабрик и заводов».

В сборнике освещаются лишь некоторые эпизоды подготовки и проведения Великой пролетарской революции в центре страны — Петрограде. В дальнейшем намечается выпустить ряд сборников по революции 1917 года как в Петрограде, так и в других центрах страны.

ОТНЫНЕ НАСТУПАЕТ НОВАЯ ПОЛОСА В ИСТОРИИ РОССИИ, И ДАННАЯ ТРЕТЬЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА В СВОЕМ КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПРИВЕСТИ К ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА.

ЛЕНИН

25 октября 1917 года

В. И. ЛЕНИН

И. В. СТАЛИН

I
НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

ПУТИЛОВЦЫ ИДУТ[1]

Движение огромной силы и размаха назревало в стране. Война, всей тяжестью обрушиваясь на плечи трудящихся, ускоряла революционную развязку. Армия, измученная трехлетней войной, голодная, раздетая, отказывалась воевать. С фронта продолжали приходить известия о поражениях. Разруха захватила все отрасли промышленности, транспорт и сельское хозяйство. Резко обострился продовольственный, топливный и сырьевой кризис. Крупные центры — Петроград, Москва — оставались без угля, металла и хлеба. Народ переживал третью — самую суровую и холодную зиму. По всей стране в городах происходили демонстрации и столкновения с полицией. По зову партии большевиков на российскую монархию поднимались рабочие, солдаты, крестьяне. Во главе движения шли пролетарии Петрограда.

В ответ на нарастание революционной волны царское правительство спешно осуществляло «план обороны столицы от беспорядков». Ввели военное положение. Разбили город на отделения и районы. В каждый район направили воинские части: пехоту, кавалерию и даже артиллерию. Но никакие меры не могли сдержать революционного выступления масс. Революционный кризис назрел, и нужна была искра, чтобы страну охватило пламя всеобщего пожара.

Две петроградских заставы — Нарвская и Московская — ждали выступления путиловцев. Все чаще в очередях, на улицах, в заводских мастерских слышалась угроза:

— Погодите, путиловцы выйдут — будет дело...

Когда, окончив работы, путиловцы расходились по домам, Петергофское шоссе представляло собой величественную картину: как мощная река, неслась, разливаясь по переулкам заставы, шумная толпа. С трудом продвигалась конка, застревали подводы. Можно было пред-

---

[1] Из рукописи по „Истории Кировского завода".

ставить себе, в какую несокрушимую силу превратится эта людская лавина, когда, тесно сомкнувшись в боевые ряды, подняв красные флаги, тридцать тысяч рабочих выйдут к центральным улицам столицы. Становилось понятным, что значит грозный возглас:

— Путиловцы идут!

В феврале за Нарвской заставой появились солдаты в высоких лохматых папахах. Их разместили в помещении лазарета и макаронной фабрики — напротив Огородного переулка.

На улицах вокруг солдат постоянно толпились рабочие: путиловцы, тентелеевцы, текстили Екатерингофской мануфактуры, рабочие заводов «Лангензипен» и Тильманса. Солдаты охотно откликались на разговоры.

— Мы вас трогать не будем, — уверяли они. — Время теперь не то. Дали нам по двести патронов на вашего брата — забастовщиков, а куда они пойдут — неизвестно...

— В воздух или назад? — допытывались путиловцы.

— А куда сподручней будет.

Для большей верности к измайловцам подсылали фронтовиков, работавших на Путиловском заводе, и те еще пуще разжигали солдат. Петербургский комитет большевиков готовил массовое выступление петроградских рабочих. В десятых числах февраля путиловская организация получила директиву от Петербургского комитета подготовить общую забастовку на заводе, а затем поднять и всю Нарвскую заставу.

На организованном большевиками общезаводском митинге 15 февраля уже было ясно: стоит лишь начать — и волна покатится. Большевики разъясняли, что любой конфликт в цехе надо довести до общезаводской стачки.

В субботу 18 февраля 1917 года лафето-штамповочная мастерская Путиловского завода предъявила требование — принять обратно группу недавно уволенных рабочих и повысить все расценки на пятьдесят процентов.

Начальник мастерской не дал ответа. Штамповщики избрали делегацию к директору генерал-майору Дубницкому и разошлись по заводу присоединять к стачке другие цехи.

Директор отказался принять уволенных обратно.

— Предлагаю немедленно возобновить работы, иначе закрою всю мастерскую, — заявил он делегатам.

Путиловцы не вступали в спор с генералом. Выходили молча. Рабочий, шедший последним, повернулся в дверях и произнес:

— В понедельник еще раз придем. Может, ваше превосходительство, одумаетесь?

Весть о том, что лафето-штамповочная стоит, разнеслась по всему заводу. Спустя полчаса об этом знала и Путиловская верфь. В судостроительных мастерских вновь вспыхнули волнения, начавшиеся накануне. Медно-котельная прекратила работы. Отчетливо и ясно представляли себе путиловцы, что дело не в прибавках. На митинге в паровозном депо оратор-большевик говорил:

— Неделя пройдет — и от «голодной» прибавки следу не останется. Опять бастовать придется. Кончать надо со всей этой канителью — с дороговизной, с войной, с царем. Подыматься — так всем заводом, всем Петроградом, всей страной. Разве хозяева дадут нам хлеб? Разве они прекратят источник всех бед — войну? Только революция освободит нас от деспотизма царского строя!

Районный комитет большевиков собрался 18 февраля. Стоял один вопрос: как использовать завтрашний воскресный день, чтобы с понедельника поднять весь завод и приобщить к забастовке остальные предприятия района. На собрании присутствовали представители заводов «Анчар», Тильманса, автомастерских гаража «Транспорт», Екатерингофской мануфактуры, Химического завода и др. Все они заявили, что поддержка путиловцам с их стороны будет обеспечена. Но для этого надо, чтобы Путиловский завод вышел на улицу.

Районный комитет решил: завтра, в воскресенье, по всей Нарвской заставе — в очередях у хлебных и продовольственных лавок, по рабочим дворам, в квартирах, на улицах — развернуть агитацию; всем членам организации быть в соответствующих местах; утром 20 февраля сообщить о результатах агитации и настроениях рабочих.

В понедельник 20 февраля большевики сняли с работы еще четыре мастерских. Новая делегация рабочих — представителей всех цехов — явилась к директору генерал-майору Дубницкому.

Не успели делегаты подойти к столу директора, как Дубницкий, набрав в легкие воздуху, закричал:

— Кто хозяин на заводе?

Вся его тщедушная фигура затряслась. Голос у него сорвался, и вторую фразу он произнес визгливым фальцетом:

— Приказываю немедленно приступить к работе!

Делегация ушла, и по всем мастерским снова начались митинги. Боевое настроение нарастало. В шрапнельно-сборочной, забастовавшей с утра, выгоняли штрейкбрехеров. На митинге судостроительной верфи рабочие не дали договорить помощнику директора и прогнали его с собрания.

В паровозо-механическую пришли рабочие соседней вагонной мастерской. Между паровозниками и вагонщиками был сговор — вывозить мастеров на тачках. Вагонщики вывезли ремонтного мастера паровозо-механической.

Администрация по цехам приумолкла и стушевалась.

В дверях судостроительной появилась команда измайловцев, дежурившая на заводе. Но, посмотрев на возбужденных рабочих, солдаты тотчас ушли. А полицейские, постоянно находившиеся в проходных завода, не отваживались даже выйти из своего помещения.

К концу дня все тридцать тысяч путиловцев митинговали. В разных концах завода выступали десятки ораторов. Не заводские дела стали теперь предметом обсуждения. На первый план был выдвинут продовольственный вопрос. Рассказывали, что на многих улицах Петрограда происходят волнения.

Речи и разговоры всюду сводились к одному:

— Сдавать нельзя — бастуем до конца.

21 февраля забастовали все мастерские. На верфи итальянили. У станков оставались одни солдаты. Участвуя во всех собраниях, они к стачке присоединились не сразу. Многие боялись попасть в руки военно-полевого суда или на позиции.

Солдатам говорили:

— Идите к нам. Ничего вам не будет. Скажете, что вас силой не допустили к работе.

В турбинной мастерской Вася Урюпин, молодой большевик, уговаривал группу солдат. Особенно упорствовал костлявый смуглый фронтовик:

— Просто бастовать будем или до оружия дойдет?

— А как выйдет, — ответил агитатор.

— Нам знать надобно. Если до пальбы дойдет, у нас с вами одна ставка — голова с плеч. А если просто так — с нас голову снимут и пикнуть не дадут, а вас... разве только попужают.

Возбужденные солдаты остались одни в большой затихшей мастерской. Они рассуждали:

— Дойдет до пальбы или нет?

В среду 22 февраля утром путиловцы потянулись на завод. Но заводские ворота оказались наглухо запертыми — правление объявило локаут.

Тут же у калиток большевики предложили выбрать по одному человеку от крупнейших цехов. Избранные посовещались с представителями районного комитета большевиков и тут же объявили: немедленно приостановить работы на всех заводах заставы и разойтись по городу, призывая рабочих поддержать стачку. Группами разошлись путиловцы — на Химический, «Лангензипен», «Треугольник» и другие заводы столицы. Делегаты обошли все заводы Выборгской стороны и Нарвской заставы. Когда путиловские гонцы принесли весть о локауте и стачке, многие предприятия уже бастовали. Всюду возникали продовольственные волнения. Известие о забастовке на Путиловском было встречено как долгожданный сигнал.

Наступил Международный женский день — 23 февраля. Большевики призвали отметить этот день демонстрацией, и работницы откликнулись на призыв. Работницам, домохозяйкам, солдаткам — им первым приходилось выносить на себе тяготы, принесенные войной. Много раз они собирались толпами, громили продовольственные лавки и прогоняли полицию.

Теперь в день 23 февраля по призыву большевиков тысячи женщин вышли на улицы. Сплошной гул стоял над заставой. Женщины окружали солдатские патрули. Под градом жалоб, требований и упреков солдаты терялись и отступали. В центре, на Невском, полиция разгоняла даже небольшие группы людей. Здесь, за Нарвской заставой, полиция не решалась трогать толпы рабочих.

Постепенно люди запрудили все Петергофское шоссе.

Со всех концов заставы на главную улицу рабочей окраины сходились рабочие. Прибежали, бросив работу, текстильщицы Екатерин-

гофской мануфактуры. Пришли девушки с тряпичной фабрики, покрытые пылью от грязной ветоши, которую они сортировали. С веселыми, радостными криками встретили конфетчиц. Пришли шоферы и механики из гаража «Транспорт», рабочие завода «Анчар» и завода «Бип». Бросили работу пильщики Лесопильного завода, из парка конной железной дороги вышли кондуктора и кучера. Остановились заводы Тильманса и «Лангензипен». С Балтийской улицы потянулись кабельщики мастерской Бездека, с островов Грязного и Резвого пришли рабочие костеобжигательных заводов.

Кто-то затянул песню, и огромная толпа демонстрантов двинулась к Нарвским воротам. Здесь, у Нарвских ворот, к демонстрации присоединились работницы Тентелеевского химического завода, выделявшиеся из всей массы демонстрантов. Они пришли из цехов, пропитанные парами ядовитых кислот. Даже морозный февральский день не вызвал румянца на их обескровленных желтых лицах. Всем своим видом они олицетворяли страдание и нищету, в которую загоняли женщину капиталистическое рабство и грабительская война.

На площади открылся митинг. Солдатка Аннушка из шрапнельной мастерской заговорила первой. Ей не раз приходилось коноводить среди своих заводских работниц. Во главе женской делегации она шла к директору требовать прибавки, подымала крик против мастеров, не давала в обиду себя и своих товарок.

Быстро преодолев смущение перед огромной толпой, она заговорила о празднике рабочей женщины. Ее резкий, несколько хрипловатый голос прозвучал на всю площадь.

Нарвская застава знала много рабочих собраний и митингов. Они происходили повсюду и сопутствовали каждому крупному выступлению рабочих. Гонимые, они перебрасывались с одного места в другое. Много раз казацкая плеть и полицейская шашка гуляли по головам и спинам рабочих, и часто митинг превращался в сражение, а место собрания орошалось рабочей кровью.

Митинг на Нарвской площади 23 февраля 1917 года не был похож на митинги прошлых лет. Ораторы не прятали своих лиц, не нахлобучивали шапок на глаза. Они стояли прямо и оглядывали толпу из конца в конец. Открыто, смело бросали горячие слова, не боясь налетов полиции.

С высоты каменного постамента Нарвских ворот один за другим выступали путиловцы, текстили, рабочие Химического завода. Впервые за долгие годы большевистские лозунги открыто прогремели с трибуны.

Все новые потоки людей прибывали на площадь. Со стороны деревни Волынка пришло несколько сот женщин с пустыми корзинками и кошелками. Женщины простояли целую ночь в очереди за хлебом, намерзлись до синевы и все же хлеба не получили. Они принесли на митинг свою неистовую злобу против войны и голода. В дальних рядах толпы горячо и сбивчиво говорили какие-то никому неведомые ораторы. Они взбирались на плечи впереди стоящих и громко кричали каждый свое.

На главной трибуне у триумфальной арки появилась работница Химического завода. Все смотрели на эту угловатую женщину, одетую в ватную, военного образца душегрейку. Платье ее во многих местах было прожжено серной кислотой. Высокая и худая, она вся сотрясалась от кашля и долго не могла начать свою речь. Наконец, поборов приступ кашля, работница сказала как бы про себя:

— Проклятая кислота действует. Все в горле першит.

Затем выпрямилась и неожиданно громко заговорила:

— До каких пор молчать будем? Эта война хуже кислоты — жжет внутри. Детям есть нечего. До хлеба не достоишься. Вчера мне удача выпала — на бойне выпросила костей и требухи. Суп-то с них наваристый вышел, только в горло еле пропихнешь — склизкий. А мясо кто ест? Господа в бобрах да енотах! Почему хлеба нет?

Она напряглась и во всю силу своего голоса закричала:

— Мужчины, почему молчите? Все равно пропадать...

Ее снова схватил острый приступ кашля, и, не закончив речи, она сошла, бросив в толпу листок — письмо от мужа с фронта.

По рукам пошло письмо, полученное солдаткой. Во многих местах строки были старательно залиты густой черной краской штабной цензуры.

Из-за поворота с Нарвского проспекта появился отряд казаков. Но они обогнули толпу, не задев никого.

Внезапно в толпе раздались возгласы:

— На Невский! Стройся!

Толпа загудела:

— На Невский! Хлеба требовать! Мира! Долой войну!

Снова зазвучали большевистские лозунги против войны и самодержавия. В разных местах запели революционные песни. Откуда-то появились красные знамена. Их подхватили женщины:

— Наш праздник. Нам и знаменщиками быть.

Толпа двинулась.

— Путиловцы пошли... — разнеслось по Нарвской заставе.

У Калинкина моста к демонстрации присоединились работницы текстильных фабрик Кенига и Воронина. С другой стороны Фонтанки путиловцев поджидали рабочие Калинкинской мануфактуры. Перейти реку демонстрации не дал большой полицейский отряд. Он захватил мост.

Но демонстрация, разбившись на множество ручейков, все же пробивалась в центр. Необычайное упорство рабочих сламывало сопротивление полиции. Поодиночке, группами в три-пять человек проходили путиловцы сквозь заграждения и цепи. Толпами направились в обход — по Фонтанке, Обводному каналу, через промежуточные мосты, перебирались на Садовую. Так разными путями пришли на Невский почти все путиловские рабочие. Знамена пронесли свернутыми, спрятанными под пальто.

Едва первые ряды демонстрации тронулись с Нарвской площади, как по всему рабочему Петрограду разнеслась весть о том, что путиловцы двинулись к центру.

И словно не было между Нарвской и Выборгской сторонами десятка верст. Весть моментально докатилась до выборжцев. Еще с утра выборжцы дрались с полицией, стремясь прорваться к Невскому. Узнав о выступлении путиловцев, они усилили нажим на полицейские заграждения. Каждая неудача побуждала их к новым попыткам пробиться в город. Они пробирались в одиночку, переходили Неву по льду, проникали на Невский глубоким обходом.

К четырем часам дня выборжцы устроили демонстрацию на Литейном и Суворовском проспектах. В шесть часов вечера соединенными силами путиловцев и рабочих Выборгской стороны был остановлен казенный Орудийный завод на Литейном проспекте, и рабочие завода присоединились к демонстрации.

Мощное выступление петроградского пролетариата в Международный день работниц испугало царскую власть. Охранка недаром отмечала, что приближаются события, «в сравнении с которыми 1905 год — игрушка».

В беспрерывных стычках с полицией, в появлении рабочих демонстраций на Невском, в выступлениях Выборгской и Нарвской сторон уже слышались первые раскаты начинающегося восстания.

Поздно вечером путиловские большевики, вернувшиеся с демонстрации, сошлись в доме на Счастливой улице — обычном месте собраний районного комитета. Надо было установить единый план действий. Первой мыслью у всех было: как снять с работы три тысячи солдат, оставшихся еще в мастерских завода?

Кто-то предложил взорвать электростанцию, вывести из строя турбины. Тогда солдатам нечего будет делать в заводе. Это предложение категорически отвергли. Решили снять солдатскую массу через солдат — членов партии большевиков и тех, кто был с ними связан.

На следующее утро в цехи пришли все солдаты-большевики. Они принесли с собой листовки и личные записки к отдельным, ранее распропагандированным солдатам.

По совету большевиков группа солдат направилась к Фортунато — заводскому воинскому начальнику.

Фортунато оглядел пришедших солдат. Одеты они были не по форме: шинели полурасстегнуты, без ремней. Фортунато требовал от солдат выправки. Но теперь было не до этого.

Небольшого роста солдат выдвинулся вперед:

— Ваше благородие, нас принуждают бастовать. Мы не хотим, нас избить грозят. Прикажите выдать нам винтовки. Спокойнее работать будем.

Глаза Фортунато стали острыми и колкими. Помолчав, он сказал:

— Без оружия обойдетесь. Идите. А если вас принуждают, что ж, бастуйте...

Когда группа отошла далеко от конторы, маленький солдат грустно произнес:

— Сорвалось! Жалко.

Фортунато, старый заводской охранник, разгадал затею солдат. Чтобы легче было наблюдать за ними, он согнал их со всех цехов

в шрапнельную и новоснарядную мастерские. Рассчитывая держать на полном ходу хотя бы две мастерских, он полагал, что на снарядах и шрапнелях солдатам к тому же трудней будет отказаться от работы. Они ведь сами на своей шкуре испытали, что такое фронт без снарядов. Но Фортунато ошибся. В шрапнельной собрался митинг. Громко кричали большевики о позорном поведении солдат, срывающих забастовку. Прибежал Фортунато:

— Кто разрешил собрание?

Он угрожал солдатам военным судом и напомнил им, что солдат обязан работать даже под пулями.

Злобно кричали ему в ответ:

— Мы уже были под пулями. Не испугаешь!

К обеденному перерыву солдаты ушли из завода.

24 февраля в Петрограде уже бастовало около двухсот тысяч человек. В десятках мест собирались огромные толпы. Лозунги «Мира!», «Хлеба!», «Долой самодержавие!» перебрасывались с митинга на митинг. Кое-где происходили стычки рабочих с городовыми. Но войска сочувственно относились к рабочим, отказывались разгонять демонстрации, а в отдельных случаях препятствовали полиции.

Женщины громили лавки в Беликовых домах, на рынке у Огородного переулка. Полицейских били корзинками и скамейками, принесенными для многочасовых очередей.

С вечера подростки останавливали вагоны Ораниенбаумской трамвайной линии и отбирали ручки у вожатых. Если несмотря на требования трамвай не останавливался — били стекла вагонов.

До поздней ночи гудела возбужденная и настороженная Нарвская застава.

25 февраля забастовал весь рабочий Петроград. Движение стало всеобщим. За Нарвской городовые уже не показывались на улицы в своей форме. Переодевшись в солдатские шинели, они наблюдали за событиями.

Днем у заводских ворот скопилась толпа рабочих. На стук никто не откликался. Постучав еще немного, передние навалились на одну из калиток, сломали ее и вошли в завод. В несколько минут были сломаны все калитки и ворота. Шумная толпа ворвалась в завод и побежала по узкому проходу между конторой и железопрокаткой.

На середине заводского двора бежавшие остановились. Впереди всех находился рослый шрапнельщик Григорий Самодед. Он первым ворвался в завод и первым же остановился в недоумении: завод был совершенно пуст.

Перед пустынным заводским двором в непривычной тишине молча стояла толпа путиловцев.

Вдруг Самодед взмахнул доской, захваченной от сломанной калитки, и скомандовал:

— Снимай охрану!

Толпа на мгновенье застыла, затем острая мысль обуяла каждого: завод в наших руках.

Кто-то взволнованно крикнул:

— Товарищи! Это же революция...

И вслед за этим кинулись путиловцы по обширной территории завода. Они бежали по запорошенным необычно белым снегом дорожкам, разоружая охрану, заглядывая во все закоулки — нет ли где спрятавшихся полицейских.

В домах, где находились квартиры директора и высших служащих, было тихо. На дворе — ни души. В главной конторе обретался лишь сторож-старик. Его не тронули. Контору по делам рабочих и служащих захватили: здесь обосновался только что организовавшийся рабочий комитет Путиловского завода — «Временный революционный комитет». Он поставил себе задачей: «Руководить жизнью за Нарвской заставой, вести борьбу с полицейщиной, организовать боевую дружину и установить порядок на улицах». Комитет установил дежурство вооруженных рабочих у проходной и на Петергофском шоссе.

Нарвская застава была в руках рабочих.

К. ПАЖЕТНЫХ

ВОЛЫНЦЫ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

Утро 26 февраля 1917 года. Казарма учебной команды лейб-гвардии Волынского полка пуста, лишь дневальный ходит взад и вперед.

Нашу команду подняли сегодня до зари и повели к Николаевскому вокзалу разгонять рабочих. Мы нервничали, зная, что нас могут заставить стрелять в своих братьев — рабочих.

Когда команда подошла к Николаевскому вокзалу, рабочие уже заполнили всю площадь. Шел митинг. Ораторы один за другим произносили горячие речи, призывая рабочих к защите своих прав. В глубине души мы еще питали надежду, что вызваны только для видимости, чтобы навести страх на рабочих, но когда часовая стрелка на вокзальных часах подвинулась к двенадцати, сомнения рассеялись: последовал приказ стрелять. Раздался залп. Рабочие шарахнулись в стороны. Однако выстрелы были почти без поражений. Солдаты, точно по уговору, стреляли вверх.

Но вот затрещал пулемет, наведенный на толпу офицерами, и рабочая кровь обагрила покрытую снегом площадь. В беспорядке толпа бросилась к воротам соседних домов, давя друг друга. Плач, стоны, крики...

Конная жандармерия начала преследовать сбитого с позиции «врага».

Наша часть под командой штабс-капитана Лашкевича возврати-

лась в казарму ровно в час ночи. Унтер-офицер Кирпичников прочитал приказ: завтра в семь часов утра снова построиться в боевом порядке. Остаток ночи мы провели в кошмарном сне. Мерещились рабочие, женщины, дети, падающие под пулями на окровавленную мостовую. Некоторые солдаты вскакивали, кричали и, ложась опять, старались зарыться головой в подушки.

В темном уголке казармы в это время собрались восемнадцать человек команды. Это были взводные и отделенные командиры из нижних чинов. Шопотом обсуждали создавшееся положение. И все восемнадцать, как один человек, бесповоротно решили стать с оружием в руках на сторону восставшего народа. Программу действий наметили такую: команду построить не в семь часов утра, как приказал штабс-капитан Лашкевич, а в шесть часов. Привлечь на свою сторону всех солдат команды и в первую очередь разделаться с Лашкевичем, полковником Висковским и прапорщиком Воронцовым-Вельяминовым, особенно зверски проявившими себя в расправе с рабочими. Затем решили слиться с рабочими для совместной борьбы. Свести счеты с командным составом поручили младшим унтер-офицерам Маркову и Орлову.

Рассвет был уже близок, когда все восемнадцать тихо разошлись по местам.

27 февраля в шесть часов утра команда в триста пятьдесят человек была построена. Выступил Кирпичников, обрисовал общее положение и разъяснил, как нужно поступать и что надо делать.

Много говорить не пришлось. Солдаты как будто ждали этого. Они дали твердое обещание поддержать рабочих.

— Смерть, так смерть, — слышались возгласы, — а в своих стрелять не будем!

В коридоре послышалось бряцание шпор.

Команда насторожилась и как бы замерла.

Вошел прапорщик Колоколов, бывший студент, недавно прибывший в полк. На его приветствие команда ответила обычным порядком. Вслед затем вошел командир Лашкевич. Воцарилась гробовая тишина.

На приветствие «Здорово, братцы!» грянуло громовое «ура» — так мы договорились раньше.

Когда стих гул голосов, Лашкевич, почуяв недоброе, подозрительно оглядел команду, но никак не мог понять, в чем тут дело, для чего это вызывающее «ура».

Он повторил свое приветствие, и снова загремело грозное «ура».

Тогда Лашкевич гневно обратился к Маркову с вопросом:

— Что означает это «ура»?

Марков, подбросив винтовку на руку, твердо ответил:

—«Ура» — это сигнал к неподчинению вашим приказаниям.

В то же мгновенье приклады застучали об асфальтовый пол казармы, и из груди солдат вырвался крик:

— Уходи, пока цел!

Лашкевич крикнул:

— Смирно!

Митинг в казарме

Рис. И. Владимирова

Его команды уже никто не слушал. Тогда он стал действовать иначе — просил нас восстановить порядок, чтобы дать ему возможность прочесть полученную через командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова телеграмму «его величества Николая II». Но и это не оказало никакого действия на солдат.

Потеряв всякую надежду усмирить команду, Лашкевич и Колоколов бросились к двери. В коридоре они встретили прапорщика Воронцова-Вельяминова, и все трое выскочили во двор. Марков и Орлов быстро открыли форточку, вставили в нее винтовки, и, когда три офицера поравнялись с окном, раздались два выстрела.

Лашкевич, как пласт, вытянулся в воротах. Колоколов и Воронцов-Вельяминов бегом бросились за ворота и сейчас же сообщили о случившемся в штаб полка. Забрав кассу и знамя, офицеры мгновенно покинули полк.

Наш путь был свободен. Под командой Кирпичникова мы вышли во двор и залпом вверх возвестили о своем присоединении к революции. После освобождения арестованных с гауптвахты мы тотчас же послали делегатов в ближайшие команды с предложением влиться в нашу восставшую часть. Первой откликнулась рота эвакуированных, которая в составе тысячи человек без колебаний присоединилась к нам. Через короткое время к нам примкнула и подготовительная учебная команда.

Наш отряд рос. Появились рабочие.

Вблизи находились казармы Литовского полка. Солдаты-литовцы наблюдали за нашими действиями и, повидимому, догадывались, в чем дело.

Медлить было некогда. Стройными рядами мы вышли на улицу.

— К литовцам! — раздались голоса.

В воротах Литовского полка нас встретили пулеметным огнем. Однако у нас не было сомнений, что стреляют не солдаты, а офицеры из помещения офицерского собрания. Солдат из казармы не выпускали. Завидев нас, солдаты сами ликвидировали офицерскую засаду — убили офицера, стрелявшего из пулемета.

Пополнившись частями Литовского полка, мы двинулись вперед.

— К 6-му саперному батальону! — скомандовал Кирпичников.

Быстро идем туда. По пути в нашу колонну вливались другие роты и команды нашего полка. Вскоре к нам присоединилась и наша музыкантская команда с капельмейстером Павелко во главе.

Мы уже выросли в крупную воинскую часть. Ряды наши непрерывно пополнялись рабочими. Настроение становилось все более и более боевым. Откуда-то пришел грузовик с револьверами. Ими сейчас же вооружили рабочих. Сзади двигались автомобили с продуктами и куревом.

На Кирочной улице нас встретил отряд, высланный на подавление восстания. Послышалась команда:

— Пли!

Раздался залп. Однако поражений почти не было, убитым ока-

зался один. Ясно, что солдаты стреляли вверх, и лишь офицерский выстрел вырвал жертву из наших рядов.

Мы начали размахивать красным платком, и солдаты перешли на нашу сторону. Офицер пытался удержать их, но с ним быстро покончили.

Вот и 6-й саперный батальон. Офицеры в смятении. Они стараются удержать солдат в повиновении. Тщетно! Дни 25 и 26 февраля сделали свое дело: солдаты уже знали, кто их враг и кто друг.

Раздается приказ следовать в «Кресты». Вместе с саперами направляемся туда. В нашей колонне среди серых шинелей много рабочих курток. Мелькают молодые лица в форменных фуражках учебных заведений.

Чугунные ворота «Крестов» уступают напору толпы. На тюремном дворе появляются заключенные.

Трудно передать настроение, когда томившиеся в стенах тюрьмы люди появились среди нас. Их энтузиазм поднял в нас еще больше дух бодрости.

День заканчивался. Вечером кое-где вспыхивали пожары: горели полицейские участки.

Серьезного сопротивления нам не оказала ни одна воинская часть. Лишь жандармы, городовые и шпики обстреливали из засад и с крыш домов. Но это не остановило нас. Мы шли вперед, сильные своим порывом, своей численностью и единством с могучим рабочим движением, поднявшимся в эти дни в Петрограде.

КАЗАКИ С НАМИ![1]

Рано утром 25 февраля рабочий завода «Новый Лесснер» Кормилицын вышел на улицу. Большой Сампсониевский проспект был почти пуст. В одиночку и редкими группами рабочие спешили на заводы, обмениваясь на ходу известиями. Старика Кормилицына обогнал его сосед по станку и, не останавливаясь, сунул Кормилицыну листок:

— На́, прочти!

Это было воззвание Центрального комитета большевиков.

«Всех зовите к борьбе! — читал Кормилицын. — Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте и зачахнуть от голода в непосильной ра-

[1] Обработано по воспоминаниям рабочих Дм. Щегловым.

боте... Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию!..»

В котельной мастерской собирались рабочие со всего завода. Здесь должен был решиться вопрос: что же делать?

Большинство рабочих требовало немедленного выступления против самодержавия. Это требование было принято собранием. Решили известить также воинские части, с которыми у лесснеровцев была налажена связь.

В это время к воротам завода с разных сторон подъехали два казачьих отряда.

В мастерскую вбежал Кормилицын и крикнул:

— Казаки!

По одну сторону закрытых ворот в молчании сгрудились рабочие, с другой стороны, вдоль забора больницы, стояли казаки. Через калитку к казакам вышли Петров и еще несколько человек. Казачий офицер подтянул поводом морду играющей лошади и с любопытством взглянул на подходивших к нему рабочих. С чуть заметным пренебрежением он спросил:

— Почему завод не работает? Вам чего нехватает?

Петров спокойно, не торопясь, ответил:

— Мы, господин офицер, все время работали на оборону — по двенадцать часов в сутки. И у нас нету сил больше для этого. И хлеба также нет.

Офицер не перебивал.

— Мы хотим жить по-человечески! — закончил Петров.

Пока Петров говорил, рабочие распахнули ворота и, стараясь держать ровнее ряды, стали выходить на улицу. Казаки стояли неподвижно. Около самых лошадиных морд взвился красный флаг, а там, в середине толпы, еще один и еще...

Казачий офицер поднял руку и что-то скомандовал.

Неужели будут разгонять?..

Демонстрация насторожилась, но продолжала итти. Тревожно зацокали копыта коней. Казаки изменили строй и по-двое поехали рядом, бок о бок с колонной рабочих.

Так молча прошли два квартала, до Бабурина переулка. Кто-то запел рабочую «Марсельезу», и ее сразу же подхватило много голосов. В другом месте раздалась «Варшавянка». Мир с казаками от этого не нарушился. Тогда над головами протянулись два красных плаката. На одном было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», на другом — «Долой самодержавие!»

Протяжное «марш-ма-арш» раздалось впереди колонны, и лошади, изменив аллюр, перешли на размашистую рысь. Казаки покидали демонстрацию и по Сампсониевскому проспекту уходили к Литейному мосту.

Один за другим заводы присоединялись к «Новому Лесснеру».

Перед клиникой Вилье толпа парнишек окружила испуганного городового:

— Бей фараона!

Городовой вертелся, отмахиваясь от ребят ножнами шашки, и пытался отшучиваться:

— Но, но... ладно, покричали и будет... Сейчас конная приедет... всех вас заберет!

На ребят доводы уже не действовали. Одному удалось ухватиться за эфес и рвануть его к себе. Треснули ремни. Городовой обеими руками вцепился в шашку.

— Снимай селедку!

Кто-то чиркнул по ремню финкой, и городовой без кобуры и без «селедки», по-бабьи подобрав фалды длиннополой черной шинели, побежал к Оренбургской улице, где перед Сампсониевским мостом стоял отряд конной полиции.

Демонстрация приближалась к Литейному мосту. Тысячная толпа рабочих «Нового Парвиайнена» хлынула из Бабурина переулка, смяла конный отряд городовых и вышла на Большой Сампсониевский проспект.

В это время с Литейного моста навстречу красным флагам медленно подвигался 9-й кавалерийский полк. Все ближе сходились рабочие и солдаты. Офицер поднял обнаженную шашку:

— Рысью, ма-а-рш!

Но кони не двигались, потряхивая красивыми головами, как будто приветствовали демонстрантов.

Работница Анастасия Петровна раздвинула стоявших перед ней рабочих. Платок ее совсем сполз на затылок. Но она ничего не замечала:

— Ваши жены, дети, матери и отцы голодают так же, как мы! А вы чего? Убивать вам не опротивело?

Анастасия Петровна кричала на солдат, как на своих ребят, — с любовью, тоской и злобой.

Несколько смельчаков стало пробираться между рядами коней. За ними потянулись остальные. Солдаты не пытались их задерживать. Так цепочками, по коридорам между всадниками, прошла вся демонстрация. Лица у солдат были неподвижны. Глаза смотрели и, казалось, ничего не видели. Офицер, передав команду вахмистру, незаметно исчез.

На Знаменскую площадь по Невскому, с Лиговки, со стороны Александро-невской лавры стекались тысячи демонстрантов. Группа лесснеровцев дошла до «бегемота» — памятника Александру III — и здесь, сжатая со всех сторон, остановилась. На углу Лиговки, возле Северной гостиницы, стоял взвод казаков на вороных конях. У большинства рабочих, как всегда, казаки будили враждебные чувства... Но все же сегодня их пытались приветствовать неуверенными криками «ура». Казаки сидели грузно, лениво округлив спину, как в походе, когда красоваться не перед кем и хочется только отдохнуть и подремать. И кони казаков также притихли, привыкнув к проходящим колоннам. Молодой хорунжий наблюдал за площадью.

Вдруг ноги казаков сдавили шенкелями коней, и, ожидая посыла, лошади подняли головы.

По Лиговке со стороны Обводного канала въезжал отряд конной полиции. Ехавший впереди его пристав что-то крикнул толпе. В ответ выше поднялись флаги и уверенно раскатился крик: «Долой самодержавие!»

Залп раздался настолько неожиданно, что сначала трудно было представить, что за этими звуками таится смерть. Ближайшие к полицейским демонстранты шарахнулись. Задние ряды, не разобрав, в чем дело, стояли неподвижно. Второй залп и за ним сразу третий опрокинули и раскидали многотысячную толпу. Через головы бежавших увидали казаки несколько десятков тел, распластанных на камнях.

— Безоружных... голодных... душегубцы... — сжимая зубы, ругнулся кто-то из казаков.

Казаки нетерпеливо взглянули на хорунжего. Внезапно хорунжий дал жеребцу шенкеля. По-своему поняв командира, казаки безмолвно рванулись вперед. В воздухе блеснули со звоном выхваченные шашки, и всадники, как в атаке, пригнулись к вытянутым шеям коней.

Теряя свои маленькие круглые барашковые шапки с черными султанами, городовые поворачивали тяжелых, толстозадых коней и мчались наутек по Лиговке, в переулки. Пристав, который командовал отрядом, остался позади. Он заметался по площади и, спасаясь, свернул к воротам вокзала. Он уже успел соскочить с лошади, чтобы скрыться за решоткой ворот, как молодой казак на ходу, сбросив с ремня винтовку, выстрелил. Пристав осел на землю.

Люди приветствовали казаков криками:

— Да здравствует революционное казачество!

Откуда-то появились цветы, и толпа стала украшать ими седла, стремена и гривы коней. Смущенные казаки, сами не понимая, как все произошло, сурово затыкали за пояса и за погоны красные и белые цветы.

Т. СЕМЕНОВ

СКОРОХОДОВЦЫ

В 1917 году я работал в зольной мастерской кожевенного завода, который находился при фабрике «Скороход».

24 февраля мы еще продолжали работу. По мастерским устраивали митинги. Выступали представители районного комитета большевиков и призывали скороходовцев к забастовке. На следующий день утром фабрика стала. Мы разошлись по домам.

На улицах Московской заставы митинговали рабочие «Скорохода», Речкина, «Сименс-Шуккерта». Выступали представители всех партий. Рабочие говорили о том, что накипело за долгие годы угнетения и бесправной жизни. На этих митингах многие выступали впервые.

Митинги обстреливались полицейскими. Спрятавшись на чердаках и крышах домов, они стреляли в нас из винтовок и пулеметов. Мы посылали своих товарищей громить полицейские гнезда. Митинги не прерывались.

Рабочие ходили по улицам Московской заставы, искали городовых. Много их попряталось тогда в квартирах, в подвалах, на чердаках.

За заставу из города приходили вести о новых событиях. Во всем городе на улицы вышли рабочие и работницы с лозунгами: «Хлеба», «Долой царя».

Генерал Хабалов приказал рабочим встать 28 февраля на работу. Он угрожал потопить революцию в крови. Полицейские готовились к расправе. У Московских ворот на чердаках домов были установлены пулеметы. Засели полицейские и на колокольнях церкви Спаса, у Колмовской улицы и в Новодевичьем монастыре.

Утром 27 февраля мы к работе не приступили. Рабочие собирались у ворот фабрики. Открыли митинг. Оратор от большевистского районного комитета призывал нас вооружаться.

— Идемте, товарищи, — говорил он, — в воздухоплавательную роту. Там мы достанем оружие...

Днем раньше мы приходили туда, призывали солдат выйти из казарм на улицу, поддержать революцию.

И вот я с другими рабочими отправился за оружием в воздухоплавательный парк, который помещался у полотна Царскосельской железной дороги.

По пути нас обстреляли из пулемета. Мы бросились во двор дома, из которого стреляли. Вдруг выстрелы прекратились. Стало тихо. У деревянного сарая группа рабочих окружила убитого околоточного надзирателя, который лежал лицом вниз. Пулемет мы взяли с собой.

В воздухоплавательном парке нас встретили как давних знакомых. После короткого митинга солдаты открыли цейхгаузы и выдали нам винтовки и патроны. Часть солдат воздухоплавательного парка вместе с рабочими отправилась в город.

Теперь по улицам шла большая вооруженная сила рабочих и солдат. К скороходовцам присоединились рабочие завода Речкина, «Сименс-Шуккерта», Толевого завода, фабрики Петрова и других предприятий заставы. Вместе с нами шли матросы и солдаты, которых мы выводили из заставских казарм.

В тот день скороходовцы прошли почти весь город. Приняли они бой на Знаменской площади. Лежа стреляли по полицейским, наседавшим с Невского. Добрались до «Крестов». Были на Охте. У казарм Новочеркасского полка нас встретили с красными флагами солдаты 1-го запасного батальона.

За Московскую заставу вернулись только утром. Вернулись, вдохновленные первыми победами революции.

Застава была в наших руках.

ПИСЬМО ЛЕНИНА

Старая Нарвская застава неумолчно гудела в эти дни. Толпами собирались рабочие на перекрестках, выступали ораторы, до хрипоты споря о насущных вопросах дня: о войне, о власти. Только к ночи стихала жизнь в рабочих кварталах. В низеньких приземистых домишках гасли огни, а на улицы выходили патрули рабочих-милиционеров.

Каменный одноэтажный дом, где помещался районный комитет большевиков, продолжал жить напряженной жизнью. После бурных заводских митингов и непрерывных сражений с эсерами и меньшевиками под низкие своды дома ежедневно сходились нарвские большевики. Кузнецы, слесари, строгальщики, машинисты стали депутатами совета, руководителями профсоюзных организаций, партийными работниками, боевиками-дружинниками, и все они были рядовыми агитаторами большевистской партии.

Старик Швецов, уполномоченный агитаторской коллегии комитета большевиков, еще с вечера распределял агитаторов. Он узнавал, где сильны оборонцы, в какие заводы и цехи нужно послать подкрепление, намечал районы действий, направляя агитаторов для встречи вечерних и ночных смен, а также на уличные митинги.

Каждый день, выполнив поручения своего комитета, большевистские агитаторы собирались, чтобы поделиться впечатлениями пережитого дня и наметить пути на будущее. И всякий раз их мысль направлялась к тому, кто создал большевистскую армию и руководил ею, — к великому Ленину.

Ленин был за границей. Каждый думал о том, как сквозь цепь фронтов он пробьется в Россию. Каждый жадно ждал от вождя ясного анализа современной обстановки, четких указаний, директив.

И вот пришло первое из ленинских «Писем из далека». 21 марта 1917 года в комитете большевиков собрались все активные работники Нарвского района. У каждого в руках была газета «Правда», где была напечатана часть ленинского письма. Радостно и возбужденно встречено было письмо Ленина. Старые большевики гордились своим вождем, с именем которого связаны долгие годы их подполья. Ленин был далеко, за границей. Из газет он получал отрывочные, искаженные военной цензурой вести о русской революции. Но как правильно вскрыл он создавшуюся обстановку и как гениально наметил перспективы дальнейшей борьбы! Ленин написал письмо «издалека», но как близки петроградскому рабочему были все его мысли. Ильич сказал то, что наболело у каждого, выразил то, что думали массы рабочих и трудящихся. И именно туда, в эти массы, нужно было нести мудрые и ясные ленинские мысли.

На агитаторской коллегии было решено: получив продолжение письма, завтра (22 марта) подробно обсудить все письмо Ленина по заводам; на сегодняшних митингах сообщить рабочим, что Ленин при-

слал письмо, в котором призывает рабочих и трудящихся продолжать борьбу за мир, хлеб и свободу, призывает не верить буржуазному Временному правительству, а вести революцию вперед — от первого ко второму этапу.

Весь вечер 22 марта большевики Путиловского завода и других предприятий Нарвской заставы пункт за пунктом обсуждали письмо Ленина. Перед ними вставали величественные перспективы борьбы. Ленин давал программу действий. Письмо освещало ярким светом пройденный путь — короткий, но богато насыщенный событиями.

Становилось ясным, что Временное правительство — правительство буржуазии и помещиков — не может и не хочет дать народу мир, хлеб и свободу. И глубоко врезались в сознание слова Ленина:

«Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции».

Письмо Ленина стало краеугольным камнем большевистской агитации и всей работы в районе. Его читали на цеховых митингах Путиловского завода. Номера «Правды» с этим письмом для агитаторов стали главным пособием во всех их выступлениях. Районный комитет дал большевикам — депутатам совета — директиву: еще энергичней работать в совете, привлекать на свою сторону беспартийных депутатов.

Вскоре после получения ленинского письма, днем 3 апреля, по фабрикам и заводам революционной столицы, по казармам петроградского гарнизона разнеслась радостная весть: сегодня вечером из-за границы в Петроград приезжает великий вождь рабочего класса Владимир Ильич Ленин.

В Нарвский районный комитет большевиков об этом сообщили по телефону дежурному члену комитета Ивану Генслеру. 3 апреля в районном комитете людей было мало — всего несколько человек. Вся партийная организация заставы находилась на собрании, где заслушивались отчеты Петербургского и районного комитетов и где намечалось произвести выборы нового районного партийного центра. Генслер пошел на собрание — передать радостное известие о приезде Ленина.

День был нерабочий. Собрание длилось уже часа два, и Генслер пришел туда в самую горячую пору: доклады закончились, обсуждали вопрос о текущих задачах партии.

Генслер услышал имя Ленина: один из выступавших цитировал «Письмо из далека» и давал разъяснения по поводу второго этапа революции, к которому Ленин призывал готовиться. Много новых вопросов встает в связи с этим. Борьба развертывается, усложняется, и указания Ленина так необходимы. Надо скорее рассказать товарищам, ведь никто здесь не знает, что сегодня приезжает Ленин.

Генслер сообщил в президиум о приезде Ленина. Через несколько мгновений зал зашумел. Все вскочили. Посыпались вопросы, с какого вокзала и когда прибывает поезд. До прихода поезда оставалось не-

сколько часов, но собрание решили закончить: прения по докладам прекратили и произвели только выборы районного комитета. Разошлись с тем, чтобы вечером организованно встретить Ильича.

Свыше двух тысяч путиловцев двинулось к Финляндскому вокзалу встречать Ленина. Впереди растянувшейся колонны шли вооруженные путиловские дружинники.

У Финляндского вокзала к приходу путиловцев уже собрались огромные толпы рабочих, солдат и матросов. Из районов столицы прибывали все новые группы рабочих, и вскоре все переулки и прилегающие улицы были залиты народом. Путиловцы стояли слева от вокзала, рядом с броневым дивизионом, пришедшим в полном вооружении. Солдаты дивизиона были горды. «Мы приготовили для Ленина стальную трибуну», говорили они и указывали на бронемашину, поставленную напротив входа в вокзал.

В толпе только и было разговоров о том, кто сегодня ступит на землю Петрограда и станет во главе революции. Передавали различные сведения и легенды о Ленине. Будто в пятом году он жил за Нарвской. Будто еще раньше, в незапамятные времена, Ленин студентом исходил пешком всю Нарвскую заставу, побывал во многих рабочих квартирах и, увидев рабочую нужду и горе, проникся ненавистью к эксплоататорам. И тогда в нем зародилась мысль создать рабочую партию, и он, собрав десятка два человек, стал с ними подымать рабочих на борьбу.

Старые большевики, участники подполья, рассказывали о своих встречах с Лениным: как он приветлив и внимателен к рабочим, как он умеет спрашивать и подталкивать вперед мысль. За долгие годы работы в партии большевики ни разу, никогда не чувствовали себя оторванными от Ленина, куда бы ни загнали его полицейские преследования. Из далекой Сибири в девяностых годах они имели сведения от своих товарищей о Ленине. Из-за границы они систематически получали от Ильича указания, помощь и знали: вождь рабочего класса следит за их борьбой.

«Был момент, когда мы чуть не упали духом, — рассказывал пушечник Романов, — это при объявлении войны. Ленин был отрезан от нас фронтами. Каждый день приходили тяжелые вести. Вожди II Интернационала голосовали за военные кредиты, изменили интересам пролетариата. Плеханов высказался за оборончество, за союз с царем. И вдруг из-за границы к нам пришла резолюция — маленькая резолюция Ленина о войне. Мы снова воспрянули духом».

В ожидании толпа то смолкала, то вновь начинала шуметь. Каждый случайно прошумевший паровоз вызывал новую волну: приехал, приехал...

В напряженном ожидании, с нетерпением, как родного ждали Ильича тысячи петроградских рабочих и солдат. Путиловцы, семянниковцы, василеостровцы помнили Ленина юношей, когда он в рыжеватом потертом пальто работал в рабочих кружках, закладывая фун-

дамент пролетарской партии. Петербургские рабочие помнили его — вождя революции, — еще в 1905 году воодушевлявшего их на решительный штурм самодержавия.

Они знали и ощущали Ленина каждый день все эти долгие годы разлуки и теперь следили за широкими вокзальными дверьми: когда они откроются и на каменном вокзальном крыльце появится родной и близкий Ильич — великий Ленин.

Ленин появился неожиданно. Он вышел, окруженный соратниками и друзьями, и на минуту остановился. Взмахнув круглой шляпой, Ильич приветствовал рабочих и солдат революционного Петрограда. Толпа дрогнула. Многотысячное «ура» прокатилось по площади. Путиловские дружинники развернули принесенный плакат «Привет Ленину» и застыли, как на параде.

Ленин взобрался на броневик. Площадь затихла. Прожектора зашипели, и вдруг два ярких луча — два потока света — прорезали апрельские сумерки, скользнули по сероватому темному небу, по площади, залитой людьми, и сошлись над броневиком, освещая коренастую, крепкую фигуру Ленина.

Снова мощный гул приветствий прокатился по площади: «Да здравствует Ленин!», «Привет Ильичу!», «Привет вождю рабочего класса!»

Чуть потоптавшись на месте, словно пробуя крепость броневика, Ленин уверенно бросил в затихшую толпу свой призыв к мировой социалистической революции.

С напряженным вниманием, блестя загоревшимися глазами, слушали тысячи пролетариев столицы речь вождя.

Генслеру показалось, что в глазах у товарищей отражается навеки запечатленная картина: стальная трибуна, освещенная лучами прожекторов, а на ней с протянутой рукой стоит простой и великий человек и возвещает начало всемирной рабочей революции.

В бурном ликовании двинулись ряды рабочих, солдат, матросов провожать Ленина от Финляндского вокзала к дворцу Кшесинской — помещению Петербургского комитета большевиков. И там снова слушали они речь Ильича.

В толпе, жадно ловившей слова Ленина, стоял и товарищ, выступавший на собрании нарвской районной организации. Генслер заметил его, подошел и, улыбаясь, спросил:

— Ну, как, дружище, письмо от Ленина получил?

— Получил, — ответил тот. Глаза его искрились, и он, высоко закинув голову, смотрел на балкон, откуда Ленин бросал горячие слова о начале гражданской войны во всей Европе, о предстоящем крахе империализма.

Возвращались путиловцы за Нарвскую поздно ночью. От дворца Генслер пошел рядом с товарищем. Они шли под руку, как старые друзья, давно знакомые, хотя друг друга никогда не знали. Всю дорогу до Нарвских ворот они говорили о задачах партии, об агитационной работе, о заводе. Но неизменно разговор возвращался к Ленину, к его речам и призывам. Они поведали друг другу все, что каждый знал об этом человеке, сделавшем их друзьями.

ВСТРЕЧА В БЕЛООСТРОВЕ[1]

Слухи о скором приезде Ленина взбудоражили весь Сестрорецкий оружейный завод. На каждом митинге большевики неизменно говорили о Ленине. На Сестрорецком заводе Ленина знали давно. В 1906 году рабочие-оружейники ездили на большевистскую конференцию в Финляндию. Ленин забрасывал их там вопросами, заставлял высказываться, расспрашивал о настроениях...

28 марта слесарь Афанасьев созвал в обеденный перерыв старых большевиков завода.

— Не прозевать бы нам, товарищи, Ленина, — предостерегал он собрание. — Проедет Ильич мимо нас, а мы и знать не будем. Надо каждый день ездить в Петербургский комитет — узнавать.

Три дня подряд ездили сестрорецкие большевики в бывший дворец Кшесинской, расспрашивали всех работников, и только 2 апреля Казимир Киршанский привез радостную, волнующую весть:

— Завтра Ленин прибудет в Белоостров.

Завод 2 апреля не работал. Нужно было в тот же день оповестить всех рабочих о приезде Ленина. Было уже семь часов вечера, и времени для подготовки встречи оставалось очень немного. Шесть с половиной тысяч оружейников были разбросаны по Сестрорецку, Разливу и Тарховке.

— Придется обойти — известить народ, — сказал слесарь Матвеев. — Надо весь актив поднять на ноги: самим не успеть.

На дверях одноэтажного деревянного здания, где помещался заводской коллектив большевиков, кто-то уже приклеил объявление:

«Товарищи! Завтра через Белоостров проезжает вождь всего пролетариата — Владимир Ильич Ленин. Встречайте товарища Ленина ВСЕ!».

Вскоре небольшая комната партийного коллектива оказалась переполненной. Вышли на двор. Старых большевиков, знавших и видевших Ленина раньше, сразу же окружила молодежь.

— Да ты расскажи нам что-нибудь про Ленина, — просил Матвеева светловолосый подвижной подросток Федя Андреев.

Матвеев чувствовал себя в центре внимания. Не торопясь, расправил пышные усы и сел на заботливо принесенный стул.

«Было это, ребята, в 1907 году, — медленно и вдумчиво рассказывал он. — Вызывают нас на совещание в Териоки, меня и Голованова. Пришли мы и сразу наткнулись на Ильича. Я его сначала и не узнал: усы подстрижены, еле-еле видные, бородка сбрита, а на голове большая соломенная шляпа. Оказывается, Ильич недавно был на съезде в Стокгольме и теперь изменил внешность, чтобы жандармы и шпики не узнали. Народу собралось — со всех крупных петроградских заводов. Рассказал нам Ильич о съезде, а потом за нас принялся. Какое, спрашивает, на заводах настроение, как думаем вести дальше работу и можно ли сейчас поднять народ на забастовку.

---

[1] По воспоминаниям А. Афанасьева, Ф. Андреева и А. Матвеева обработал Н. Ходза.

Все делегаты говорят одно: не время теперь бастовать — устали очень. Некоторые организации разгромлены. По заводам много арестованных.

Дошла очередь до делегата Приморской железной дороги. Он и говорит: мы, мол, готовы, можем хоть завтра забастовать.

Записал что-то Ильич в блокнот и сразу же ко мне:

— Ну, а Сестрорецк что скажет?

Тут я, дурак (голос рассказчика стал и громким и взволнованным), возьми, да и брякни:

— Что ж, мы от хорошего примера не отстанем. Если Приморка начнет — мы поддержим...

Ну, и задал же мне Ильич потом жару! Это кто же, говорит, с кого должен пример брать? Крохотная Приморка с кадровых рабочих или наоборот? Кто кого должен вести? Нет, говорит, не верю я, чтобы весь завод так думал. Напутали вы что-то. Одним словом, поругал нас Ильич при всех накрепко... И вот, верите ли, ребята, ни капельки у нас на него обиды не было. Уж больно как-то умел нас ругать: и крепко, а чувствуешь — не ругает, а учит».

Затем Матвеев, не скрывая волнения и ни к кому в отдельности не обращаясь, начал вдруг размахивать руками:

— Да ты знаешь, какой человек приезжает?! Ленин. Это понимать надо, что это означает. Тебе он Ленин, а мне-то ведь он Ильич.

В напряженной тишине, ловя каждое слово, слушали рабочие рассказ Матвеева.

В других группах большевики Афанасьев и Голованов рассказывали о своих встречах с Лениным на собраниях и митингах в 1905 году...

С утра 3 апреля рабочие небольшими группами начали собираться у здания партийного коллектива. Бюро коллектива работало с восьми часов утра. На повестке заседания стоял единственный вопрос: приезд В. И. Ленина.

— Надо встретить, товарищи, нашего Ильича так, чтобы все было в порядке, — говорил Афанасьев, — чтобы он наших вооруженных рабочих увидел.

Каждые полчаса большевики звонили в Петербургский комитет, справлялись о часе выезда Ленина из Финляндии. Но точного ответа не давали. Одни говорили, что поезд в Белоостров прибудет в полночь, другие утверждали, что в одиннадцать. Наконец кто-то твердо прокричал в трубку, что поезд будет на границе в десять тридцать вечера.

Зычным голосом Киршанский прокричал о сборе на Сестрорецком вокзале в десять часов.

Афанасьев поспешно отправился к начальнику станции договариваться о специальном составе. На всякий случай условился, что паровоз и три вагона будут наготове с шести часов.

В коллективе торопливо прикрепляли к древкам новые полотнища кумача и писали приветственные лозунги.

В половине седьмого неожиданно раздался резкий телефонный звонок. Киршанский быстро схватил трубку:

— Сестрорецк! Да, коллектив. Сейчас запишу...

Вдруг он вскочил, выронил карандаш и, ударив кулаком по столу, закричал в трубку:

— Как в восемь, когда сказали в десять тридцать? Это чорт знает, что такое...

За полтора часа нужно было обежать несколько тысяч рабочих и предупредить о новом часе прихода на вокзал. Сделать это было явно невозможно. Киршанский выбежал из помещения, оставив на столе скомканную телефонограмму. Во дворе он столкнулся с Афанасьевым. Ругая петроградских «путаников», передал ему полученное сообщение.

— Обежать всех старых большевиков,— предложил Афанасьев.— Каждый пусть оповестит не менее пяти человек. Поезд отправляю через полчаса.

К семи часам около ста рабочих было в вагонах. Поехали в Белоостров.

Еще не успел скрыться из виду последний вагон, как на станцию прибежала, запыхавшись, новая группа рабочих. Это были главным образом молодые рабочие, никогда не видевшие Ленина. Один из них быстро сбегал к начальнику станции.

— Беда, товарищи: паровоза нет и раньше восьми не будет... Айда, пешком!

И шестьдесят человек, наскоро построившись, зашагали по грязи и лужам к вокзалу. Несколько минут шли в сосредоточенном молчании. Кто-то попробовал затянуть «Варшавянку», но, не встретив поддержки, сконфуженно умолк. Шли с одной мыслью: успеем ли встретить Ленина. Кто-то из молодых рабочих стал рассказывать, что слышал о Ленине от старых сестрорецких большевиков — Матвеева и Голованова. В 1906 году, поехав от сестрорецких рабочих на совещание в Териоки, Голованов и Матвеев видели Ленина. После совещания разъезжаться по железной дороге было опасно. Стало известно, что на пути от Териоков до Белоострова много шпиков. Сестрорецкие рабочие решили пойти домой пешком. Надежда Константиновна Крупская, узнав об этом, сообщила Владимиру Ильичу. А Ильич вдруг предложил нашим товарищам:

— Возьмите меня с собой. Мне завтра днем необходимо быть в Петрограде. Я вам в тягость не буду...

С великой радостью согласились Голованов и Матвеев и всю дорогу провели в разговорах с Ильичем.

Сколько вопросов назадавал Ленин — только отвечай. Про все расспросил: сколько рабочих, сколько большевиков, как с меньшевиками деремся, были ли провалы, какие? Даже про ребятишек спросил. Так они всю дорогу рассказывали, а Ильич только вопросы задавал. Поняли тогда они, почему Ильич всегда так хорошо знает нужды и интересы рабочих. Довели они Ильича до Сестрорецка, посадили в вагон, и поехал он в Петроград.

Рабочие уже давно сбили ряды, каждый старался протискаться к рассказчику поближе. Настроение поднялось. Незаметно дошли до

станции и, оказывается, не опоздали. Поезда ожидали с минуты на минуту. На платформе кроме сестрорецких рабочих было еще человек двести рабочих с Александровской фабрики. Маленький перрон Белоострова заполнен доотказа. Тут же, у вокзального здания, стояла делегация Центрального и Петербургского комитетов во главе со Сталиным.

Наступили сумерки, зажглись станционные фонари. Люди прислушивались к далекому паровозному гудку.

Казимир Киршанский попытался выстроить почетный караул, но ничего не вышло: каждый непременно хотел быть в первом ряду, чтобы как можно ближе увидеть Ильича. Нетерпение встречающих нарастало.

Вот и поезд. Едва он остановился, рабочие бросились к вагонам. В каком вагоне едет Ильич — никто не знал. Зоркий и подвижной Афанасьев бросился к обер-кондуктору:

— В каком вагоне эмигранты? Где Ленин?

Медлительный финн повел Афанасьева. Следом устремились все встречающие. Подошли к одному из вагонов. Многие рабочие сейчас же прильнули к окнам, но сквозь запотевшие стекла ничего не было видно.

Но вот толпа кинулась к площадке вагона. На ней стоял невысокий, широкоплечий человек в распахнутом пальто и темной шляпе. Он взялся за поручни спуска, и свет вокзальных фонарей упал на его лицо.

Ленин!..

Афанасьев не услышал своего голоса в общем приветственном крике:

— Ленин! Ильич! Ура!..

Ильич уже вышел на платформу и крепко пожал руку Сталину.

Толпа обступила Владимира Ильича и Сталина. Афанасьев, Киршанский и еще несколько рабочих бережно подняли Ильича на руки и понесли в станционный зал.

Это были незабываемые минуты. Каждый рабочий почувствовал, что этот человек, в поношенном сером костюме и расстегнутом пальто, находится здесь не проездом, не в качестве почетного гостя, а приехал он к себе в дом, в свою семью, которая так ждала его, так мечтала об этой исторической встрече.

Киршанский, взобравшись на подоконник, произнес от имени сестрорецких рабочих приветствие вождю революции.

Отвечая, Ленин сразу же заговорил о текущих задачах пролетариата, о борьбе за массы, о недоверии Временному правительству.

— Революция в России не завершена, товарищи, — закончил Ильич свою краткую речь. — Перед рабочим классом стоит задача — довести революцию до полной победы.

Окруженный представителями партийных и рабочих организаций, Ленин направился к выходу.

Казимир Киршанский подвел к Ильичу смущенную, прячущуюся за его спину скромно одетую женщину.

— Это, Владимир Ильич, наша сестрорецкая учительница товарищ Геллерт — член партии с 1915 года. Большую работу ведет в нашей читальне.

Ильич энергично пожал ей руку.

— Вот это хорошо, — проговорил он, внимательно смотря на Геллерт. — Учительница-большевичка — это очень важно! Необычайно важно, — повторил он.

Звонок к отправлению заставил Ильича взойти на площадку вагона. Медленно, как бы нехотя, тронулись вагоны. Ильич замахал шляпой...

И грянула наша боевая песня — наш победный гимн:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Бежавшие за вагоном Ленина рабочие слышали, как Ильич громко и отчетливо пел вместе со всеми:

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!

Поезд уходил к Петрограду, увозя величайшего гения пролетариата в город, где готовилась решающая классовая битва и где вскоре под руководством Ленина и Сталина была одержана великая октябрьская победа.

ЛЕНИН НА ЗАВОДАХ

НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ[1]

Эсеры считали Обуховский завод своей крепостью. На завод часто приезжали их лидеры. Большевики решили пригласить кого-либо из своих крупных ораторов. Остановились на Володарском.

По поручению партийного комитета Василий Егоров поехал за Володарским во дворец Кшесинской, где в то время помещались Центральный и Петербургский комитеты большевиков. В комитете Егоров заявил:

— У нас, на Обуховском заводе, эсеры сильно расшумелись. Дайте нам Володарского на помощь.

— Ступай, посмотри, он где-то на втором этаже.

В коридоре второго этажа Егоров остановил торопливо бежавшую девушку:

— Вы не знаете, где Володарский?

Не останавливаясь, девушка махнула рукой куда-то в сторону:

— Вот здесь посмотри...

---

[1] Обработано по воспоминаниям рабочих М. Розановым.

Егоров отворил дверь. Володарский спал на полу, завернувшись в пальто, положив под голову свою шляпу. С минуту Егоров стоял около спящего, не решаясь потревожить его сон. Но время было дорого. Егоров нагнулся и, осторожно расталкивая, громко сказал:

— Товарищ Володарский!

Никакого результата.

Тогда Егоров затряс его изо всех сил. Володарский вскочил, быстро поправил очки, надел шляпу и, встряхивая пальто, как-то машинально спросил:

— С завода?

— С Обуховского... за вами.

— Но я не спал целые сутки, — возразил было Володарский и сейчас же сдался: — Поедем...

На завод приехали, когда митинг был в самом разгаре. Большевистского агитатора обуховские эсеры встретили свистом и, не дав Володарскому сказать и десяти слов, устроили организованную обструкцию.

Но Володарский ходил по трибуне с невозмутимым видом, заложив руки в карманы, и, когда стало немного тише, спросил:

— Ну что, успокоились? — и продолжал свою речь уже при полной тишине.

Увлеченные речью рабочие сами теперь подавляли всякую попытку эсеров устроить обструкцию. Володарского проводили громом аплодисментов.

Закончив выступление, Володарский достал из кармана носовой платок, чтобы вытереть разгоряченное лицо, и в эту минуту член исполкома Фигель, заметив у него под пальто револьвер, сказал, что большевик, очевидно, боится рабочих, если носит оружие.

— Я ношу оружие как солдат революции, и пули в барабане револьвера не для рабочих, а для врагов, — отрезал Володарский.

Скоро он простился с обуховцами и уехал.

Работа заводских большевиков, выступления их руководителя Слуцкого, речи часто приезжавшего Володарского начали подтачивать, казалось, неприступную крепость эсеров.

У многих рабочих появилось желание увидеть и послушать «самого большого большевика» — Ленина, — и они спрашивали:

— Когда же Ленин приедет к нам на завод? Чернов был, Дейч каждую неделю выступает. Керенский, говорят, скоро будет, а когда Ленин?

С ответом торопились выскочить эсеры:

— Ленин к нам не приедет. Он боится обуховцев. Он знает, что его здесь освищут.

— Врете, пустозвоны, — возмущались большевики. — Не боится вас Ленин, а некогда ему. Но скоро дождетесь, приедет.

Ильич, действительно, обещал Слуцкому приехать на Обуховский завод, и его ждали со дня на день.

Эсеро-меньшевистская верхушка завода забеспокоилась, чувствуя в приезде Ленина угрозу своему влиянию. Члены исполкома стали

проводить по цехам собрания на тему о том, что такое большевизм и как надо держать себя при выступлении Ленина. Эсеры и меньшевики делали все, чтобы натравить рабочих на Владимира Ильича.

Когда стал известен день приезда Ленина, Слуцкий созвал партийное собрание, на котором был выработан план встречи и охраны вождя. Всем членам организации было наказано смотреть за эсерами и разоблачать их клевету.

Прямо с партийного собрания один из большевиков пошел на завод. Он направился к молотовой мастерской. Но в дверях его встретил эсер Васильев и спросил, загораживая дорогу:

— Ты куда?

— Да вот, прохожу мимо — слышу, собрание. Дай, думаю, послушаю. Чай, можно?

Васильев несколько минут колебался:

— Ну, иди...

Большевик прошел в мастерскую, прижался в углу за болванками и, стараясь быть незамеченным, прислушался. Кто-то злым голосом кричал:

— Какое наше отношение? Кошачий концерт ему — вот и все!

— Вот гады!

— Большевик! Вон его! — завопили эсеры, и большевика изгнали из цеха.

Слухи о приезде Ленина облетели все заводы Нарвской заставы, весь район, и в назначенный день на Обуховский завод слушать Ленина пришло около двадцати тысяч рабочих.

Рабочие облепили станки, недостроенные башни кораблей, орудийные стволы. Высоко над головами сидели и стояли на железных стропилах, на крановых путях, на будке крановщика.

Велика башенная мастерская — самая большая на заводе. Но и она не могла вместить всех желающих слушать Ленина. Тысячи рабочих и работниц толпились около мастерской, расположились на грудах металлического лома и на старых железных конструкциях.

Когда митинг начался, автомобиль с Лениным находился верстах в семи от завода. Расставленные большевиками рабочие патрули встречали автомобиль. У завода его окружила группа обуховских большевиков.

В черном пальто и в кепке Ленин вышел из старой облупленной машины. Торопливо поздоровавшись, попросил проводить его на митинг. Как ни густа была толпа около башенной мастерской, как ни плотно стояли люди возле обитой кумачом трибуны, сопровождавшие Ильича большевики проложили ему дорогу. По грубым тесовым ступенькам наскоро сделанной лесенки Ленин взошел на трибуну и огляделся по сторонам. Трибуна была в центре мастерской. Вокруг нее и над ней — море внимательных человеческих лиц.

Председательствующий эсер Яковлев громко произнес:

— Слово имеет лидер большевиков Ленин.

Сразу же в разных концах мастерской раздались аплодисменты. Под высоким потолком хлопки гремели, как выстрелы. Однако боль-

шинство стояло молча, с любопытством наблюдая за Лениным. А Ленин снял свою зеленоватую кепку и пальто, передал их Слуцкому и заговорил.

Никто не записал тогда речи Ильича. Но в памяти обуховцев сохранились слова вождя. Ленин говорил о том, что Временное правительство стремится задушить революцию, что все его обещания лживы, что «социалисты» Чернов, Церетели и другие, участвуя в контрреволюционном правительстве, предали рабочий класс.

Прошло минут пять горячей, захватывающей речи Ленина. И когда он начал уже овладевать аудиторией, неожиданно в разных местах мастерской загрохотали железные листы, и, словно по сигналу, раздался оглушительный свист и крики:

— Доло-о-ой!

— Доло-о-о-ой!!

Ленин остановился, но не уходил. Оглядывая с трибуны внезапно заволновавшееся собрание, Ленин видел, что беснуется и кричит «долой» не масса, а кучка людей, в поведении которой нетрудно было различить заранее обдуманное намерение. Ленин стоял, опершись руками о перила, и ждал. Среди шума и криков ясно слышались возмущенные голоса рабочих:

— Это хулиганство!

— Дайте оратору говорить!

Председатель не очень старался успокоить собрание. Он что-то говорил, но его слов не было слышно. Когда собрание стало постепенно стихать, кто-то из эсеров закричал, обращаясь к Ленину:

— Ты скажи лучше, как ты ехал в пломбированном вагоне!..

Ленин опять заговорил. Подробно изложив обстоятельства своего возвращения из политической эмиграции, Ленин сказал, что грязную сплетню о пломбированном вагоне распустили эсеры и меньшевики вкупе и влюбе с кадетами и черносотенцами с целью опорочить большевистскую партию и ослабить возрастающее влияние большевизма на массы.

Ленин подчеркнул, что приехал на родину для того, чтобы во время решительной схватки с буржуазией занять свое место в рядах борющегося пролетариата, выполнить свой долг революционера.

В мастерской стало тихо. Тысячи людей стояли неподвижно, напряженно слушая оратора.

— Эсеры давно обещают народу землю, — говорил Ленин. — Господин Чернов теперь имеет власть — министр! Но он земли народу не даст. Землю у помещиков следует забирать немедленно, не рассчитывая на милость господ министров, не дожидаясь, что скажет по этому поводу Учредительное собрание.

Но вдруг в ту минуту, когда огромный рабочий митинг с напряженным вниманием слушал Ленина, мастерская огласилась пронзительным свистом паровоза-кукушки. Разбрасывая народ, грохоча колесами, паровоз медленно входил по узкоколейке в мастерскую. Белый пар взлетал над его трубой: машинист давал свисток за свистком. Длинный — короткий, длинный — короткий, они заглушали слова

оратора, разбивали установившуюся тишину и, взлетев вверх, оглушительным эхом метались под потолком. Говорить было невозможно, и Ленин снова замолчал.

Вторичная обструкция вызвала бурю возмущения в среде рабочих. Они кричали машинисту, чтобы он скорее увел паровоз, но машинист продолжал свистеть. Тогда группа большевиков вместе с рабочими-красногвардейцами, прорвавшись через толпу к паровозу, приказала машинисту дать задний ход. Машинист перевел рычаг, и паровоз задним ходом быстро пошел за ворота цеха. Митинг продолжался. Получив отпор, эсеры больше не решались повторить обструкцию.

Речь Ленина длилась после этого еще с полчаса. Она заражала рабочих необыкновенной силой страсти. Простая и понятная, насыщенная глубоким содержанием, она доходила до каждого слушателя.

Призвав рабочих всеми силами бороться против преступной войны, которую ведет Временное правительство, Ленин закончил свою речь. Ильич, вероятно, спешил. Он посмотрел на часы и надел пальто. Был седьмой час вечера. Ленин простился и, оживленно беседуя с сопровождавшими его большевиками, вышел из мастерской.

Речь Ильича произвела глубокое впечатление на участников этого митинга. Масса была захвачена железной логикой и остротой ленинской речи. И это сказалось особенно ярко во время выступления Дейча.

Этот юркий бородатый старик, едва только Ленин скрылся в толпе, петушком вскочил на трибуну и пронзительным фальцетом закричал:

— Вот и всегда так: где бы я с Лениным ни выступал, он всегда убегает.

В мастерской раздался смех. Как бы не замечая насмешки, Дейч продолжал говорить, комично жестикулируя, перебегая от одного края трибуны к другому. При этом он так наклонялся, что рабочим казалось, будто он бегает на четвереньках.

Серьезно настроенному собранию это скоро надоело, и оно разразилось возмущенными криками:

— Долой скомороха!

— Что за балаган!?

Дейч вынужден был покинуть трибуну.

В мастерскую вернулись провожавшие Ленина большевики. На подмостки трибуны взошел Антон Слуцкий, но шум мешал ему говорить. Расстроенные успехом Ленина, эсеры в свистках и криках изливали свою злобу на Слуцком. Слуцкий выждал, когда прекратилась первая волна обструкции, и продолжал:

— Хулиганская обструкция, устроенная здесь эсерами вождю революции товарищу Ленину, еще раз доказала кровное родство эсеров с черносотенными погромщиками.

Оратора перебили новые крики, свист и яростный звон председательского колокольчика. Он продолжал:

— Некоторые обуховцы, наверное, забыли, как гуляла по их спинам жандармская нагайка. Но большинство рабочих осуждает гряз-

ные методы эсеровских руководителей, и вам, господа эсеры, не обмануть их.

После выступления Слуцкого митинг вскоре закончился. Народ неохотно покидал башенную мастерскую. Долго не расходились рабочие и делились впечатлениями, вспоминая и обсуждая каждое слово, сказанное Ильичем.

НА ФРАНКО-РУССКОМ ЗАВОДЕ[1]

Митинг состоялся в субботу 12 мая. В два часа прогудел шабашный гудок. Из всех многочисленных мастерских начали стекаться люди к плазу — сооружению для разметки кораблей. Плаз походил на гигантскую продолговатую коробку, поставленную на подпорки, на него вела высокая, с четырьмя переходами лестница. Скоро весь плаз и пространство под ним и вокруг него оказались заполненными людьми. О митинге было известно по всему району, поэтому слушать Ленина пришли также рабочие Адмиралтейского завода, фабрики «Жорж Борман», «Треугольника», явилась даже группа путиловцев. Впуск на плаз был прекращен — боялись, что все сооружение рухнет, не выдержав тяжести двенадцати тысяч заполнивших его людей. Столь грандиозный митинг происходил на заводе впервые.

В распахнутые заводские ворота въехал автомобиль. Гудя, он медленно начал пробираться сквозь густую толпу. В автомобиле сидели Ленин, Свердлов и руководители районной большевистской организации. Тотчас же автомобиль окружила охрана, заранее выделенная заводом и районным комитетом. Приехавшие поднялись на плаз, протиснулись к трибуне. Охрана из красногвардейцев стала вокруг нее.

При появлении Ленина грянула песня. Песня была бодрая и молодая — в пятом и даже четырнадцатом году ее не пели: большинству она была незнакома. Гулко отдаваясь в гигантской железной коробке плаза, звучали боевые слова припева:

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Пропели только первый куплет, дальше не знали. Замолкли, смешались. По толпе прошел веселый гул.

Председатель митинга, один из руководителей заводской большевистской организации, поднялся на трибуну.

Пока председатель говорил, Ленин внимательно оглядывал собравшихся рабочих. Трибуна стояла посреди плаза; направо и налево, теряясь вдали, сидели люди, бесконечное множество людей. Председатель кончил, предоставив слово товарищу Ленину. По толпе прошло волнение — какое бывает на реке от ветра. Потом стало тихо. Ленин негромко, чуть картавя, произнес:

[1] Обработано по материалам «Истории гражданской войны» Б. Глебовым.

— Товарищи!..

Сначала он говорил негромко, медленно, как бы подбирая слова. Он не пытался заинтересовать слушателей, захватить их внимание каким-нибудь неожиданным, ораторским приемом. Некоторым даже показалось скучно. Но уже через десять минут люди слушали, затаив дыхание. Ленин говорил о вещах, близких каждому, — говорил прямо и просто, без витиеватых фраз. Он показывал людям действительность такой, какой она была на самом деле. Все хотели мира? Временное правительство мира заключать не намерено. Хотели хлеба? Хлеба нет попрежнему и не будет. Хотели земли? Чернов вместо земли оделяет народ пышными фразами, а князь Львов посылает в деревню карательные экспедиции. Растет разруха, надвигается голод, саботируют капиталисты — и правительство явно на их стороне. Да и что собой представляет это правительство? Кучка помещиков и фабрикантов, которые пустили сидеть рядом с собой нескольких меньшевиков и эсеров, чтобы лучше обманывать массы. Кто их выбирал? Разве они делали революцию? Нет, революцию делали не они, революцию делали рабочие, создавшие свои органы власти — советы.

И становилось ясным: конечно, советы должны взять в руки всю власть, Временное правительство — лишнее, оно не нужно народу, оно против народа.

Голос Ленина звучал все громче и взволнованней и уже был слышен в самых отдаленных углах плаза. Чтобы его лучше слышали, Ленин то и дело повертывался всем корпусом то в одну, то в другую сторону. Он жестикулировал, подчеркивая свою мысль, и жесты его были энергичные, уверенные. Тысячи глаз следили за каждым его движением, тысячи ушей ловили каждое слово. Невидимая связь между оратором и слушателями крепла с каждой минутой.

Ленин много говорил о меньшевиках и эсерах. Он доводил до логического конца высказывания вожаков этих партий, отбрасывал все наносное, показывал их сущность как на ладони. И слушатели возмущались: да, действительно, эсеры и меньшевики — предатели, такие руководители могут завести только в новую кабалу. Ленин гневными словами бичевал их, едко высмеивал, не оставляя от их доводов камня на камне.

Пошел уже второй час речи Ленина — в громадном помещении плаза было тихо попрежнему. В плазе шла беседа — беседа «по душам» между одним человеком и двенадцатью тысячами, беседа о том, как лучше жить и что сделать для того, чтобы завоевать эту лучшую жизнь. Ленин разъяснял, что хочет и чего добивается партия большевиков. Он намечал контуры будущего общества, как сегодня в этом помещении рабочие размечали контуры еще не готового корабля. Главное теперь — передача всей власти советам. Советы заключат мир, конфискуют помещичьи земли, введут рабочий контроль над производством, начнут строить новую, счастливую, свободную Россию.

Ленин закончил так же просто, как и начал. Несколько мгновений люди молчали, ожидая — не будет ли Ленин говорить еще? Показалось — мало, хотелось, чтобы он говорил дольше. Но он уже сходил

Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе. *С картины художника И. Бродского.*

с трибуны. Тогда плаз загремел от аплодисментов. Овации нарастали с каждой минутой, казалось, еще мгновенье — и плаз обрушится на землю. Люди кричали, приветствовали Ленина.

Сопровождаемый рабочими, Ленин спускался по лестнице плаза. За ним теснилась толпа, многие забегали вперед, чтобы хорошенько вглядеться в Ленина, запомнить его облик.

Едва он спустился на землю, его подхватили рабочие. С криком «ура» и с песнями понесли в автомобиль.

Стоя в автомобиле, Ленин приветливо махал рукой и улыбался. Автомобиль медленно пополз к выходу. Ленин ехал на Путиловский завод, где происходил митинг, еще более грандиозный, чем на Франко-русском.

НА ПУТИЛОВСКОМ[1]

12 мая был назначен общезаводской митинг. Эсеры вызвали своих лидеров — министра Чернова и Авксентьева. Меньшевики пригласили Грибкова и Вайсберга.

Из районного комитета большевиков позвонили в Петербургский комитет и напомнили о митинге:

— Вы обещали направить к нам на митинг товарища Ленина. Давно об этом мечтаем. Сейчас положение у нас подходящее.

В бывший дворец Кшесинской поехал на заводском автомобиле Иван Генслер. В агитаторской коллегии ему сказали, что Ленин уже ждет представителей завода. Генслер пошел к Ленину. Владимир Ильич поднялся, пожал ему руку, спросил: «Путиловец?» Вместе с Генслером Ильич направился к машине. Митинг начался до приезда Ленина.

На дворе, напротив здания заводского комитета, у прокатных мастерских, собрались две смены рабочих — свыше двадцати пяти тысяч человек.

Узнав о митинге, пришли рабочие Путиловской верфи. Заводской комитет распорядился, чтобы на железнодорожные пути, проходившие мимо трибуны, подали составы вагонов и платформы — с них можно было хорошо видеть ораторов.

Первым говорил глава партии эсеров — «селянский министр» Виктор Чернов. Он начал свою речь изложением сказки о рыбаке и рыбке. Рассказывал, как ненасытная старуха требовала все большего, не удовлетворяясь даже царством. И осталась эта бабка, пожелавшая быть владычицей морскою, у разбитого корыта.

Развязный, ухмыляющийся, стоял Чернов на трибуне, разводил руками, удивляясь неразумию старухи из сказки о рыбаке и рыбке. Он сравнил большевиков с этой старухой. Всего-де большевикам мало. Тянутся они к власти, как дети к огню, не зная об опасности, не видя пропасти, в которую вовлекают страну...

---

[1] Обработано по материалам «Истории гражданской войны» М. Мительманом.

Тут голос Чернова поднялся до самых высоких нот, и Чернов изобразил на своем пухлом лице негодование и ужас.

Когда Чернов дошел до сравнения большевиков с детьми, бывший солдат-фронтовик Игнат Судаков, токарь шрапнельной мастерской, не выдержал. Он поднялся на носки и во всю силу своих легких крикнул:

— Брось сказки рассказывать, говори дело!

Сосед Судакова, правоверный эсер, испуганно забормотал:

— Ты чего кричишь, кому кричишь, разве можно?

Судаков отмахнулся:

— Меня сказками не накормишь. Я не ребенок. Три года в окопах сидел.

За два месяца революции Игнат Судаков прошел большую школу. В марте на цеховом митинге он первым вызвался в случае нужды пойти обратно на позиции, чтобы защищать завоеванную свободу. Теперь же он недовольно посматривал на Чернова, разливавшегося перед путиловцами потоком пустых обещаний и лживых слов о свободе и мире.

Чернова все же слушали внимательно. Но постепенно накипало раздражение. От Чернова ждали ясного ответа на вопрос о мире, о земле. Он же вертелся все вокруг да около. О том, что сейчас делать, — ни слова. Может быть, еще скажет. Но Чернов уже перешел к другой теме, и речь его плавно лилась и лилась дальше. Раздражение путиловцев начало прорываться:

— Когда землю крестьянам дадите?

— Долой войну!

Все более резкие выкрики неслись со всех сторон, сливаясь в сплошной гул:

— Довольно, не надо!

— Долой сказки! — во весь голос кричал Судаков.

Молодежь затянула бесконечную песню:

... День пройдет, настанет вечер,
А за ним наступит ночь.
Ночь пройдет, настанет утро,
А за ним наступит день.
День пройдет...

Чернов понял, что дальше говорить невозможно, и быстро сошел с трибуны.

Группка эсеров подхватила Чернова под руки и повела к воротам.

Ленин приехал к концу речи Чернова. У ворот его ожидали представители заводского комитета. Все вместе они направились к трибуне. Весть о том, что приехал Ленин, опережала их. Толпа всколыхнулась от края до края. Люди вытягивали шеи, лезли на плечи соседей, чтобы увидеть Ильича. Навес над входом в помещение заводского комитета под тяжестью людей с треском обвалился. На крышах прокатки старой конторы, на деревьях у конторы — повсюду, где только можно было пристроиться, были люди.

Ленин взошел на трибуну. Приветственные крики долго не давали ему говорить...

Рабочие глядели на его коренастую, крепкую фигуру, на его сильные и быстрые движения:

— Такой простой, видать, свой... обыкновенный...

Имя Ленина знали на заводе все. Для тысяч кадровиков-путиловцев в этом имени воплотилась долгая борьба рабочего класса с самодержавием и капитализмом. «Правда», подпольные листовки, пятый год, заря рабочего движения — девяностые годы, — когда Ильич приходил сюда, за Нарвскую, на первые рабочие кружки и собирал, складывал по камешку великую пролетарскую партию. С его именем были связаны самые дорогие, для многих еще смутные надежды на выход из тупика голода, войны, угнетения...

Ленин начал речь и сразу же завладел вниманием многотысячной массы.

Он выразил сожаление, что Чернов уже ушел. На таком большом собрании было бы полезно в присутствии Чернова рассказать о политике соглашателей-оборонцев. Ленин ярко показал империалистический характер войны. Он разоблачал истинную сущность Временного правительства, соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, расчищающих дорогу контрреволюции. Он говорил о земле, об Учредительном собрании, о советах.

Все то, что теснилось в головах путиловских рабочих, — и нота Милюкова, и речи коалиционного министра Чернова, и выстрелы 21 апреля, цеховые и заводские дела — все связывалось воедино и получало глубокий смысл.

Каждое слово Владимира Ильича жадно впитывала в себя замолкшая громада путиловцев.

Заканчивая речь, Ленин призывал к решительной борьбе за мир, за хлеб, за рабочий контроль. Необходимо понять, что единственный выход — в передаче власти советам рабочих и солдатских депутатов.

И снова, как при встрече, поднялся могучий шквал приветствий и аплодисментов.

Огромная толпа путиловцев провожала Ильича до Нарвских ворот.

Солдат Игнат Судаков стоял молча. С глубокой благодарностью смотрел он вслед человеку, который узнал его самые заветные мысли и выразил их так просто и ясно.

Судаков повернулся к своему соседу и строго сказал ему:

— Ты спрашивал, что мне надо. Слыхал? Вот что мне надо.

После Ленина пытался выступить меньшевик Грибков, за ним поднялся на трибуну известный эсер Авксентьев. Но путиловцы не хотели их слушать.

Вместо них входили на трибуну рабочие, солдаты-фронтовики. Они рассказывали о прежнем своем доверии к меньшевикам и эсерам... Говорили, что сейчас они знают, с кем надо итти, кто действительно защитник народа.

— Мы напишем на нашем знамени: «Ленин», «Да здравствует Ленин!» — заявил один из выступавших рабочих.

На трибуну взошел Судаков.

— Под этим знаменем и я пойду с вами, — сказал Судаков и снял

с своей груди георгиевские медали и кресты.— Эти боевые награды, что я кровью заработал, отдаю на большевистскую «Правду».

Он как будто дал толчок. Много солдат последовало его примеру. Высокий солдат пробирался к трибуне, на ходу расстегивая промасленную гимнастерку. Подойдя ближе, он снял серебряный нательный крест и протянул его солдату, собиравшему кресты и медали:

— На́, возьми, «георгиев» у меня нету, а на газету и это пригодится.

Многие путиловские эсеры шли домой в этот день, тяжело задумавшись. Осыпалась словесная мишура их вождей.

Рабочие-эсеры приходили к большевикам, рассказывали им о своих думах и сомнениях. Их посылали в районный комитет большевиков к товарищу Петерсону.

— Сомневаешься, не веришь своим бывшим лидерам — переходи к нам. Сразу на твердые ноги станешь,— говорил им Петерсон.

Ушел от эсеров и старик Белоусов, которого «Марьина роща» — так за Нарвской называли организацию эсеров — привлекла широковещательными обещаниями отдать землю крестьянам. Напоследок он зашел в «Марьину рощу» и заявил:

— Ленин меня просветил — вы, стало быть, меня, старика, обманом завлекали. Вы народ обманываете — уйду от вас.

Так начала таять и расползаться рыхлая, разбухшая эсеровская «Марьина роща». К концу мая эсеры потеряли около тысячи членов. Редели ряды и их соратников-меньшевиков. Путиловский завод становился большевистской крепостью.

НА ТРУБОЧНОМ ЗАВОДЕ

19 или 20 мая 1917 года по Трубочному заводу были расклеены объявления о большом митинге, на котором собирались выступить Чернов, Чхеидзе, Церетели, Спиридонова и другие вожди соглашателей.

Группа заводских большевиков решила просить Владимира Ильича приехать на этот митинг. Вскоре по мастерским распространился слух — Ленин приедет на завод. Но чтобы привезти его, пришлось преодолеть немало препятствий со стороны заводского комитета и его председателя — эсера Левкина. Взяли у него из-под носа автомобиль и поехали за Лениным.

Заводской комитет устроил трибуну на пустыре позади корпусов, где было очень просторно.

Охрану порядка поручили Красной гвардии. Красногвардейский отряд расположился в трех местах: полукольцом около трибуны, на заводском дворе и, наконец, редкой цепочкой от ворот к пустырю, куда должны были проходить приезжие ораторы.

Задолго до начала митинга к трибуне стали собираться рабочие Трубочного и близлежащих заводов. Рабочие улеглись на траве, усе-

лись на бревнах и пустых бочках из-под цемента. В ожидании митинга молодежь затянула песни.

Вскоре послышались крики:

— Приехали, приехали!

Все головы повернулись к воротам.

Рабочие поднялись с бревен, с травы. Большая группа людей шла к трибуне. Впереди председатель заводского комитета эсер Левкин предупредительно расчищал путь.

Ленина в этой группе не было.

Митинг открыл Левкин. Предварительно он о чем-то пошептался с прибывшими.

Первым говорил Церетели — о международном положении. Речь его была очень длинной. Его все же слушали. Время от времени раздавались возгласы:

— Верно! Верно!

Но вот издали донесся голос:

— Пропустите, товарищи, пропустите!

К трибуне приближалась группа в семь человек. Среди них был Ленин. Впереди шла Вера Слуцкая.

Подойдя к трибуне, Ленин остановился. Некоторые из его товарищей поднялись наверх, он опустился на ступеньку трибуны и стал слушать Церетели. Часто Ленин что-то записывал в свою записную книжку.

Между тем на трибуне происходило замешательство. Председатель несколько раз посматривал в сторону Ленина и вел какие-то переговоры с Верой Слуцкой, которая подходила к Ленину, что-то говорила ему и, получив ответ, снова шла к председателю. Повидимому, Левкин не хотел дать слово Ленину вне очереди, а список ораторов был очень велик. Тогда Вера Слуцкая в промежутке, когда один оратор кончил речь, а другой еще не начал, неожиданно выступила вперед и громко сказала, не дав опомниться председателю:

— Товарищи, на митинг прибыл товарищ Ленин!

Сразу же во многих местах раздались громкие аплодисменты и возгласы:

— Просим, просим товарища Ленина!

Шум не смолкал, требования рабочих становились все настойчивее. Председатель подошел к краю трибуны и начал призывать к спокойствию. Послышались примиряющие возгласы:

— Дайте же говорить! Тише!

Шум мало-помалу стих.

Председатель начал:

— Товарищи, ко мне сейчас поступил ряд записок с просьбой, чтобы я предоставил товарищу Ленину возможность рассказать здесь, как он приехал в запломбированном вагоне из Германии в Россию.

Этим провокационным выступлением он хотел скомпрометировать Владимира Ильича. Но получилось обратное — со всех сторон раздались протестующие голоса:

— Довольно провокаций! Дайте слово товарищу Ленину!

Напрасно Левкин надрывался и требовал, чтобы рабочие выслушали тех, кто записался прежде.

— Ленину, Ленину, дайте слово Ленину! — неслось с разных сторон пустыря.

В конце концов, безнадежно махнув рукой, председатель уступил.

— Слово имеет товарищ Ленин! — выкрикнул он.

Со всех сторон загремели аплодисменты.

Владимир Ильич начал говорить уже на ходу, поднимаясь на трибуну. Он говорил о двух свободах: свободе сытой буржуазии грабить народ и свободе солдат умирать в окопах, а рабочих — пухнуть от голода в угоду кучке капиталистов. Слушатели совершенно забыли обо всем окружающем. Глаза впились в Ильича. Они как будто жили одной мыслью с ним. То слышались крики по адресу соглашателей: «Позор, позор!», то раздавался дружный хохот, бурные аплодисменты и возгласы: «Правильно, верно!»

Ленин говорил о бойне на фронте, о фальшивой политике Временного правительства, о рабочем контроле над производством. Со всех сторон к нему летели на трибуну записки. Когда Владимир Ильич кончил свою речь, раздался взрыв аплодисментов. Все еще плотнее подвинулись к трибуне. Кто-то громко скомандовал:

— Красногвардейцы, освободите проход!

Маленькая группа красногвардейцев не могла справиться с лавиной людей, напиравших на трибуну. Всем хотелось возможно ближе подойти к Ильичу. Попытка очистить дорогу оказалась бесполезной. Весь митинг двинулся к воротам завода, где Ленина ждал автомобиль. Раздались революционные песни. Запели рабочую «Марсельезу» и «Смело, товарищи, в ногу». Песню подхватили сотни и тысячи голосов.

НА АЛЕКСАНДРОВСКОМ[1]

Большевики на Николаевской железной дороге насчитывались единицами. По всей железнодорожной сети окопались эсеры. Даже на Александровском заводе большинство рабочих шло за соглашателями. Большевику Дункену приходилось плохо.

Особенно воодушевились эсеры, когда министром земледелия стал их руководитель Чернов. Они возили Чернова по заводам, подготовляя всюду пышный прием министру. Чернов должен был появиться и на Александровском заводе.

Заводские большевики знали о готовящемся митинге. Надо было подготовить отпор.

— Нас, пожалуй, и слушать не станут. Погонят с трибуны,— говорили они.

Долго думал Дункен, а затем предложил:

— Привезем-ка мы своего Ленина.

Ленин согласился. Наступил день митинга. Петербургский комитет дал автомобиль, и Дункен поехал за Владимиром Ильичем. Впервые он видел Ильича так близко.

[1] Обработано по воспоминаниям рабочих С. Спасским.

— Большая организация на заводе? — спросил Ленин.

Дункен смутился — хорошего мало:

— Человек четырнадцать, пятнадцать. Столько же, пожалуй, наберется сочувствующих.

— Ничего, окрепнете, — заметил Ленин, — связь с Петербургским комитетом не теряйте. Если понадобится, прибавим работников.

Ленин замолчал. Дункен не хотел прерывать молчание. Так молча они доехали до завода.

Приезда Ленина никто не заметил. Его не знали в лицо. Когда они шли по заводскому двору, Дункена окликали знакомые. Огромный цех, где происходил митинг, был заполнен сплошь. Чернов еще говорил. Он разыгрывал из себя простого и доброго малого, умеющего разговаривать с «народом». Ухмылялся и пытался пошучивать. Дункен и Ленин с трудом прошли к трибуне. Когда Чернов кончил, ему бешено зааплодировали. Где-то в стороне раздался свист. Но он потонул в приветствиях.

— Слово имеет товарищ Ленин, — отчетливо сказал председатель.

И вот тут-то и поднялся свист. Дункен побледнел и переглянулся с товарищами. Они сжали кулаки.

Ленин поднялся на возвышение. Он спокойно ждал. Осматривал толпу. Стало ясно, что он все равно не уйдет. Свистки и выкрики постепенно смолкали. Ленин негромко заговорил.

Не громко, но удивительно отчетливо. Словно разговаривал он в небольшой комнате. И обращался не ко всей массе, а к каждому человеку в отдельности. Начал без призывов, без ярких слов, которыми обычно забрасывали толпу ораторы. Он спокойно растолковывал каждому великие, правдивые мысли.

Могло показаться, что он говорит без подъема. Но слова его отличались неотступной настойчивостью. Он будто брал слушателя за плечо и убедительно развертывал перед ним простые, неотразимо ясные доводы.

Ленин слегка раскачивался, иногда повертывался всем корпусом из стороны в сторону. Установилась глубокая тишина. Взгляды невольно тянулись к оратору. Глаза запоминали надолго каждый его жест. Вот Ленин на мгновенье остановился и откашлялся. И все задерживали дыхание.

И сразу от всех доводов Чернова попросту ничего не осталось. Чернов отдает землю без выкупа? Смешно и думать об этом. Что такое Чернов? Ширма. И люди улыбались. Что такое Временное правительство? Тут голос Ленина оказался громким. Слова со слегка картавым «р» взрывались в тишине. Нужна конфискация земель. Нужен немедленный мир. Слово «мир» взволнованно повторялось в толпе. Да, мир, действительно, нужен.

Мир был необходим каждому из слушавших. Как могли они это забыть? Нет, пожалуй, никто не забывал. Каждый словно остался наедине с собой, проверял свои самые глубокие думы. И в то же время все были вместе. Неужели же все — мир, конфискация земли — это в наших силах? Да, конечно, это о нас идет речь.

Ленин кончил и резко обернулся. Мгновенье собрание молчало. Ленин наклонился, чтобы сойти с возвышения. И тогда разом взорвались аплодисменты и наполнили цех. Ленин сошел с возвышения вниз, и не видно было, где он. Но вся громада людей теснилась к нему. Вот Ленин подхвачен на руки, вот он вынесен общим потоком на двор. Дункен быстро пробирался вслед, чтобы не упустить его из виду. Наконец он взял Ленина за рукав, отдернув дверцу, пропустил Ильича вперед и сам вскочил в машину. Дверца захлопнулась. Громко гудя, автомобиль с трудом выбрался из огромной толпы.

Снова ехали они молча. Дункен хотел что-то сказать, но не мог.

«Вот это так, — думал он, — это правильно, это по-настоящему». Дункен чувствовал огромное удовлетворение. Он видел правоту всей своей жизни. Вся его тяжелая жизнь — рабочего, подпольщика, большевика — показалась теперь Дункену удивительно легкой. Он правильно проводил эту жизнь, потому что прислушивался к этому сидящему рядом человеку, хотя до сегодняшнего дня никогда не видел его близко.

«Главное — не терять связь с комитетом, с партией», повторял он мысленно слова Ленина, когда они ехали. Автомобиль подпрыгивал на плохо уложенной мостовой. На вокзальной площади шел очередной митинг.

«Связь с комитетом, с партией, — думал Дункен, — связь с Лениным. Это правильно».

Н. ПАЛЬТОВА

БЕСЕДА РАБОТНИЦ С ЛЕНИНЫМ

Я вступила в партию большевиков в марте семнадцатого года. В то время у нас, на Патронном заводе, непрерывно шли митинги, выступали ораторы от всех партий. На улицах — и то митинги были. У Литейного моста толстый Родзянко уговаривал народ прекратить беспорядки. Он стоял на легковом автомобиле и говорил, что раз царя больше нет, то жить будет легче. Поздравлял со свободой. И кадеты, и эсеры, и меньшевики говорили то же, что Родзянко, только другими словами.

Одни большевики вели особую линию. Большевики разъясняли рабочим, что царя убрать — это еще половина дела, главное — надо свергнуть капиталистов, заключить мир и установить власть советов.

Мне речи большевиков казались самыми правильными. Ведь что получилось? Мы, рабочие и солдаты, дрались на улицах с казаками и полицейскими, ходили освобождать арестованных из «Крестов». Мы революцию делали, а в министрах опять засели помещики да фабри-

канты, вроде Львова да Гучкова. Неладно вышло. Вот я и пошла к большевикам узнать, что дальше делать.

Много помогла мне в этом отношении большевичка Конкордия Самойлова. Она работала тогда секретарем в комитете, который объединял все артиллерийские заводы. Наш Патронный тоже туда входил. Часто созывала она разные собрания. Приглашала и нас, женщин, потолковать «по душам».

Самойлова была женщина высокая, стройная, волосы черные, на пробор. Ей было с виду тридцать или тридцать два года.

Она говорила нам о борьбе рабочего класса, о том, какое мы должны принять участие в этой борьбе. Мы рассказывали ей, как живем, жаловались, что и в революции обидели нас, женщин, — получаем мы попрежнему меньше мужчин. Тогда товарищ Самойлова посоветовала нам записать наши требования и предъявить администрации.

Товарищ Самойлова разъясняла, что только партия большевиков ведет правильную политику, а меньшевики и эсеры предают интересы рабочих и трудящихся. Приводила примеры из заграничной жизни. Она была в Париже, с волнением рассказывала нам о стене, у которой были расстреляны коммунары, и как в стене этой высечены на камне лица и руки, просящие помощи. Говорила она и об ошибках Парижской коммуны и советовала всегда помнить и не повторять их.

От Конкордии Самойловой впервые услышала я подробно о вожде партии и рабочего класса — о товарище Ленине. Прежде слышала я о нем мельком.

Самойлова разъяснила нам, что это за человек и как ему дороги интересы рабочих и трудящихся.

Вскоре о Ленине стали много говорить на партийных и рабочих собраниях. Говорили, что он рвется сюда в Россию, но иностранные правительства не разрешают ему проехать, потому что он выступает не только против русских капиталистов, но и против капиталистов всех стран и, самое главное, клеймит грабительскую войну. Мы все возмущались поведением иностранных правительств и обратились в совет рабочих депутатов, чтобы он выхлопотал Ленину разрешение на проезд.

Но эсеро-меньшевистский совет ничего не сделал для этого.

Вскоре Ленин приехал. Это было 3 апреля вечером. Я проходила мимо Финляндского вокзала и, увидев большую толпу на площади, спросила, в чем дело. Мне сказали: «Ждем Ленина». День был нерабочий. Я стала ждать со всеми. Народ прибывал с каждой минутой все больше и больше. Скоро заполнилась вся вокзальная площадь. Тут были и солдаты, и рабочие, и матросы. Горели прожектора. Наконец подошел поезд. Ленин вышел на площадь. Тут-то я и увидела впервые нашего дорогого Ильича.

Когда Ленин говорил на площади, у всех захватило дыхание. Ленин говорил просто и сильно. Казалось, он знает о всем, что творится в России, будто все время был здесь, все видел и слышал. Он выступал, стоя на броневике. Голова его была обнажена. Когда он

окончил, начались овации. Броневик медленно пополз с площади по прилегающим улицам на Петроградскую сторону.

В мае 1917 года я снова близко увидела Ленина. Нас, нескольких большевиков, послали от районного комитета во дворец Кшесинской, где в то время помещались Центральный комитет и Петербургский комитет нашей партии. Я уже тогда вела агитацию среди рабочих и работниц, и меня в числе других послали туда на инструктаж. Нас провели в комнату, где прежде помещался будуар балерины, и мы уселись не на стульях, а на свернутых коврах. Ленин пришел немного позже. Тотчас же завязалась беседа. Мы сказали Владимиру Ильичу, что нам на улице и в цехах часто задают вопросы, на которые мы не можем ответить. Знали мы тогда мало, а рабочие хотели узнать о многом, и отвечать им нужно было конкретно, со знанием фактов.

Ленин слушал нас очень внимательно, просил рассказать подробно, о чем спрашивают рабочие, что их волнует. Рабочие недоумевали больше насчет войны. Некоторые спрашивали: почему мы против Временного правительства, оно, дескать, опирается на советы. Ленин спросил нас, как мы отвечаем на эти вопросы. Выслушав, кивнул головой — оказалось, в общем правильно. И тут же развил наши ответы. У рабочих, говорил он, нет отечества, пока у власти стоит буржуазия. Враги их — и русские, и немецкие, и всякие иные капиталисты, друзья их — рабочие всех стран. Февральская буржуазная революция не изменила положения: у власти стали фабриканты и заводчики, которые продолжают грабительскую войну.

О Временном правительстве он говорил, неправильно, что советы поддерживают его: в правительстве сидят капиталисты, а советы — органы рабочих и крестьян. Ильич говорил о Парижской коммуне — первой в мире диктатуре пролетариата. Он указывал, что опыт коммуны должен нас многому научить.

Ответы Ленина были необычайно просты и содержательны. Когда он заканчивал объяснять какой-либо вопрос, мне казалось удивительным, как я раньше сама не понимала таких простых вещей. Хотелось спрашивать еще и еще. Вопрос следовал за вопросом, и понемногу совершенно ясной становилась вся картина окружающей жизни, кто чего хочет и как нужно трудящимся бороться дальше.

В свою очередь, Ленин задавал нам много вопросов: о настроении рабочих, о работе советов и фабрично-заводских комитетов, о влиянии разных партий, о конфликтах с администрацией. И опять, как на площади, я поразилась: до чего глубоко и верно знает он нашу будничную, рабочую жизнь — будто сам всю жизнь проработал на заводе и теперь пришел сюда как заводской делегат.

Беседовали мы запросто. Каждому хотелось поделиться с Ильичем своими самыми сокровенными, дорогими мыслями. Но время летело, Ленину нужно было уходить.

Думаю, что каждый из нас не забудет этой ленинской беседы до конца своей жизни.

М. УЛЬЯНОВА

В «ПРАВДЕ» ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ[1]

Первый номер «Правды» вышел 5 марта 1917 года. Небольшая группа работников во главе с К. С. Еремеевым составляла этот номер. Составляла наспех: материал еще не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. Это делалось уже потом, в последующие дни, когда петербургские рабочие увидели возродившуюся «Правду» и потянулись в убогое помещение ее редакции на Мойке со своими резолюциями, запросами, с подпиской.

Вечером 4-го пишущая эти строки и А. И. Елизарова спешно набрасывали свои впечатления — хронику уличной борьбы первых дней революции. Константин Степанович попыхивал трубкой, трудясь над передовицей. Кроме указанных лиц с первых дней деятельное участие в составлении газет приняли М. С. Ольминский, В. М. Молотов. А несколько позднее — вернувшийся из ссылки Сталин.

Вся контора «Правды» состояла из К. М. Шведчикова и стола, за которым он сидел в помещении редакции. Первый номер «Правды» 5 марта был распространен бесплатно, а в последующие дни в контору потянулась очередь рабочих, пришедших подписаться на «Правду».

— Ну-ка, на родную-то нашу матушку, — слышались голоса.

Редакция помещалась в двух комнатах. Одна, маленькая, представляла собой кабинет редакторов, и позднее из нее через плохонькую переборку раздавался хохот Ильича и его ближайших товарищей по работе, которые ежедневно по нескольку часов проводили в редакции.

В другой, немного большей, помещался секретариат. Сидели товарищи, обрабатывавшие материал, машинистка и т. д.

Типография помещалась в том же доме, в другой квартире, а в редакции была еще лишь одна маленькая комната, совершенно пустая, в которую члены редколлегии уединялись обыкновенно для переговоров с приходившими и приезжавшими к ним товарищами. А приезжало их много, особенно с фронтов, и много вопросов, сомнений и недоумений надо было разрешать и давать указания для дальнейшей работы.

В этот период в редакцию приходило особенно много писем с фронта. Ни о каком подсчете их в то время, конечно, не могло быть и речи, потому что не было соответствующего аппарата — он был мал донельзя, но это преобладание солдатских писем в первые месяцы революции бросалось в глаза не только нам, работникам редакции, через руки которых проходила вся почта, но и всем читателям «Правды», так как многие из этих писем были напечатаны в ней. В большинстве солдатских писем выражалось сочувствие «Правде» и большевикам. Не разбиравшихся еще в политических партиях сол-

---

[1] Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., Партиздат, 1934 г., стр. 75—79.

дат влекло к большевикам главным образом горячее стремление выйти как можно скорее из войны, а путь к этому они видели только один — тот, что указывала «Правда». Но были, конечно, и ругательные письма. Завершались они обыкновенно угрозой, что солдаты, «защищающие отечество», вернувшись с фронта, разделаются с «предателями». Но таких писем становилось все меньше по мере того, как фронтовики начинали судить о большевиках по их литературе и по «Правде», которая хотя и с трудом, но доходила до фронта.

Иногда в редакцию вваливалась запыленная, с обветренным и изможденным лицом фигура окопника, которого его товарищи делегировали в Петербург, чтобы запастись литературой, из первоисточника узнать, как нужно организоваться, и пр.

В апреле, немедленно по возвращении из эмиграции, за редактирование «Правды» взялся Владимир Ильич. Это был один из наиболее блестящих периодов «Правды». Определенность, четкость позиции, блестящие статьи наших лучших литераторов, в которых они откликались немедленно на все злободневные вопросы, делали ее крайне интересной. Маленькую «Правду» апреля—июля 1917 года читали с захватывающим интересом.

А кругом шло шипение. Злоба «порядочных» людей против большевиков проявлялась и в мелочах. Невероятного труда стоило, например, добиться станции по нашему редакционному телефону. Все заявления и жалобы по этому поводу оставались гласом вопиющего в пустыне. Зато нередко раздавался звонок, и, когда кто-нибудь из нас брал телефонную трубку, слышался голос: «Это что?» — «Правда». — «Нет, это ложь, а не правда!» восклицала телефонная барышня, бросая трубку. С такой же злобой, я сказала бы, почти с яростью, относились к приходившим в редакцию жильцы того дома, где помещалась «Правда». На просьбы указать, как пройти в редакцию, неизменно следовала самая грубая брань. На грех «Правда» помещалась на Мойке, у самого Невского, где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать. Когда страсти особенно разгорались, как это было, например, во время демонстраций 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда — враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда Владимир Ильич вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом: «Идем бить Ленина!»

В июльские дни «Правда» была разгромлена, а Владимир Ильич скрылся в подполье.

И. ЛАРИОНОВ

БОРЬБА ЗА ЗНАМЯ

Завод замолк. Опустели стапеля, недостроенные корабли, мастерские. Замолкла чеканная дробь клепальщиков, погасли горны. На крейсере «Аврора», поставленном к нам для ремонта, остались одни вахтенные. Все рабочие и матросы сошлись к плазу, где в эти дни 1917 года постоянно происходили митинги рабочих Франко-русского завода. Вслед за нами остановился весь Галерный остров — Адмиралтейский завод, шоколадная фабрика «Жорж Борман» и все остальные тридцать четыре предприятия Коломенского района.

Взволнованные, возбужденные, собирались мы на митинг. Всех беспокоила мысль о том, когда же, наконец, будут предприняты действительные шаги к справедливому демократическому миру.

1 мая (18 апреля по старому стилю), в день праздника международной пролетарской солидарности трудящихся, мы шли по улицам Петрограда с лозунгами мира и Интернационала. А спустя два дня — 20 апреля — нам стало известно о ноте Милюкова. Кадетский министр открыто заявлял, что Временное правительство будет вести войну «до победного конца» и сохранит в неприкосновенности тайные договоры, заключенные Николаем Кровавым.

Узнав о ноте Милюкова, мы бросили работу и вышли на заводской двор к плазу. Начался митинг. Выступали рядовые рабочие. Они говорили о преступной политике Временного правительства. Речи одна другой все горячей и взволнованней. Дальше так продолжаться не может. Трудовой народ должен твердо заявить свою волю. Нужен мир — честный и демократический, мир без аннексий и контрибуций, а не продолжение грабительской войны.

Тут же на митинге в знак сочувствия лозунгам большевистской партии начались сборы в пользу «Правды». Так бывало не раз у нас на заводе. 17 апреля мы собрали свыше восьмисот рублей на «Правду». В этот же день послали на устройство типографии «Правды» еще 221 рубль.

Матросы с крейсера «Аврора» выступали с нами заодно. Они стали членами нашей рабочей семьи еще с первых дней революции. 27 февраля, погрузив пулеметы на автомобили, вместе с рабочими дрались матросы на улицах Петрограда против полицейщины. Теперь в один голос с нами матросы требовали от совета рабочих депутатов обуздать хищные вожделения капиталистов. Лозунг «Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов» много раз прозвучал в этот день с трибуны многотысячного митинга рабочих Франко-русского завода. А на следующий день — 21 апреля — с этим лозунгом мы вышли на улицы революционного Петрограда демонстрировать свою волю и свои требования.

Демонстрация собиралась возле стапелей. Из ворот завода мы выходили сплошной толпой и только на Мясной улице построились в ряды. Впереди стояли красногвардейцы-дружинники. По всей колонне развевались флаги и плакаты с надписями: «Мир без аннексий

и контрибуций», «Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов». Направились к зданию Коломенского участка, где помещался районный комитет большевиков 2-го Городского района. Оттуда — по Садовой к Невскому проспекту.

Гремели революционные песни. Мы шли по улицам столицы тесно сомкнутыми рядами. Обыватели косились на нас, злобно шипели. До самого центра мы прошли без задержек. На Невском же попали как бы в другой мир. Всюду кучками стояли офицеры, юнкера, гимназисты, чиновники. По улице проходили незначительные, но наглые демонстрации буржуазии. Они несли плакаты с надписями против большевиков, с лозунгами поддержки Временного правительства. Наша рабочая демонстрация, проходя мимо них, сплачивалась еще тесней. Сжимались кулаки. Но мы шли спокойно. Нас предупредили: будут провокационные попытки устроить побоище — надо быть зоркими и не поддаваться на провокации буржуазии.

Мы направлялись на Васильевский остров к Морскому корпусу, где заседал совет, чтобы высказать ему наши требования. Знамя районного комитета развевалось впереди. Я шел недалеко от знамени. На нем был написан наш боевой лозунг: «Вся власть советам». Это знамя вызывало злобные нападки обнаглевшей буржуазной публики. С тротуаров к нам неслись выкрики, оскорбления, издевательские остроты. Нас обзывали «предателями», потому что мы не хотели умирать за интересы обожравшихся грабителей-капиталистов.

Но как радостно приветствовала вся эта публика своих — офицеров и юнкеров! Расфранченные дамы, гимназисты, институтки забрасывали офицеров цветами, визжали в их честь «ура».

Проходя в кольце злобных врагов, мы, рабочие, почувствовали еще раз, как правы большевики: с буржуазией не может быть никаких соглашений. Мы столкнулись с нашим исконным врагом лицом к лицу. И сразу обнаружилась истинная цель буржуазии: задушить нас, трудовой народ — рабочих, солдат и крестьян — кровавой петлей буржуазной диктатуры.

На обратном пути с Васильевского острова, возле Екатерининского канала, на нашу рабочую демонстрацию напали офицеры. Они пытались разогнать нас, отобрать знамя с лозунгом «Вся власть советам». Группа офицеров и юнкеров с криком бросилась к знамени. Рабочие отшвырнули их от колонны и продолжали двигаться вперед. Тогда офицеры, вновь собравшись с силами, ударили по нашей группе, несшей знамя. Им удалось оттиснуть нас в сторону — к тротуару. Отбиваясь, мы подошли к воротам углового дома. Где-то вдалеке послышалась стрельба. Звенели трамваи, требуя проезда. В нашем углу завязалась схватка. Появились какие-то буржуазные сынки. Офицеры сломали древко, сорвали полотнище знамени. Но мы не хотели отдавать и порванное знамя буржуазной своре. Колонна наша ушла вперед, а мы все еще дрались за знамя. И отстояли наше большевистское знамя с боевым лозунгом.

Мы не применяли оружия несмотря на то, что у многих из нас были револьверы. Все помнили наказ: демонстрация мирная — не под-

даваться провокации. Буржуазные сынки во многих местах стреляли в наших товарищей. Среди рабочих и солдат были убитые.

Апрельская демонстрация показала нам, что буржуазия и ее прихлебатели и пособники — эсеры и меньшевики — не дадут нам мира. Они называли нас взбунтовавшимися рабами. Они хорошо помнили, что это мы, рабочие и крестьяне, совершили Февральскую революцию и уничтожили царизм.

Для нас, участников рукопашного боя за большевистское знамя, этот день был переломным. Мы поняли, что только вооруженный народ добьется хлеба, мира и той настоящей свободы, за которую рабочие боролись десятки лет.

Вместе со своими товарищами, отстоявшими знамя от белогвардейцев, я вскоре вступил в ряды рабочей Красной гвардии нашего завода.

Б. ШУМЯЦКИЙ

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

Мы, делегаты Красноярского совета, приехав в Петроград на Всероссийский съезд советов, отправились в кадетский корпус, где разместился съезд. 3 июня открылся съезд. Преобладали эсеры и меньшевики. Их было 533. Соглашательские лидеры чувствовали себя хозяевами съезда. Наша большевистская фракция состояла из 105 делегатов.

Но меньшинство это внушало соглашателям страх и опасения.

Я был выбран в президиум съезда. С возвышения, где находился стол президиума, хорошо был виден весь зал.

Помню обстановку зала заседания: слева от президиума разместилась большевистская фракция. В центре и направо от нее — сплошное море социал-соглашателей.

Зал был украшен бедно. Стол был покрыт красным сукном. На кумаче белыми буквами был написан лозунг, говоривший что-то о единении как о силе демократии. В простенках зала висели патриотические картины и барельефы. Трибуна — узкая классная кафедра, задрапированная кумачом, — находилась справа.

Владимир Ильич сидел в первых рядах. Он сидел боком, головой уйдя в плечи. Что-то читал, иногда поднимал голову в сторону оратора, вслушивался в реплику или перекидывался отдельными замечаниями с сидевшим рядом с ним товарищем Сталиным.

Часто Я. М. Свердлов, сидевший во втором ряду за Ильичем, принимал участие в беседе Ленина и Сталина.

Хорошо помню замечательный эпизод на одном из первых заседа-

ний съезда, когда говорил вождь меньшевиков Церетели. Социал-предатели упивались красноречием своего вожака-златоуста. Мы, большевики, внимательно слушали, что еще скажет этот адвокат буржуазии. Церетели заявил, что «нет такой партии, которая говорила бы: дайте власть в наши руки».

Надменно подчеркивая каждое слово, он дважды повторил:

— У нас нет такой партии, нет такой партии!

Едва успел он закончить эту фразу, как с места раздался решительный возглас Владимира Ильича:

— Есть такая партия!

Тишина сменилась бурей. Реплика Ленина словно вызвала электрический разряд. Делегаты вскочили с мест. Все повернулись лицом к правому углу зала, где стоял, окруженный своими соратниками, Владимир Ильич Ленин.

Волнение прошло и по рядам президиума. Председательствовавший на заседании меньшевик Богданов испуганно передал бразды правления Чхеидзе. Попытка Чхеидзе успокоить зал не имела успеха. Смешанный гул — одобрения друзей и озлобления врагов — не прекращался.

В это время Владимир Ильич энергично пробивал себе путь к трибуне, сопровождаемый взорами всего зала.

Церетели продолжал растерянно стоять у трибуны. Затем, быстро скомкав речь, сошел с нее.

Владимир Ильич поднялся в президиум и начал свою речь.

С первых же слов Владимира Ильича зал стал затихать. Угомонилось и затихло даже враждебное съездовское большинство.

И когда Ленин заговорил о том, что наша партия от власти не отказывается и готова целиком взять ее в любую минуту, вожаки эсеро-меньшевиков, чтобы как-то смазать огромное впечатление от речи Ленина на массу рядовых делегатов, начали прерывать его плоскими шуточками и репликами.

Но Владимир Ильич парировал удары врагов и каждым новым аргументом блестяще утверждал правоту большевистского дела. Ленин развернул перед съездом программу пролетарского правительства после завоевания власти. Он указал, что фразы меньшевиков и эсеров о мире без аннексий и контрибуций — поскольку не решен вопрос о власти и нет разрыва с капиталистами — одна болтовня.

Заправилы съезда из меньшевистско-эсеровского блока пытались устроить Ленину обструкцию. Но рядовые члены съезда, даже из числа меньшевиков и эсеров, были настолько увлечены убежденностью и железной логикой вождя пролетариата, что зашикали на своих лидеров, заставили их продлить время Ленину невзирая на строгий регламент.

Владимир Ильич, обращаясь в упор к заправилам съезда, продолжал:

— Если бы в России революционная демократия была демократией не на словах, а на деле, то она перешла бы к движению революции вперед, а не к соглашению с капиталистами... Тогда было бы возможно избежать империалистического наступления, грозящего ги-

белью тысячам и миллионам людей из-за дележа Персии, Балкан. Тогда открыта была бы дорога к миру...

Каково было слушать это верным псам буржуазии — меньшевикам и эсерам?

Помню еще один характерный эпизод. В своей речи Церетели пугал массы военной диктатурой. На эту тему А. В. Луначарский нарисовал карикатуру, изобразив средневекового рыцаря в доспехах: стальной маске-забрале, с прорезями для глаз и носа и с обнаженным мечом. На рисунке Луначарский сделал надпись: «Таким будет буржуазный диктатор России».

Закончив рисунок, А. В. Луначарский переслал его на скамьи фракции большевиков — Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич, получив «по цепи» рисунок, вместе с товарищем Сталиным начали его разглядывать. Затем, взяв карандаш, крест-накрест перечеркнул его и вернул рисунок А. В. Луначарскому с надписью: «Диктатуры буржуазии в революционной России не быть».

Решительно поставленный Лениным крест над изображением буржуазного диктатора оказался как бы символическим. Предсказание Ленина через четыре месяца сбылось.

Первый съезд советов пошел за эсеро-меньшевистскими вождями. Одобрив продолжение войны и наступление на фронте, съезд поддержал Временное правительство. Но съезд заседал в революционном Петрограде, где огромные массы рабочих и солдат шли уже за большевиками. Голос революционного пролетариата и гарнизона Петрограда не раз врывался в зал заседания и мощно поддерживал небольшую группу большевистских депутатов.

Особенно большое значение имела та борьба, которая развернулась вокруг июньской демонстрации. На 10 июня Центральный комитет большевиков назначил демонстрацию, чтобы перед лицом I съезда советов продемонстрировать подлинную волю пролетариев и солдат революционной столицы. 9 июня я дежурил в большевистской фракции съезда. Неожиданно вбегает в комнату меньшевик Богданов с оттиском воззвания Центрального комитета большевиков для первой полосы страницы завтрашнего номера «Правды», в котором революционные массы Петрограда призывались 10 июня выйти на демонстрацию с большевистскими лозунгами.

— Вы знаете, чем это пахнет,— закричал он, обращаясь ко мне.— Это же пароль для контрреволюции! Мы требуем срочного ответа вашего Центрального комитета, отдает ли он себе отчет, назначая вооруженную демонстрацию.

Я спросил Богданова, кому дать ответ и от чьего имени он говорит. Он ответил, что говорит от имени большинства съезда — от имени меньшевиков и эсеров. По предложению этих партий президиум съезда созывает сейчас срочное заседание, на котором потребует объяснений фракции большевиков.

Когда Богданов ушел, я позвонил по телефону в Центральный комитет партии, чтобы предупредить товарищей Ленина и Сталина о новом заговоре соглашателей.

Мне удалось связаться с товарищем Сталиным. Он заявил, что о мышиной возне эсеро-меньшевиков в связи с нашей демонстрацией Центральный комитет уже осведомлен.

— Как раз, — сказал товарищ Сталин, — сейчас идет заседание с участием членов Центрального комитета, на котором обсуждается этот вопрос.

Сталин предложил большевикам — членам президиума — принять участие в экстренном заседании президиума съезда. На заседании нужно заявить меньшевикам, что Центральный комитет большевиков не подотчетен президиуму съезда советов. Право демонстраций и шествий есть неотъемлемое право, завоеванное революцией. Товарищ Сталин сказал, что нужно разоблачить клевету соглашателей, будто большевики призывают массы выйти на демонстрацию вооруженными.

Товарищ Сталин предложил созвать по этому вопросу экстренное заседание нашей фракции. Пока фракция собиралась, мне удалось побывать на заседании президиума съезда. После истерических речей Дана и Гоца президиум решил предъявить «ультиматум». Гоц заявил:

— Или со всей «революционной демократией», — тогда пусть большевики подчинятся воле ее полномочных органов и откажутся от безумных демонстраций, — или они ставят себя вне «революционной демократии».

Заседание фракции большевиков началось почти одновременно с открытием вечернего заседания съезда.

Небольшая группка делегатов-большевиков, возглавлявшаяся В. Ногиным, предлагала капитулировать перед эсеро-меньшевистским большинством съезда.

Во время речи Ногина на заседание фракции пришли товарищи Ленин, Сталин и Свердлов.

Владимир Ильич шутливо спросил у членов бюро фракции:

— Ну, как? Нагнали на вас жару меньшевики и эсеры?

— Ничего, к истерикам меньшевиков и эсеров мы уже привыкли.

С поддержкой Ногина выступил на фракции Каменев. Он предательски требовал полного единения с эсеро-меньшевиками и высказался против всего, что нарушает «равновесие сил советских партий».

Ленин разоблачил эти установки Каменева и Ногина. Он заявил, что одно дело отменять или не отменять демонстрацию, другое — подводить под решение этого вопроса капитулянтские мотивы. Отказ от подчинения съезду дал бы основание контрреволюции, прикрываясь авторитетом съезда советов, объявить большевиков вне закона.

Выступивший затем Сталин задал делегатам ряд вопросов: как стали бы реагировать местные советы на возможные аресты большевиков, и все ли советы стали бы *реально* и *действенно* защищать своих большевистских делегатов?

Этот вопрос, поставленный товарищем Сталиным в упор, сразу же отрезвил нетерпеливых товарищей, звавших партию к выступлению во

что бы то ни стало. Одновременно товарищ Сталин также разоблачал капитулянтскую позицию Каменева и Ногина.

Фракция приняла решение: подчиняясь постановлению съезда, отменить демонстрацию 10 июня, но тут же был составлен план перенесения ее на другой день.

Когда наше заседание окончилось, было уже за полночь. У двери к Ленину и Сталину подбежал меньшевик Богданов и стал предлагать автомобили для того, чтобы успеть заехать в редакции газет дать объявление о решении фракции подчиниться постановлению съезда об отмене демонстрации.

Это был первый случай за все дни революционной борьбы, когда правящие партии «заботились» о средствах передвижения для большевиков.

От услуг Богданова отказались. Автомобиль предоставил товарищ Садовский — делегат проходившего в то время съезда бронеавтомобильных частей.

Надо было успеть заехать в типографию «Сельского вестника», где печаталась тогда «Правда», и в другой конец города, на Лиговку, где печатались «Известия», и дать объявление Центрального комитета, Петербургского комитета и фракции съезда об отмене демонстрации.

Не успели мы переехать Неву, как за нами увязалась идущая без огней автомашина.

Видя, что шофер все время оглядывается, Владимир Ильич спросил его:

— Что вы там увидели?

— Да вот,— ответил тот,— «духи» едут за нами.

— Какие такие «духи»?

— Да молодчики из разведки Керенского. Ну, мы им сейчас вставим перо...

Шофер начал огибать переулки, ведущие на Невский.

Но машина без огней не отставала. Куда мы — туда и она. Становилось забавно.

Мы доехали до типографии «Правды». Охранники — за нами. Мы оттуда, они опять за нами.

Всем нам вместе с солдатом-шофером хотелось провести ненавистную охранку Временного правительства.

Этой гонкой машин увлекся и Владимир Ильич. Он подбадривал шофера:

— Еще, еще, нажмите, обставьте, обставьте их...

Машина охранников хотя и отставала, но все время не теряла нас из виду.

Когда мы приближались к Лиговке, шофер свернул в какой-то темный переулок. По пути он увидел разрытую мостовую и яму, наспех обнесенную козлами и чуть-чуть освещенную фонарем. Шофер отбросил козлы и потушил фонарь. Обогнув яму, он ввел машину во двор какого-то дома.

Послышался шум приближающейся машины. Мы притихли.

Машина охранки завалилась в яму. До нас донеслись крики.

Мы умчались дальше, оставив охранников возиться у засевшей в яме машины. Ильич весело смеялся такому исходу нашего путешествия.

На обратном пути Ленин и Сталин поехали на квартиру Ильича подготовлять статьи в «Правду» и директивы Центрального комитета. Утром следующего дня нужно было провести на заводах и в воинских частях Петрограда решение об отмене демонстрации.

К восьми часам утра 10 июня делегаты-большевики собрались в Таврический дворец. Товарищи Сталин и Свердлов направляли делегатов на заводы и в воинские части Петрограда.

Инструктируя нас, товарищ Сталин подчеркнул, что эсеры и меньшевики будут проводить отмену демонстрации под лозунгом «сбавить пар» революционных настроений масс. Нам надлежит говорить массам, что отмена демонстрации означает лишь перенесение ее срока.

Предстояла большая разъяснительная работа. Рабочие и солдаты рвались на улицу. Еще накануне мы призывали их на демонстрацию. Теперь нам нужно было удержать массы от выступления. Это был сложный маневр, но сила влияния большевистской партии была огромна.

Характерный случай произошел в этот день в 1-м пулеметном полку. Когда мы вдвоем с товарищем подошли к казармам полка, лидер меньшевиков, председатель съезда советов Чхеидзе, и лидер эсеров Авксентьев спорили с часовым у ворот полка. Тот не впускал их без пропуска, а они, волнуясь, доказывали, кто они такие.

— Без пропуска не велено пускать никого, — стоял на своем часовой.

Мы подошли к часовому и, показав пропуск большевистской военной организации, направились в казарму.

Вожаки съездовского большинства вне себя кричали:

— Что же это такое! Председателя Всероссийского съезда не пропускают, а перед первыми попавшимися раскрывают двери.

— Но у них же пропуск «военки», — возражал часовой.

Видя, что от часового им ничего не добиться, Чхеидзе и Авксентьев окликают нас:

— Пожалуйста, скажите полковому комитету, чтобы нас пропустили.

Только через некоторое время полковой комитет пропустил Чхеидзе и Авксентьева, и они попали на митинг.

«...Недоверие правительству со стороны громадного большинства демонстрантов при явной трусости меньшевиков и эсеров выступить «против течения» — так характеризовал товарищ Сталин демонстрацию 18 июня.

10 июня доказало, что массы рабочих и солдат идут за нашей партией: подчиняясь решению съезда, большевики удержали массы от выступления. Но под давлением рабочих и солдат съезд вынужден был сам назначить на 18 июня демонстрацию, и эта демонстрация еще ясней показала, за кем идут и кого поддерживают пролетариат и гарнизон революционной столицы.

И. ВАСИЛЬЕВ

КАК ВЫСТУПАЛИ ПУЛЕМЕТЧИКИ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Первый пулеметный полк был главным участником июльского выступления 1917 года. Буржуазия называла этот полк ленинским. И это была правда — мы, пулеметчики, действительно были пропитаны большевистским духом и этим гордились.

В полку были организованы курсы агитаторов-большевиков. Нам часто приходилось проводить митинги на заводах и фабриках, в других воинских частях и даже на улицах.

Наряду с агитационной работой мы проводили сбор денег по заводам и полкам на издание большевистских газет.

В мае большевистская организация полка в согласии с солдатской секцией Петроградского совета послала делегацию на Северный, Западный, Юго-западный и Румынский фронты с подарками для фронтовиков. В числе делегатов был и я.

Вместе с подарками мы взяли с собой много большевистской литературы и газет. Когда мы пришли получать документы в штаб Петроградского военного округа, помощник командующего округом эсер Кузьмин сказал нам:

— На вас возлагается задача — влить дух бодрости в ваших товарищей в окопах, придать им уверенность в победном завершении войны. Вы должны с честью выполнить вашу миссию.

Кто-то из нас заметил, что наша задача несравненно скромнее, — это отвезти подарки нашим братьям в окопах, а за войну пусть агитируют те, кто имеет от нее пользу.

Поручик Кузьмин вскипел.

— Таких, как вы, не следовало бы пускать на фронт! — фыркнул он.

Но документы уже лежали у нас в карманах, и, выйдя из штаба, мы поехали грузиться в вагоны.

Нас было восемнадцать человек. Мне пришлось быть во главе делегации, посланной на Румынский фронт. На станциях мы устраивали летучие митинги, проводили их под большевистскими лозунгами. В Одессе нас чуть не арестовали. Выступали офицеры Черноморского флота с выкриками: «Война до победного конца!» Мы дали им полный отпор, встретив сочувствие большинства присутствовавших на митинге. Офицеры набросились на нас и хотели арестовать. И лишь убедившись по документам, что мы — делегаты петроградского гарнизона, отпустили.

Приехав на Румынский фронт, мы увидели, что офицерство и соглашатели ведут там лихорадочную работу по подготовке к наступлению, организуя ударные батальоны и батальоны смерти. В войсковых частях еще царили старые порядки; не было ни одной большевистской газеты; велась самая отчаянная травля большевиков. Травля эта до-

ходила до того, что самое название «большевик» старались объяснить словом «большак», т. е. кулак.

Мы начали собирать по полкам собрания, рассказывать, что делается в Петрограде, кто такие большевики и чего они хотят. Раздали подарки и литературу. В общем мы проработали на фронте около месяца. Четыре раза нас арестовывали и освобождали только после вмешательства солдат. В отдельных частях организовывали большевистские группы, научили, как надо работать и как держать связь с Петроградом.

Возвратились мы с фронта 1 июля, а 3 июля сделали доклад о нашей поездке на общем собрании полка. В это время уже стало известно о провокационном выходе кадетов из состава Временного правительства.

В своем докладе мы говорили о положении на фронтах, о наглеющей контрреволюции, о травле большевиков. Выступали также и делегаты, прибывшие с фронта. Все требовали немедленного выступления нашего полка против Временного правительства.

Это правительство, говорили выступавшие, руководит всей контрреволюцией, арестовывает и избивает наших товарищей, громит наши газеты и под шум призывов «войны до победного конца» стремится похоронить революцию.

Руководители большевистской организации убеждали, что выступать еще рано, что мы еще не подготовлены и масса солдат на фронте, одурманенная соглашателями, в любой момент может пойти против нас. Они говорили, что Центральный комитет большевиков воздерживается от вооруженного выступления.

Пулеметчик Голованов с жаром начал доказывать, что выступить надо именно сейчас.

— Наступило время, когда Временное правительство должно быть свергнуто! — говорил он. — Разве мы можем терпеть, когда на съезде кадетской партии открыто призывают к уничтожению большевиков, когда принимаются все меры к очистке Петрограда от революционных войск, когда посылают казаков усмирять крестьян, захватывающих помещичьи земли, когда рабочих за их борьбу с капиталистами готовы гноить в тюрьмах! До каких пор кадетская контрреволюция и ее исполнительный комитет — Временное правительство — будут лить кровь и наживаться на наших муках? Долой этих кровожадных зверей!

Возбужденная солдатская масса с криками «Долой десять министров-капиталистов!», «Долой войну!», «Вся власть советам!» повалила из барака, где происходило собрание.

Тогда большевики, видя, что нет никакой возможности удержать пулеметчиков от выступления, постарались придать ему более организованный характер. Было решено избрать пятерку для руководства выступлением.

Прежде всего мы сообщили в Центральный комитет большевиков и в солдатскую секцию Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, что наш полк решил выступить против Временного прави-

тельства. Мы послали отряды на все вокзалы реквизировать все, какие только попадутся, автомобили. Отправили также отряд для захвата бронедивизиона в Михайловском манеже и на охрану дворца Кшесинской, где помещался Центральный комитет большевиков. Одновременно сообщили кронштадтцам, а также всем воинским частям и заводам, что мы выступаем с требованием передачи всей власти советам, и призвали их к поддержке.

Под вечер с оружием в руках, погрузив пулеметы на автомашины, мы двинулись к Таврическому дворцу. «Да погибнет буржуазия от наших пулеметов!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть советам!», «Долой войну!», «Земля народу!», «Заводы и фабрики рабочим!» — написано было на наших плакатах.

Подойдя к дворцу, мы потребовали передачи всей власти советам и отставки Керенского. Здесь нам сказали, что Керенского в Таврическом дворце нет.

4 июля возбужденные солдатские и рабочие массы и матросы, прибывшие из Кронштадта, собрались к Таврическому, где в это время заседал соглашательский Центральный исполнительный комитет, и предъявили ему требование, чтобы он взял власть в свои руки. Соглашатели от этого отказались. Они ответили нам, что если бы такое требование предъявила им вся Россия, а не один только Петроград, то они, может быть, и согласились бы взять власть в свои руки. Сейчас же они от захвата власти категорически отказываются.

Вскоре появились слухи, что с фронта движутся части 5-й армии к Петрограду на подавление революционных масс. От нас начали откалываться полки, выступавшие вместе с нами. Твердыми до конца остались лишь наш полк да кронштадтцы, захватившие вместе с нашей 16-й ротой Петропавловскую крепость. Тем не менее мы приготовились к встрече.

Приехавшие фронтовики 5 июля стали разгружаться на Николаевском вокзале. Провокаторы, обстреляв фронтовиков из пулеметов, пустили слух, что это сделал пулеметный полк. В это время Керенский издал приказ, чтобы мы в течение двенадцати часов сдали оружие. Мы отказались выполнить этот приказ. Затем приезжал нас уговаривать член президиума соглашательского Центрального исполнительного комитета Гоц, но его чуть не побили в нашем полку, и он едва удрал оттуда. Мы хотели было связаться с фронтовиками, но это нам не удалось. Керенский и командующий Петроградским военным округом Половцев приказали развести все мосты. Мы стояли в это время на Выборгской стороне, на Сампсониевском проспекте. Отрезав нас и всю Выборгскую сторону от центра, правительство готовилось начать наступление.

Мы тоже готовились принять бой.

Но Центральный комитет партии большевиков известил нас о том, что для предотвращения кровопролития нужно прекратить демонстрацию и возвратиться в свои казармы. Мы решили подчиниться этому постановлению, как это было ни тяжело. Мы поняли, что озверелая буржуазия под предлогом подавления восстания может жестоко рас-

правиться с рабочими и солдатскими массами, и решили организованно отступить.

6 июля мы выбрали делегацию и послали ее к генералу Половцеву для установления условий сдачи. Встретились мы на Троицком мосту. Половцев дал нам гарантию в том, что никто из нас не будет арестован и расстрелян за исключением виновных в уголовных преступлениях. Оружие он обязал нас сдать все. Мы вынуждены были принять эти условия.

После этого к нам в казармы приехали два полка казаков и стали грузить на двуколки пулеметы, винтовки и другое оружие. Нам приказали построиться в четыре ряда. Затем они оцепили нас со всех сторон, и полк двинулся на разоружение.

Привели нас на Дворцовую площадь и окружили войсками. На нас были направлены пулеметы со всех сторон. Послышалась команда: «Смирно». Показались Керенский с Половцевым в окружении штаба контрреволюции. Керенский поздоровался с войсками.

Никто не шевельнулся. Тогда Керенский обращается к нам с приветствием. Ему в ответ была гробовая тишина. Он подошел к 7-й роте и сказал:

— Вот если бы вы проявили такую же отвагу на фронте, как здесь, защищая предательские требования большевиков, мы давно уже взяли бы Берлин.

Но и это замечание не произвело на нас никакого впечатления.

Для того чтобы нагнать страх на другие части войск, стоявшие на площади, на виду у всех над нами учинили расправу. На площади установили длинный ряд столов, за столы сели офицеры и стали нас допрашивать группами человек по сорок-пятьдесят. Сбоку защелкали фотоаппараты. Эта процедура длилась до поздней ночи. Потом нас вновь окружили казаки и погнали в Соленый городок — в казармы бывшего Кексгольмского полка.

Загнав нас в казармы, у входа поставили караул с пулеметами.

На другой день меня и еще нескольких солдат вызвали на допрос. Допрашивали нас полковник и два прапорщика. Из допроса мы поняли, что им хочется угнать наш полк на фронт. Были также попытки выявить главных руководителей большевистской организации в полку.

В конце концов нам поставили вопрос в упор: поедем ли мы на фронт для того, чтобы искупить свою вину. Мы ответили, что для этого нам надо посоветоваться с полком. Допросчики на это согласились.

Мы устроили собрание в полку, и полк решил итти на фронт и нести туда большевистские идеи. Нас освободили, и мы вернулись в свои казармы на Выборгскую сторону. Но едва я лег спать, как меня подняли, посадили в автомобиль и отвезли в тюрьму «Кресты», где уже сидели многие большевики.

Ф. БЫКОВ

АВТОБРОНЕВИКИ В ИЮЛЕ

В 1917 году я находился на службе в 1-й запасной автомобильной роте в Петрограде. Комплектовалась авторота главным образом из рабочих, и с первых же дней Февральской революции нам удалось сколотить небольшую группу солдат, которая поддерживала постоянную связь с военной организацией партии большевиков. В солдатский комитет автомобильных рот мы провели своих товарищей.

Первым нашим выступлением было участие в встрече Ленина 3 апреля 1917 года. В авточастях узнали о приезде Ленина за несколько часов до прихода поезда. Узнали не от своих товарищей, а — как это ни странно — от английского посла Бьюкенена и лидера партии кадетов министра иностранных дел Милюкова. Сидя в автомобиле, они говорили о том, что сегодня в Петроград приезжает Ленин. Говорили по-английски, будучи уверены, что шофер ничего не поймет, — откуда какому-то низшему чину знать английский язык. Но шофер был за границей и понимал по-английски. Не прошло и получаса, как, доставив Милюкова и Бьюкенена, он примчался к нам, на Песочную улицу в тыловую мастерскую, и сообщил эту радостную весть.

Мы немедленно начали готовиться к встрече. Группа товарищей на мотоциклах срочно объехала автокоманды, собирая подписи желающих встретить Ленина. Вскоре измятые, замусоленные подписные листы были покрыты восемьюстами подписей. Мы решили встретить вождя в полной «боевой амуниции» и выставить свой броневик «Остин».

Явившись к дворцу Кшесинской, мы присоединились к группе старых большевиков. Они пошли впереди колонны со знаменами партии. За ними грохотал наш броневик, затем шли рабочие, солдаты. Кронштадтские моряки выехали в почетный караул. Вся площадь Финляндского вокзала была заполнена рабочими, солдатами, матросами.

Как только Ильич появился на ступеньках вокзального подъезда, сдержанный гул толпы сменился бурной овацией. Оглушающие крики приветствий слышались со всех сторон. Ленин прошел к нашему броневику. Мы завидовали команде броневика. Подхваченный ее руками, Ильич поднялся на площадку и, протянув вперед руку, заговорил. По снимкам и плакатам, рисункам и скульптурам этот ленинский жест знает теперь весь мир.

Когда Ленин кончил, площадь вновь огласилась гулом приветствий. Броневик Ленина медленно двинулся к дворцу Кшесинской, сопровождаемый массой рабочих и солдат.

Наше участие во встрече Ленина еще больше связало авточасти с большевистской организацией. Мы всячески старались оказать ей необходимую помощь.

Хорошо помню бурные июльские дни. 3 июля, когда я находился в грузовом парке на Усачевском переулке, туда приехала делегация солдат пулеметного полка и потребовала пятьдесят грузовиков.

«Завтра вооруженная манифестация. Мы поставим на них пулеметы», заявили они. Немедленно было созвано общее собрание солдат. Наше положение было трудное. Мы знали, что партия считала выступление преждевременным. Но солдаты были готовы принять предложение пулеметчиков и выступить вместе с ними.

Во время собрания в парк приехал Я. М. Свердлов. Его окружили плотным кольцом. Посыпались вопросы. Свердлов сказал, что раз демонстрация состоится, целесообразно участие в ней и грузовиков. Но надо помнить, что демонстрация должна быть мирной. Точные инструкции он обещал сообщить после десяти часов вечера, когда соберутся члены Центрального комитета и представители районов во дворце Кшесинской.

Такое же собрание происходило в мастерских запасного бронедивизиона. Пулеметчики обратились туда, чтобы вывести на улицу броневики.

Всю ночь шло обсуждение этого вопроса в солдатском комитете и на общем собрании. Ефрейтор Елин и другие передовые товарищи призывали к подчинению партийным директивам, но одновременно предложили вывести броневик для того, чтобы в случае надобности защитить большевистский центр. Броневик вывели из гаража ночью. Затем решили вывести еще четыре броневика. Решение вывести броневики для защиты большевистского комитета говорило о том, что солдаты автобаз знали, за кем им нужно итти и кого охранять в эти тревожные июльские дни.

Рано утром 4 июля вместе с другими нашими представителями я был в штабе большевиков — во дворце Кшесинской. Со всех концов города прибывали туда делегации рабочих и солдат, чтобы получить указания своей партии. Часов в девять утра лестницы, коридоры и комнаты дворца были заполнены делегациями. Их было так много, что приходилось ждать приема долгое время. Нас, представителей автоброневых частей Ораниенбаумской пулеметной школы и кронштадтских моряков, принял товарищ Сталин. Мы знали хорошо товарища Сталина как члена Центрального комитета партии и руководителя газеты «Правда». Помню, как однажды он принимал делегацию солдат Румынского фронта. Внимательно и терпеливо он выслушал их недоуменные вопросы и дал обстоятельные разъяснения. Вскоре пришло письмо в «Правду», где сообщалось, что 20-я рота, от которой были представители у товарища Сталина, «перешла на большевистскую платформу». В эти решающие дни товарищ Сталин вместе с товарищем Лениным направляли работу партии по правильному руслу.

Вот уже несколько часов подряд товарищ Сталин неотлучно находился во дворце Кшесинской. С обычным для него спокойствием и выдержкой он подолгу говорил с каждой делегацией. Товарищ Сталин разъяснил нам линию, принятую партией в связи с развернувшимися событиями. Раз удержать массы от выступления невозможно, мы не можем стать в сторону и умыть руки. Товарищ Сталин сказал нам, что партия принимает на себя руководство демонстрацией, чтобы

придать ей мирный и организованный характер. Он предупреждал нас, как важно не поддаваться провокации контрреволюционеров. В связи с этим на наши броневые части возлагалась ответственная обязанность охраны демонстрации.

После беседы с товарищем Сталиным мы вернулись к себе, твердо понимая свои задачи. Внезапно пришли тревожные вести из Михайловского манежа. Там размещался автодивизион, и представители Временного правительства и эсеро-меньшевистского Центрального исполнительного комитета требовали у него броневиков. Было ясно, что броневики нужны правительству для того, чтобы под их прикрытием произвести кровавый разгром манифестации. Мы немедленно направились на мотоциклах в манеж. Там шел митинг. Эсеры Гоц и Богданович призывали к защите «родины и революции». В суровом и мрачном молчании слушал дивизион эти речи.

Вдруг в манеж вбежал запыхавшийся ефрейтор Елин и попросил слова вне очереди. Он сообщил, что юнкера и батальон георгиевских кавалеров открыли огонь по броневику мастерских автороты, охранявшему демонстрацию на маршруте Миллионная — Дворцовая площадь — Невский, и по сопровождавшей его автомашине. Шофер ранен и лежит, истекая кровью, на мостовой.

Сообщение товарища Елина вызвало бурю негодования. Возмущенные крики солдат потрясли воздух, толпа заколыхалась и двинулась к выходу на улицу.

Удрав после сообщения Елина с митинга, Гоц и Богданович вызвали к манежу артиллерию и казаков и под таким прикрытием вернулись вновь в автодивизион. Снова начались прения. Гоц и Богданович вновь стали просить выдать броневики «во имя революции и демократии». Говорили, что броневики нужны для защиты правительства, что штаб большевиков тоже охраняется броневиками. Собрание уступило. Четыре броневика было им дано после категорических обещаний и клятв, что они не будут использованы против демонстрантов.

Но верить соглашателям было нельзя. Ясно, что они уже приступили к своей кровавой провокации. Мирные организованные ряды демонстрантов проходили по улицам, стараясь не поддаваться на провокацию. Вот на балконе дворца Кшесинской появился Владимир Ильич. Он приехал в Петроград 4 июля утром и сейчас же явился во дворец. Теперь он обратился с короткой речью к демонстрантам. Он приветствовал рабочих и солдат Петрограда и матросов Кронштадта и выразил уверенность в том, что несмотря на все препятствия большевистский лозунг «Вся власть советам» должен победить и победит. Ленин призывал массы к выдержке, стойкости, бдительности. Демонстранты двинулись к центру, к Таврическому дворцу. Еще последние колонны рабочих и солдат проходили мимо штаба большевиков, приветствуя Ильича, как уже стали поступать сведения о том, что Временное правительство расстреливает демонстрацию, провоцируя кровавое столкновение.

Ночью были выключены телефоны штаба большевиков, связь

с редакцией «Правды» была нарушена. Чтобы оторвать штаб большевиков от рабочих районов, Временное правительство распорядилось развести мосты.

Когда Ленин поехал в редакцию «Правды», машину пришлось вести вкруговую: с Петроградской стороны через Выборгский район, Охту, в типографию — на Мойку. Мосты в центре города были разведены.

При помощи соглашателей контрреволюция победила в июльские дни. Но ей не удалось разгромить основные силы революционного пролетариата и гарнизона. Требовалась большая выдержка, чтобы организованно отступить, не поддаваясь на кровавую провокацию Временного правительства.

К штабу большевиков 5 июля приехала в сопровождении воинских сил комиссия, посланная Временным правительством, и потребовала «очистить» особняк Кшесинской и увести броневики в гаражи.

Ефрейтор Елин, начальствовавший над дежурными броневиками, охранявшими большевистский штаб, категорически и резко отказался выполнить распоряжение комиссии. Его дружно поддержали солдаты. Дело могло привести к вооруженному столкновению, но к броневикам вышел товарищ Подвойский и передал от имени Центрального комитета партии распоряжение увести броневики. Объявил товарищ Подвойский также и о решении большевистских центров очистить особняк. Это предотвратило столкновение. Стиснув зубы и скрепя сердце, затаив в душе рвавшуюся наружу ненависть к буржуазному правительству, но выполняя волю партии, мы покинули особняк и увели свои машины.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

КАК МЕНЬШЕВИКИ РАЗОРУЖАЛИ РЕВОЛЮЦИЮ

Центральный комитет партии большевиков постановил закончить июльскую демонстрацию. Узнав об этом, я, Рошаль и Ярчук днем 5 июля объехали на машине все казармы, где стояли кронштадтцы. Мы призывали товарищей немедленно вернуться в Кронштадт. Матросы согласились с этим, но выдвинули три обязательных условия: 1) все арестованные во время демонстрации кронштадтцы освобождаются из тюрем, 2) все отобранное оружие возвращается и 3) кронштадтцам гарантируется безопасное возвращение.

Вместе с делегатами моряков едем в Таврический дворец предъявлять соглашательскому Центральному исполнительному комитету эти условия.

На пустынной набережной Невы у Троицкого моста мы сели в ма-

ленький паровой катер, прибывший из Кронштадта. Катер отдал буксирные концы, медленно и осторожно отвалил от пристани и, густо дымя, пошел вверх по Неве.

Петропавловская крепость вонзала в низкое свинцовое небо высокий остроконечный шпиль, увенчанный босоногим ангелом. Справа на Французской набережной высились барские особняки и здания иностранных миссий. Мы пришвартовались недалеко от Смольного, у первой попавшейся баржи с дровами, и по узким качающимся сходням вышли на безлюдную набережную, заставленную длинными штабелями дров. Кривыми и узкими переулками добрались до Шпалерной улицы, как раз напротив Таврического дворца.

В одной из небольших комнат дворца происходило заседание военной комиссии. Мы были в соседней комнате, превращенной в буфет и наполненной журналистами, когда к нам вышел известный меньшевик Борис Богданов.

Я знал его раньше: в 1914 году в день рабочей печати он выступил моим оппонентом как «ликвидатор» в рабочем культурно-просветительном обществе «Наука и жизнь».

Помню, как он, усевшись на кончике председательского стола, упиваясь звуками своего голоса, с гордостью перечислил «заслуги» меньшевиков в революции и, торжествующе обведя аудиторию глазами сквозь пенсне на мясистом и широком носу, с ложным пафосом воскликнул:

— А где тогда были вы, товарищи большевики?

Громкий и отчетливый голос из задних рядов находчиво ответил Богданову:

— За решоткой.

Богданов смутился, покраснел и не нашел ничего сказать.

Полный, рыхлый, широкоплечий, он встретил нас с какой-то покровительственной улыбкой.

Мы потребовали освобождения всех арестованных кронштадтцев. Богданов развязно поставил одну ногу на стул и от имени военной комиссии заявил:

— Кронштадтцы могут уехать лишь после сдачи оружия Петроградскому исполнительному комитету в присутствии членов Кронштадтского исполкома.

И с притворно-участливым видом он стал уговаривать нас сдать оружие.

— Поймите, что если кронштадтцы станут возвращаться домой с винтовками в руках, то Петроградский совет не может нести ответственность за безопасность их следования на пристань, — заявил, разводя руками, Богданов.

— Вам нечего беспокоиться, — мягким, фальшиво-доброжелательным тоном успокаивал нас Богданов. — Отобранное оружие вслед за вами будет отправлено в Кронштадт.

Такая процедура сдачи винтовок меньшевикам и эсерам была для нас неприемлема. Я ответил, что усматриваю в этом недоверие к Кронштадтскому исполкому.

— Можно сделать наоборот, — ответил на это Богданов. — Пусть оружие будет передано Кронштадтскому исполнительному комитету в присутствии членов Петроградского исполкома. Какая разница? — И он недоуменно пожал своими широкими, жирными плечами.

Мы отошли в сторону, быстро посовещались и большинством — всех против одного — приняли это условие. Затем снова подошли к Богданову и условились с ним, что кронштадтцы пройдут по городу на пристань без оружия, которое будет следовать рядом на подводах. Богданов ушел в соседнюю комнату. Казалось, что соглашение достигнуто. Не тут-то было. Через несколько минут нас пригласили в соседнюю комнату, где стоял большой стол в форме буквы «П», накрытый красным сукном. В центре стола, на председательском месте, сидел Либер. По обе стороны от него в торжественных позах сидели Войтинский, Богданов, Суханов и несколько молодых людей в офицерской форме.

Никто не предложил нам сесть, и мы остановились посреди комнаты лицом к столу, как свидетели на суде.

Богданов, сразу принявший неожиданно официальный тон, сухо и неприязненно заявил нам:

— Условия изменены. Оружие должно быть сдано немедленно и без всяких условий относительно того, куда оно будет направлено.

Меньшевик Либер, обросший густой черной, как смола, шевелюрой и такой же бородой, раздраженно подтвердил требование немедленного разоружения кронштадтцев. Мы пытались сослаться на соглашение, только что заключенное нами с Богдановым, но Либер не захотел слушать и резко перебил нас. С налитыми кровью темными и злыми глазами, голосом, доходящим до визга, он еще более гневно требовал немедленной и беспрекословной сдачи оружия. Мы хладнокровно ответили, что, не имея полномочий для решения вопроса о разоружении, мы должны сперва посоветоваться с Кронштадтским исполкомом и с самими матросами. Поэтому мы попросили отложить решение вопроса до десяти часов утра следующего дня. Либер пошептался со своими соседями и объявил, что наша просьба уважена. Когда мы удалялись, Либер крикнул вдогонку:

— Имейте в виду, что завтра к десяти часам утра вы должны принести готовый ответ!

Мы ушли в соседнюю комнату и уже собирались покинуть дворец, как вдруг нас снова пригласили вернуться.

Либер, поднявшись со стула, торжественно возвестил:

— Мы ставим вам ультимативное требование. Вы должны сейчас же сказать нам: сдаете ли вы оружие или нет? Если да, то через два часа все оружие должно быть сдано.

Глубоко возмущенный этим глумлением, нервно теребя бронзовые львиные головы морского плаща, я горячо заявил, что каждый ультиматум непременно предоставляет известный срок для его принятия или отклонения.

— Вы — люди военные и должны действовать по-военному, — ответил Либер. — Мы даем вам срок — десять минут.

Удалившись для совещания, мы единодушно признали новый ультиматум неприемлемым и через десять минут вернулись в зал заседаний со следующим заявлением:

— Мы поставлены в невыносимые условия, нам совершенно не дали времени для размышлений. Мы не можем посоветоваться ни с нашим исполнительным комитетом, ни с нашими товарищами — кронштадтцами. Объясните нам, чем продиктован такой краткосрочный ультиматум?

— Железная необходимость властно требует этого, — любуясь собой, медленно отчеканил Либер.

— Скажите нам, что это за железная необходимость? — спросил я. — Быть может, мы также проникнемся вашими доводами.

— Мы ничего не можем сказать вам, — произнес Либер.

— Тогда, — заявил я от имени всех десяти кронштадтских делегатов, — ввиду того, что мы поставлены в безвыходные условия, никакого ответа мы дать не можем и за последствия снимаем с себя всякую ответственность.

— Наши переговоры закончены. Мы также снимаем с себя всякую ответственность, — ледяным тоном промолвил Либер.

Уходя, я взглянул на рыжеволосого, подвижного Войтинского: он стоял у висевшего на стене телефонного аппарата и созванивался со штабом прибывшей с фронта дивизии. Я сразу понял, что срок ультиматума сокращался обратно пропорционально количеству прибывающих штыков. Чем больше контрреволюционных войск оказывалось в руках Временного правительства, тем решительнее становились эсеро-меньшевики, и тем поспешнее стремились они разоружить пролетарскую революцию.

С сжатыми губами сидел за столом «новожизненец» Суханов. Как глухонемой, он умудрился в нашем присутствии не произнести ни одного слова. Он был по ту сторону баррикады, вместе со всей контрреволюцией.

Уйдя с заседания, мы тотчас решили разослать товарищей по казармам и предупредить кронштадтцев о готовящемся насильственном разоружении. Но оказалось, что большинство кронштадтцев — матросов, солдат и рабочих — группами и поодиночке с винтовками и револьверами в руках уже успело вернуться на остров Котлин. Лишь в двухэтажном доме Кшесинской и в соседней Петропавловской крепости оставались матросы, охранявшие помещение.

Рошаль и я направились в комнату пропусков Всероссийского центрального исполнительного комитета за получением документов на право свободного хождения по городу. Меньшевики и эсеры, выдававшие документы, отказали нам в выдаче пропусков, вызывающе заявив, что никто не может поручиться за нашу личную безопасность. Но под нашим нажимом пропуска были выданы.

Кто-то предупредил, что по выходе из Таврического дворца нас могут арестовать на улице. Кронштадтские моряки подтвердили, что казаки на Невском весь день разыскивали Рошаля и меня.

К нашему удивлению, меня с Рошалем на улице никто не тронул.

Дойдя до Литейного проспекта, мы разошлись: Семен Рошаль пошел на Фонтанку, а я свернул направо — к Выборгской стороне. Подойдя к Литейному мосту, я увидел, что его разводная часть двумя параллельными плоскостями была поднята кверху. Троицкий мост также оказался разведенным.

На Литейном проспекте было пусто, как в вымершем городе. Не только прохожие, но даже дворники и милиционеры куда-то скрылись. Мои шаги по каменным плитам тротуара гулко разносились в ночной тишине. Белые ночи кончились, но фонари еще не зажигались. Бледнорозовая полоса едва окрашивала край горизонта. Приближался ранний июльский рассвет. Между Бассейной и Пантелеймонской у длинного светложелтого здания артиллерийской казармы военный патруль проверял документы. Только передо мной кого-то задержали. Высоко подняв голову и широко, по-военному, развернув плечи, я с независимым видом прошел мимо патруля. Офицер пристально оглядел меня и пропустил, не спросив документа. Меня спасли морская фуражка с овальной офицерской кокардой и длинная черная пелерина с двумя золочеными львиными головами.

М. УЛЬЯНОВА

ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ[1]

В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда». Юнкера чуть не застали там Ильича, который всего на полчаса перед их набегом заезжал туда по какому-то редакционному делу. О разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Было совершенно очевидно, что разгромом редакции дело не ограничится и что Ильичу грозит опасность попасть в лапы юнкеров. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дома совершенно незамеченными, а мы стали готовиться к визиту непрошенных гостей, в котором нимало не сомневались. К таким ночным посещениям мы достаточно привыкли при царизме, но как странно, как оскорбительно было подвергаться обыску в «свободной» России!

Поздно вечером на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой улицы на Петроградской стороне) раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это

[1] Перепечатано из сборника: Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине. Отрывки из воспоминаний. М., Партиздат, 1934 г., стр. 86—89.

к нам, это они!» вскрикнула я. И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду. Мы из окон слышали их громкие голоса, слышали, как они переговаривались с дворником или швейцаром, а через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь.

Мы открыли тотчас же, так как скрывать было нечего, и вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за кем приехали. Помощник начальника разведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направился в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т. п. Потребовали ключи и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое штыками. При этом, видимо, не соображали даже, что иной раз это была корзина таких размеров, в которой взрослому человеку никак не поместиться. После осмотра той или иной вещи я опять запирала ее на ключ, но скоро убедилась, что это еще больше разжигает страсти. «Если запирает, тут-то он и есть», вероятно, думали они, и на корзину тотчас же налетали другие солдаты и снова заставляли отпирать ее, рылись, кололи штыками. Что лежало в корзине — их не интересовало, вещи они не осматривали: им надо было только убедиться, что там не спрятался тот человек, которого они пришли искать. Старший дворник сновал вместе с ними. Теперь язык у него развязался, и он не боялся уже говорить прямо.

«Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!» кричал он.

В комнате Владимира Ильича, где были помощник начальника контрразведки и двое-трое офицеров, обыскивавшие держались более сдержанно. Перерыв все и забрав часть бумаг, они делали все новые попытки что-нибудь выпытать от нас, а двое солдат сидели в это время у стола и перебирали некоторые письма Ильича. Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство их было полно восторга и благодарности Владимиру Ильичу, который указывал им путь к окончанию проклятой войны. Я знала эти письма и, глядя теперь на читавших их солдат, видела на их лицах выражение удивления.

Как! ...Человеку, которого они пришли арестовать, их товарищи по оружию, солдаты из окопов, пишут такие письма!

Один из офицеров тоже был точно в каком-то недоумении. Он все время засыпал нас вопросами, где Владимир Ильич жил раньше, что он делал, какие книги написал. «А нельзя ли эти его книги посмотреть?» спросил он наконец. «Конечно, можно, — ответила я, — да не хотите ли их почитать?» — «А можно их взять?» спросил наивный

офицер, но его товарищи стали делать ему знаки и шептать что-то, очевидно, что, мол, неудобно это, и сконфуженный офицерик умолк.

Выведать, где находится Владимир Ильич, офицерам, конечно, не удалось. Один из них особенно настойчиво допрашивал об этом Надежду Константиновну. «Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа», прервала я его. Он умолк. Но все же ему удалось узнать, что незадолго перед тем Владимир Ильич был в Финляндии у Бонч-Бруевича. Это имело свои последствия.

Не найдя ничего, офицеры и солдаты удалились, уведя с собой Надежду Константиновну, М. Т. Елизарова, у которого кто-то нашел сходство с Владимиром Ильичем, и нашу прислугу. Последняя не сумела сказать, как зовут «барина», у которого она служит, и контрразведка заподозрила, что она что-то скрывает. Но их продержали недолго и отпустили в ту же ночь, после того как переусердствовавшие контрразведчики получили от своего начальства нагоняй за то, что привели не того, кого искали.

Прошло несколько дней. Был пятый час вечера. И опять наша улица наполнилась солдатами, и скоро они опять рыскали по квартире. На этот раз визит их, так как дело было днем, привлек большую толпу любопытных, которые окружили дом со всех сторон. Во главе отряда, пришедшего делать обыск, был молодой офицер. Он был и во время первого обыска, но тогда держался более прилично. Теперь же, чувствуя себя старшим и будучи, вероятно, до последней степени обозлен, что поиски не приводят к желаемым результатам, он крайне резко напустился на нас, требуя указать, где Владимир Ильич. Контрразведке, мол, известно, что он приехал сюда. «Его здесь нет, поищите, и вы сами это увидите», отвечали ему. Он принялся за поиски, побежал и в кухню. Прислуга наша была довольно несообразительная крестьянка. Она что-то буркнула сердито в ответ на вопрос о том, не приезжал ли кто-нибудь в квартиру, и скоро после этого выбежала по черному ходу на лестницу. Как выяснилось позднее, она вспомнила как раз в это время, что надо купить что-то, и побежала в лавку. Ее очень быстро вернули, но верить, что она направлялась в лавочку, офицер никак не хотел. Он был убежден, что ее направили в какую-нибудь другую квартиру этого же дома предупредить Владимира Ильича, который, очевидно, успел скрыться еще раньше. Накричав на прислугу, но получив от нее довольно решительный отпор — «что вы, мол, ко мне привязались, не знаю я ничего», — офицер заявил, что он будет вынужден обыскать весь дом. «А у вас есть разрешение на это?» спросил его Марк Тимофеевич. Офицерик задумался на минуту и потом, признавая, очевидно, правильность указания, что без разрешения делать обыск во всем доме нельзя, побежал вниз звонить по телефону в контрразведку. В то же время он отдал распоряжение оцепить весь дом, не выпускать никого и обыскать прилегавший к дому пустырь. А на пустыре были свалены бревна, дрова и всякие обломки, и обшарить все это было дело нелегкое. Солдаты носились взад и вперед, приподымая прикладами

бревна, спускались в подвальные помещения дома, заглядывали во все щели, но поиски их не увенчались никаким результатом. А офицерик безумствовал.

Он ведь был в Финляндии на даче Бонч-Бруевича и получил там от кого-то сведения, что Ленин должен быть в Петербурге у себя на квартире.

Из контрразведки получилось разрешение произвести обыск лишь в одной квартире, расположенной этажом ниже, в которой жил в то время товарищ Алексей (Пушас).

Обыска там не производили, но осмотрели все комнаты, проверили документы у присутствовавших и убедились, что там Владимира Ильича нет.

Таким образом, прошло несколько времени. В нашей квартире оставлены были двое солдат. Мы угощали их чаем с бутербродами и вели с ними разговоры. Бутерброды они ели охотно, жаловались, что вот, мол, землишки мало и война надоела, но к нашим словам относительно Владимира Ильича, кто он такой и за что борется, относились недоверчиво.

Во время обыска Надежда Константиновна, возвращавшаяся из Выборгского района, где она работала, подошла было уже совсем к дому, но, увидев, какой переполох там творится, повернула обратно.

И еще в третий раз навестила нас контрразведка. Мы жили тогда уже на другой квартире. К Марку Тимофеевичу приехал племянник, которого в доме не знали. Кто-то нашел в нем сходство с Владимиром Ильичем, сообщил об этих своих предположениях, куда следует, и снова ночной визит и переворачивание всей квартиры вверх дном. И опять без результата.

С. АЛИЛУЕВ

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ И СТАЛИНЫМ

Восстание рабочих и солдат в феврале 1917 года освободило большевиков из тюрем и с каторги. Вожди большевиков съезжались в центр революции — Петроград. 12 марта из Сибири вернулся Сталин.

Товарища Сталина я знал давно. О Сталине как пропагандисте, руководителе рабочих кружков услышал еще в 1898 году, когда работал слесарем в Тифлисских железнодорожных мастерских. В 1904 году

в Баку познакомился с товарищем Сталиным лично, а затем неоднократно встречался с ним в Баку и Петрограде. Помню замечательную работу товарища Сталина в Баку в 1907 году. Его огромные способности и неистощимая энергия, его твердая воля и энтузиазм крепко сплотили тогда нашу бакинскую большевистскую организацию. Впоследствии, в 1909, 1911 и 1913 годах, в Петрограде я помогал товарищу Сталину скрываться от царской полиции, устраивал ему ночлег у себя на квартире, у знакомых, но нередко товарищ Сталин, не желая нас беспокоить и по соображениям конспирации, остаток ночи проводил в чайных Петрограда.

В марте 1913 года товарища Сталина сослали в село Курейко Туруханского края, за полярным кругом. Изредка удавалось переписываться с ним. Я знал, что осенью 1916 года товарищ Сталин вместе с другими политическими ссыльными был мобилизован в царскую армию. Но в Красноярске врачебная комиссия признала его по состоянию здоровья непригодным к военной службе. Товарища Сталина направили в нестроевую роту в город Ачинск. Именно отсюда Сталин и приехал в Петроград 12 марта 1917 года.

Перевод в Ачинск приблизил Сталина к Петрограду. Из Курейка ему пришлось бы пробираться в Петроград полтора-два месяца.

Приехав в Петроград, товарищ Сталин с первых же дней принял горячее участие во всей работе партии. Он с головой окунулся в родную ему стихию — в самую гущу пролетарских масс Петрограда. Сталин стал во главе редакции большевистской «Правды». Он писал основные руководящие статьи, редактировал, обучал сотрудников; устанавливая связи с рабочими, крестьянскими и солдатскими массами, он улавливал их настроение. Завод, казарма, редакция, типография — Сталин поспевал всюду.

Спокойный, скупой на слова, он обладал огромной настойчивостью, железной волей и непоколебимой верой в нашу правоту. Простой и скромный, он был очень требователен к себе и товарищам в деле точного и безоговорочного выполнения партийного долга. Стойкий, безгранично преданный делу революции, Иосиф Виссарионович Сталин пользовался огромным авторитетом среди широких масс рабочих и солдат.

Сталин — лучший соратник Ленина — особенно любовно относился к своему учителю. Сталин переписывался с Ильичем, ездил к нему за границу за советами, под руководством Ленина боролся с врагами партии, воспитывал и растил партийные кадры.

Вместе со всей партией Сталин с нетерпением ждал приезда Ленина из-за границы и внимательно следил за тем, как Ленин преодолевает все препятствия, чтобы скорее приехать в Россию. Когда стало известно о приезде Владимира Ильича Ленина, Сталин отправился ему навстречу и от имени большевистской партии приветствовал его на станции Белоостров. Вместе с ним он возвратился в Петроград.

Я увидел впервые Ленина в день его приезда — 3 апреля. Едва вступив на родную землю, Ленин обратился с речью к рабочим, солдатам и матросам. Он стоял на броневике, окруженный со всех сторон

морем человеческих голов. Его слова, простые и понятные, сразу захватили всех — он призывал рабочих и солдат двигать революцию дальше, он говорил о социалистической революции.

Второй раз я услышал Ленина на Обуховском заводе.

Как сейчас, помню этот день.

Громадная пушечная мастерская наполнилась рабочими. Начался митинг. Владимир Ильич поднялся на трибуну, но меньшевики и эсеры решили помешать Ильичу. Раздались громкие крики. Поднялся невообразимый шум. Люди с поднятыми кулаками налезали на трибуну. Владимир Ильич спокойно ждал, пока утихнет шум.

Когда в мастерской стало тихо, Ленин заговорил. Он говорил твердым, спокойным голосом, простыми и ясными словами.

Выступление товарища Ленина имело огромный успех. Произошел перелом в отношении обуховцев к большевикам. Эсеры стали терять свое прежнее влияние.

В середине мая я встретился с Лениным у Н. Г. Полетаева. Ленин знал, что я работаю на электростанции, и сейчас же задал мне вопрос о том, как идут у нас дела. Он заинтересовался настроением рабочих. Начал спрашивать, много ли среди них большевиков и сторонников других партий. Я ответил, что на электростанции имеются сторонники всех существовавших тогда партий вплоть до черносотенцев, но большевики несмотря на то, что их мало, настойчиво борются за завоевание на свою сторону рабочих станции и имеют некоторый успех. Владимир Ильич, видимо, был доволен этим. Затем он начал расспрашивать, как я организовывал помощь ссыльным товарищам — большевикам.

— А ведь хорошо, что вы надумали подкармливать товарищей, находящихся в ссылке, в медвежьих углах далекого севера, — сказал он, улыбаясь.

— Я знал их тяжелое положение, со многими был близко связан по совместной революционной работе в Закавказье. Вот и решил помочь.

— Как же вы ухитрялись добывать средства в такой, можно сказать, архитрудный момент — во время войны?

Тут я рассказал Ильичу, что в Петрограде в это время работали товарищи, принимавшие активное участие в работе нашей закавказской организации и близко знавшие многих ссыльных. Эту-то группу мы и «обложили» контрибуцией. Никто из остававшихся на свободе товарищей не возражал против нашего «прогрессивного налога» в пользу товарищей в ссылке.

Этот разговор с Лениным был в середине мая.

В бурные дни 3—4 июля мне не пришлось видеть Ленина. Я непрерывно дежурил на электростанции и не участвовал в событиях, происходивших на улицах Петрограда. Вечером 4 июля я, наконец, вырвался домой, на Пески.

Дома я никого не застал. Жена работала в военном лазарете и несколько дней не приходила домой, дети были в отъезде.

Тогда я решил пойти на улицу: думал встретить товарищей и

узнать подробнее обо всем, что произошло. Спускаюсь по лестнице, смотрю — навстречу идет жена.

— Вернись, — говорит она мне. — С большим трудом пробралась я домой с Петроградской стороны. На улицах перестрелка. По дороге зашла к Полетаеву. Хотелось узнать подробности о событиях дня. Там я встретила Владимира Ильича. Для него необходимо спешно подыскать вполне безопасный приют. Что ты об этом думаешь?

— Дело простое: у нас три комнаты — одна из них свободна. Остается только предложить ее немедленно Владимиру Ильичу.

— Но меня предупредили, что это сопряжено с большим риском.

Я усмехнулся:

— А разве ты не подвергала себя риску, пробираясь с Петроградской стороны во время перестрелки? Что касается риска для самого Владимира Ильича, то пусть он сам решает. В случае опасности он может перебраться в другое место.

Договорившись с женой о переезде Ленина, я ушел в ночное дежурство на электростанцию, а когда вечером 6 июля вернулся домой, то уже застал на нашей квартире Владимира Ильича. Он перебрался ко мне на квартиру утром того же дня. До этого Ленин скрывался у Елены Дмитриевны Стасовой.

Елена Дмитриевна впоследствии рассказывала мне, как рано утром 6 июля она вышла из квартиры, чтобы исполнить поручение Владимира Ильича. Спускаясь по лестнице, Елена Дмитриевна встретила знакомого полковника, который изысканно раскланялся с нею и, зная ее убеждения, предупредил:

— Советую вам быть осторожной с приемом у себя гостей. Правительство принимает энергичные меры против некоторых лиц и особенно против главного большевистского лидера — Ленина.

Елена Дмитриевна поблагодарила полковника за любезность и решила немедленно вернуться домой предупредить Владимира Ильича. Но, чтобы запутать следы, она зашла в первую попавшуюся лавчонку, что-то купила и вернулась в свою квартиру. Сговорившись с Владимиром Ильичем, Стасова сейчас же отвела его на мою квартиру.

В тот же день, 6 июля, приехала из Левашова моя старшая дочь Нюра и стала передавать слышанные ею в вагоне Финляндской железной дороги разговоры. Это были злостные измышления буржуазных клеветников. Они говорили, что виновники июльских событий — немецкие агенты-большевики во главе с Лениным — бежали в Германию. Выходило так, что Ленин бежал не то на миноносце, не то на подводной лодке.

Дочь говорила с возмущением об этих сплетнях, не обращая никакого внимания на то, что в комнате находился посторонний человек...

— Ах, хорошо бы было, если бы Ленин сумел скрыться во-время, — простодушно сказала она. — Подумать только, как опасно оставаться ему здесь.

— Не бойтесь за него, он уже принял на этот счет меры предосторожности, — отозвался гость, еле сдерживая смех.

Дочь посмотрела на него и тоже улыбнулась. Вдруг она густо покраснела от радости, узнав в незнакомом человеке Ленина.

На другой день, когда я вернулся домой, Владимир Ильич спросил меня, могу ли я подыскать для него другое безопасное убежище.

— А разве это так необходимо? — спросил я.

— Да, да, и нужно еще план Петрограда, а также одежду и парик достать, чтобы во время перехода изменить свой внешний вид.

— Хорошо, — ответил я, — если надо, я все сделаю.

В тот же день я пошел к знакомому мне старшему дворнику Конону Демьяновичу Савченко, который еще в 1909 году по моей просьбе скрывал товарища Сталина. Одно время у него жил в 1903 году Михаил Иванович Калинин.

Савченко направил меня к другому дворнику — Кулиненко, у которого была свободная комната на углу Шпалерной и Воскресенского проспекта. Кулиненко дал мне согласие устроить неизвестного ему товарища и снабдил меня некоторыми вещами для маскарада. Однако этим убежищем не пришлось воспользоваться.

Утром 9 июля Владимир Ильич попросил план города, чтобы наметить наиболее безопасный путь в Новую деревню к Приморскому вокзалу для выезда через Сестрорецк в Финляндию. Плана я еще не успел достать и, думая, что можно обойтись и без него, сказал Владимиру Ильичу, что путь к Приморскому вокзалу я знаю, как свои пять пальцев. Владимир Ильич настаивал. Он охотно верил, что я знаю этот путь, но хотел сам изучить его по плану.

В тот же день я достал план Петрограда, и мы с Владимиром Ильичем сели за его изучение. Предложенный мною путь оказался самым близким и безопасным.

Оставалось более подробно продумать мелкие детали опасного путешествия.

Нужно сказать, что мы строго соблюдали конспирацию. Владимир Ильич никуда не выходил из своей комнаты. Только изредка заходили к нему Надежда Константиновна, сестра его Мария Ильинишна и товарищ Сталин, через которого Ленин связывался с Центральным комитетом и давал все необходимые указания и директивы.

10 июля началось приготовление к путешествию. После обеда Владимир Ильич сбрил бороду, подстриг усы и волосы на голове. Стал примерять костюмы. Надел мое пальто. Оно как раз подошло ему по росту. В моем рыжеватом пальто и серой кепке, без бороды, с подстриженными усами, Владимир Ильич походил на финского крестьянина или на немца-колониста.

Около девяти часов вечера пришел товарищ Сталин.

В одиннадцать часов мы тронулись в опасный путь с расчетом прибыть на Приморский вокзал к последнему поезду. Шли, конечно, пешком на небольшом расстоянии друг от друга по заранее намеченному направлению.

С 10-й Рождественской улицы, пересекая Мытнинскую и Суворовский проспект, мы вышли на 9-ю Рождественскую. Прошли мимо конюшен 11-й конной гвардейской артиллерийской бригады, затем свер-

нули на Греческий проспект, отправились по Виленскому переулку, мимо казарм саперного батальона, вышли на Преображенскую улицу. Потом по Кирочной, Воскресенскому проспекту и Воскресенской набережной дошли до Литейного моста. Пройдя по Пироговской набережной, свернули на Сампсониевский проспект, а затем на Клиническую улицу. Пробравшись по Сампсониевской набережной и Большой Невке, мы вышли на Выборгскую набережную, а затем по Строгановской и Новодеревенской набережным дошли до конечной цели нашего путешествия.

Около Приморского вокзала, на набережной Большой Невки, в условленном месте у дерева нас встретил товарищ, который должен был доставить Владимира Ильича в Разлив (около Сестрорецка), чтобы затем переправить через границу в Финляндию.

К условленному месту под деревом мы все не подходили, а стояли на далеком расстоянии друг от друга. Но перед уходом на вокзал я не выдержал, подошел к дереву, где стоял Владимир Ильич, и обнял его. Владимир Ильич заметил мне, что это не конспиративно.

Вскоре мы вошли в вокзал с заранее купленными проездными билетами.

Состав поезда был уже подан. Владимир Ильич сел в последний вагон. Товарищ Сталин и я непринужденно гуляли по платформе вдоль поезда.

Перед последним звонком Ильич вышел на заднюю площадку вагона. Поезд тронулся. Товарищ Сталин и я стояли на платформе и следили глазами за дорогой фигурой, уходившей от нас в неведомую даль. Вот знакомый облик на задней площадке стал совсем маленьким; вот он совсем исчез, слился с туманной ночной мглой. Вот и поезд растаял в темноте...

Мы отправились пешком в обратный путь на мою квартиру на 10-й Рождественской.

Было грустно, что уехал Ильич. Но было и радостно: задание выполнено, отъезд Владимира Ильича прошел благополучно. Теперь он находится на пути к безопасному убежищу.

Мы знали, что из этого убежища Ленин будет продолжать руководить партией и революцией.

Так оно и было. Три с половиной месяца скрывался Ильич. Непосредственное руководство партией осуществлял его верный соратник товарищ Сталин. В тяжелые послеиюльские дни товарищ Сталин направлял партийный корабль, держа курс на социалистическую революцию. И делал это товарищ Сталин твердо, правильно, по-ленински. Из своего глубокого подполья Ленин продолжал давать Сталину и всему Центральному комитету указания, директивы, советы. Связь с Лениным не прерывалась. К нему ездили Серго Орджоникидзе и другие товарищи. От Ленина поступали записки на мою квартиру для товарища Сталина.

Мне приходилось и в этот период встречать товарища Сталина. Иосиф Виссарионович, видимо, по конспиративным соображениям проживал тогда в Петрограде без прописки. Тесно связанный с массами,

Перед последним звонком Владимир Ильич вышел на заднюю площадку вагона.

Рисунок художника С. М. Романовича

Сталин все свое время проводил в различных районах столицы на заводах и в казармах.

У него не было постоянного местожительства. Он устраивался на ночь то у одного, то у другого товарища. Нетребовательный в личной жизни, он не испытывал от этого неудобства. За долгие годы подполья и ссылки товарищ Сталин привык ко всевозможным лишениям и отличался спартанской выносливостью и неприхотливостью. Впоследствии товарищ Сталин все же поселился в моей квартире. Это было приблизительно в конце августа или в начале сентября. Иосиф Виссарионович занял ту самую комнату, в которой в июльские дни скрывался Владимир Ильич.

За все время пребывания товарища Сталина на моей квартире мы с ним встречались довольно редко. Я был очень занят на электростанции, где вел также партийную и профессиональную работу. Обычно домой возвращался очень поздно, а в дни дежурства по двое суток не бывал дома.

Товарищ Сталин, занятый по горло работой, почти всегда приходил в свою комнату поздно ночью, иногда даже рано утром.

Когда победила наша Великая пролетарская революция, товарищ Сталин перебрался из моей квартиры в Смольный. Образовалось рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров во главе с Лениным и Сталиным. Из преследуемых людей, когда-то скрывавшихся на моей квартире, они стали руководителями первого в мире пролетарского государства. По вопросу о работе электростанции — о топливе, о материалах — приходилось теперь обращаться к своей власти, к своему правительству. И я смело с этими вопросами шел в Смольный к товарищам Ленину и Сталину. И всякий раз получал от них помощь.

НАШ ЖУРНАЛ[1]

В июне 1917 года я вступила в партию большевиков. Через Надю Пальтову узнала Конкордию Самойлову. Она работала секретарем в комитете. Этот комитет объединял всех рабочих и работниц Патронного, Трубочного и других заводов. Самойлова часто собирала в комитете работниц для бесед.

Так создалась инициативная группа работниц. Самойлова и Сталь разъясняли нам смысл событий, учили, как проводить работу на заводах, и мы научились выступать на рабочих митингах, хотя и не всегда складно говорили. Однажды мы с Надей выступили перед солдатами

[1] По воспоминаниям Е. Логиновой обработал П. Евстафьев.

у Таврического дворца. Говорили про войну, про калек, про голодных детей. Солдаты нас встретили хорошо.

Мы помогали распространять нашу большевистскую печать. Объединялись мы вокруг журнала «Работница». Помню, как много работала в журнале Клавдия Николаева. Редакция «Работницы» помещалась на Загородном в доме № 17. Здесь часто бывали наши собрания. Обсуждали на этих собраниях, как вырвать работниц из-под влияния барынек, устроивших «лигу равноправия женщин».

Барыньки из «лиги» собирали горничных, кухарок, жен солдат на утренники, поили чаем и забивали им головы разной ерундой. Мы ходили туда разъяснять работницам, что никакого равноправия они через «лигу» не получат. Помню, как-то в зале Калашниковской биржи с такой речью выступила Петрова с Патронного завода. Она сказала, что только тогда мы, женщины, получим равноправие, когда у власти будут рабочие. И вот барыньки так разъярились, что напали на нее с кулаками. Им помогли вылощенные буржуи, и совместно они вывели Петрову из зала.

Любили мы свой журнал «Работница». После июльских дней юнкера разгромили редакцию «Правды». Юнкера побывали и у нас на Загородном, но наш журнал уцелел. Было это так.

Клавдия Николаева только что привезла кипы номеров журнала из типографии. Они лежали на полу еще не распакованные. Когда мы услышали шаги по коридору, было уже поздно прятать журналы.

Юнкера быстро вошли в комнату, двое с винтовками стали у дверей.

— Редакция? — спросил старший юнкер.

Ему никто не ответил. Мы остались сидеть на тех же местах, где они нас застали. Помнится, была с нами сестра Ленина — Анна Ильинишна.

Юнкер подошел к пакетам, тесаком разрезал на одном из них бечевку. Он прочитал на обложке название журнала, взял несколько номеров и вместе с юнкерами ушел. Они могли тотчас же вернуться. Поэтому Клавдия велела всем нам взять по пакету и отнести домой. Она рассказала, как трудно стало теперь печатать журнал: типографии своей нет, всякий раз надо договариваться с наборщиками из разных типографий. Но выпускать журнал надо во что бы то ни стало. И выпускать надо регулярно, особенно теперь, после июльских дней. Николаевой попало от товарища Сталина, когда она хотела отказаться от выпуска «Работницы». Сталин сказал ей, что нужно приложить все усилия, чтобы обеспечить выпуск журнала.

И журнал выходил. Днем мы распространяли его на своих фабриках, а вечером — на улице. Журнал стоил всего пятнадцать копеек — его брали охотно. Рабочие знали, что в журнале они найдут ту правду, которую буржуазия хотела задушить террором и разгромом большевистских газет. Некоторое время наш журнал был единственным, где могли выступать вожди революции. Статья Ленина «Три кризиса» впервые была напечатана в «Работнице». Поэтому так охотно брали рабочие и солдаты этот журнал.

Торговать журналом я ходила к цирку «Модерн», иногда к цирку Чинизелли. У входа в цирк всегда было много своей публики — рабочих, солдат, матросов. Потом мы входили в цирк и распространяли журнал у арены. Ходишь по рядам, журнал прямо на колени кладешь, говоришь каждому, о чем в нем сегодня написано. Ходко продавали: бывало, какую пачку ни захватишь, через час уже нет в сумке ни одного номера. Бежишь за новой пачкой и ее успеешь продать.

Но бывали и стычки. Как-то раз из цирка Чинизелли нас выгнали. Села я на барьер внизу во время антракта и продаю журнал с места. Журнал идет по рукам от одного к другому, все выше, к потолку и в стороны, а мне деньги таким же манером передают. Все шло хорошо. Вдруг, смотрю, через арену господин толстый ко мне катится. Я сначала подумала, что клоун это — такой он был смешной, — но вижу — нет, не клоун. Ногу в лакированном башмаке на барьер поставил и говорит:

— Ты что это тут хозяйничаешь, женщина? Пропаганду разводишь? Убирайся вон отсюда со своими газетами.

И поволок меня к выходу. Какой-то холуй в обшитом кафтане тоже подскочил ко мне, толкает сзади. Не успела я опомниться — на улицу вывели.

Около цирка стояла большая толпа моряков, ждала, когда звонок к представлению позовет. Окружили они нас, слушают, как ругает меня толстяк и непроданную пачку из рук тянет, да вдруг как возьмут его в работу! Толкнул его один сзади плечом, потом другой, третий — летает толстяк, как мячик, из стороны в сторону по кругу, ругается, грозится...

Еле выбрался он из кольца и юркнул в цирк.

— Расходись, братва, в разные двери! — крикнул один из моряков. — И рассыпалась их кучка. А я пошла домой и всю дорогу смеялась.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ШЕСТОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

Из якутской ссылки я приехал в Москву незадолго до июльских дней. По всей стране крепли революционные силы. Противостоя всем другим партиям, большевики неуклонно вели пролетариат и беднейшее крестьянство к социалистической революции.

Ненависть к большевикам со стороны всей буржуазно-помещичьей своры и ее приспешников — эсеров и меньшевиков — особенно чувствовалась в Москве. Вряд ли где еще в другом месте скопилось столько монархических, черносотенных элементов. Но стоило только отойти

от центра города с его пышными магазинами, ресторанами и кафе на рабочие окраины, как сразу чувствовалось, что попадаешь в другой мир. Здесь слово большевика ловили с жадностью — только оно давало настоящий ответ на самые насущные вопросы дня: о мире, о хлебе, о свободе, о земле.

Росло влияние большевиков и в воинских частях. Но солдаты московского гарнизона еще не были той массой, которую можно было бы уже тогда повести в бой за социалистическую революцию. Здесь особенно сильно чувствовалась правота Ленина и Сталина, требовавших от большевиков упорной и настойчивой работы в массах, чтобы подготовить политическую армию, способную совершить социалистическую революцию.

Помню, как в июльские дни, в Москве, я был послан для проведения митинга на Ходынское поле. Там стояли артиллеристы и находилось большое количество войск.

После митинга около полуторы тысячи солдат двинулось демонстрацией к Московскому совету. Им пришлось пройти буквально сквозь строй. По обе стороны пути выстроились противники демонстрации, улюлюкали, свистали, называли демонстрантов предателями, продавшимися кайзеру Вильгельму, и т. п. Наименее устойчивые отходили в сторону. Тем не менее в рядах демонстрантов осталось более тысячи человек.

Под свежим впечатлением июльских дней мы, делегаты московской организации, приехали в Петроград на VI съезд партии. Это было трудное время для большевистской партии и революционного пролетариата. Вся буржуазная и эсеро-меньшевистская печать неистово травила большевиков. Временное правительство незадолго до съезда объявило всех участников июльской демонстрации изменниками родины и революции. Редакция центрального органа большевиков «Правда» была разгромлена. Исполнительный орган матросов Балтфлота — Центробалт — был распущен. Ленина травили в печати и издали приказ о его немедленном аресте.

Временное правительство 12 июля ввело смертную казнь на фронте. Через три дня — 15 июля — были закрыты «Листок правды», «Окопная правда» и издававшаяся в Гельсингфорсе «Волна». Был отдан приказ о закрытии московской большевистской газеты «Социал-демократ». Контрреволюция делала свое дело руками эсеро-меньшевиков. Скобелев и Гоц, Авксентьев и Церетели вместе с генералом Половцевым наводили «порядок» в столице. А в это время реакционная клика готовила военную диктатуру. 18 июля сам генерал Корнилов был назначен верховным главнокомандующим.

В таких условиях собрался VI съезд большевистской партии. Съезд работал почти нелегально. Ни в одной газете не было указано его местопребывание. Съезд открылся 26 июля на Выборгской стороне. Сюда, в эту крепость большевизма, устремились шпионы и ищейки, выслеживающие большевистский съезд. Керенщина усиленно готовилась разгромить съезд. Газеты распускали слухи, что у правительства существует план: предъявить всему съезду требование вы-

дать местонахождение Ленина, а если съезд этого не сделает, то арестовать всех его делегатов. Но плохо знала буржуазия большевиков, думая, что под угрозой ареста съезд выдаст Ленина.

Вопрос о явке Ленина на суд с самого начала занимал внимание делегатов съезда. Заслушав сообщение Серго Орджоникидзе и товарища Сталина о переговорах с представителями Всероссийского центрального исполнительного комитета по поводу явки Ленина на суд, съезд единогласно выразил свой протест против возмутительной полицейской травли вождя революционного пролетариата.

Все мы, делегаты съезда, тревожились за судьбу Ленина — хорошо ли он спрятан. Открыто об этом никаких сообщений на съезде не делалось. Но Серго Орджоникидзе, с которым мы пробыли несколько лет в якутской ссылке, рассказал мне, что Ленин спрятан в очень хорошем месте, что с ним есть возможность постоянно видеться, получать от него директивы и указания и что он очень внимательно следит за всеми политическими событиями и за ходом съезда. Это так и было. Ленин через товарища Сталина, через Серго Орджоникидзе и других товарищей передавал свои указания, касающиеся съезда и всей политической деятельности партии большевиков.

Несмотря на террор и травлю большевиков настроение делегатов съезда было боевое, никто не думал унывать. Весь съезд, все его решения проникнуты глубокой уверенностью в близкой победе партии. Правда, на съезде, в частности в нашей московской делегации, были противники большевистской линии, скатившиеся впоследствии в лагерь изменников и предателей. Но уже тогда такие люди, как Рыков, Бухарин, не выражали настроений московской большевистской организации. Московская организация целиком поддержала решения VI съезда. Роль товарища Сталина на съезде была особенно велика. Разоблачая оппортунистов и осуществляя дело Ленина, Сталин объединил всю партию вокруг основной задачи — свержения буржуазного Временного правительства.

Четвертый раз встречался я с товарищем Сталиным на большевистских съездах и конференциях: первый раз в 1905 году на Таммерфорсской конференции большевиков, второй раз — на IV съезде РСДРП в Стокгольме, третий раз — в 1907 году на V съезде РСДРП в Лондоне. В товарище Сталине меня особенно привлекала его удивительная целеустремленность. Речи Сталина на VI съезде захватывали и убеждали железной логикой. В этих речах не было лишних фраз, они были краткие. Думается, что самые короткие доклады, которые когда-либо делались на наших съездах, — это доклады товарища Сталина на VI съезде партии. Но при скупости слов — какое богатство содержания!

Борясь на VI съезде с Рыковым, Бухариным, Преображенским и др., развивая учение Ленина о победе социализма в одной стране, товарищ Сталин защищал творческий марксизм-ленинизм, под знаменем которого партия шла на октябрьский штурм.

В воззвании от имени Петроградской большевистской конференции товарищ Сталин писал:

«Нет, господа контрреволюционеры, революция не умерла, она только притихла для того, чтобы, собрав новых сторонников, с новой силой ринуться на врагов.

Мы живы. «Кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил!»

На третий или четвертый день заседания съезда, когда стало небезопасно уже оставаться в Выборгском районе, съезд переехал к Нарвским воротам. Председательствовал больше всего на заседаниях съезда товарищ Я. М. Свердлов. Он делал на съезде организационный отчет Центрального комитета и рассказал о состоянии партийных организаций. Его громовой голос звучал твердо и уверенно и действовал как-то подбадривающе на весь съезд.

Жили делегаты на квартирах у петроградских товарищей — большевиков. Меня же отправили на квартиру к левому эсеру. В это время происходил раскол среди соглашателей. У левых эсеров было довольно много сочувствовавших большевикам. Однажды эсер, у которого я остановился, повел меня на митинг в Екатерингофский сад. На митинге выступали «новожизненцы» — Литайзен (Линдов) и др. «Новожизненцами» они именовались по названию газеты «Новая жизнь». Правильнее было бы их назвать безжизненцами. Эти люди не пользовались никаким влиянием в массах. Они не могли дать ни одного ясного ответа на вопросы, поставленные революцией, и фактически во всех вопросах защищали предательскую линию эсеро-меньшевиков. Я выступил на митинге, и мне не стоило большого труда разоблачить позиции новожизненцев. Меньшевики типа новожизненцев пытались примирить «враждующие крылья» социал-демократии и тем самым разоружить большевиков. Меньшевики-интернационалисты Мартов и Астров прислали даже приветствие VI съезду, в котором они выражали надежду, что большевики пойдут по их стопам. Но их приветствие встречено было довольно холодно. Большевиков не прельщала перспектива объединения с меньшевиками-интернационалистами наподобие Мартова и Астрова. История показала, что это отношение большевиков к «левым интернационалистам» было совершенно правильно. Через короткое время Мартова и Астрова ничем нельзя было отличить от либерданов.

Отбрасывая сомнения и колебания маловеров, большевики шли своей дорогой к Великой социалистической революции. VI предоктябрьский съезд, руководимый Лениным и Сталиным, нацелил партию на вооруженное восстание. В манифесте ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России, съезд писал, что подземные силы истории работают на большевиков:

«... В самых глубинах народных масс назревает глухое недовольство. Крестьянам нужна земля, рабочим — хлеб, и тем и другим нужен мир. По всему земному шару залетали уже буревестники... Уже съезжаются финансисты всех стран на тайные съезды, чтобы обсудить общий вопрос о надвигающейся грозе, ибо они уже слышат железную поступь рабочей революции. Ибо они уже видят неотвратимое».

ПУТИЛОВЦЫ И VI СЪЕЗД БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ[1]

После июльских событий путиловцы ясно поняли истинную сущность соглашательских партий. Каждый митинг превращался в суд над эсерами и меньшевиками. Завод клокотал ненавистью к шайке палачей революции, стоящих у власти. Рабочие железопрокатного цеха заявили буржуазии:

— От вас же, плачущих крокодиловыми слезами, капиталисты, мы требуем перестать плакать о разрухе, когда вы же сами ее создаете. Игра ваша ясно обнаружена, и теперь никакая травля не будет иметь успеха.

Общегородская конференция чернорабочих Петрограда, созванная путиловцами у себя на заводе, присоединила свой голос к протесту «против травли товарища Ленина, против разгрома наших политических и профессиональных организаций». Путиловцы показали, что они твердо стоят на боевых позициях большевистской партии. Завод стал подлинной крепостью большевизма.

28 июля на общезаводском митинге делегат VI съезда партии большевиков Антон Слуцкий рассказал рабочим-путиловцам о решении съезда партии — Ленину скрываться от ищеек Керенского и не являться на буржуазный суд. Это известие вызвало восторженные отклики. Путиловцы приветствовали мудрое решение съезда большевиков. «Присоединяем свой пролетарский голос к приветствиям и резолюциям съезда по делу товарища Ленина и др. Мы приветствуем съезд как единственно верного идейного и боевого вождя пролетарских масс в их борьбе с контрреволюцией за полное торжество революции».

Восьмое заседание партийного съезда открылось по регламенту утром 29 июля, но тотчас же был объявлен перерыв для совещания президиума и членов Центрального комитета. В этот день Временное правительство опубликовало постановление, в котором военному министру и министру внутренних дел предоставлялось право запрещать и закрывать неугодные правительству собрания и съезды. Это постановление было прямо направлено против большевистского съезда. Каждую минуту можно было ожидать нападения и разгона делегатов. Съезд прервал свои работы, чтобы спешно избрать новый Центральный комитет.

29 июля 1917 года в Нарвский районный комитет большевиков неожиданно приехал секретарь Центрального комитета партии Яков Михайлович Свердлов. Разыскав членов комитета, он собрал их и спросил, читали ли они сегодняшние газеты.

---

[1] Обработал по воспоминаниям рабочих М. Мительман.

Один из членов комитета вытащил из кармана газету «Рабочий и солдат», выходившую вместо закрытой «Правды».

— Не нашу, — сказал Свердлов. И показал номер «Новой жизни», в котором было опубликовано постановление Временного правительства о закрытии съездов.

— Как вы это понимаете? — спросил Свердлов.

Члены комитета хорошо понимали, против кого направлено это постановление, понимали, какой угрозе подвергается съезд большевиков. Секретарь районного комитета Эмиль Петерсон, сдержанный, суровый латыш, сжал кулаки.

— Прихлопнут съезд, сволочи, — пробормотал он.

— А вот мы не дадим прихлопнуть съезд, — заметил Свердлов. — Вспомним старое время, перейдем на нелегальное положение.

Его громкий бас загрохотал в небольшой секретарской комнате. Уверенно, будто ничего не случилось, Свердлов повел речь о том, как проводить дальнейшую работу съезда.

— Нужно переменить место работы съезда, — заявил он. — Выборгская сторона уже известна властям. Съезд переедет за Нарвскую заставу. Районный комитет должен позаботиться об удобном помещении, организовать охрану съезда, найти квартиры для приезжих делегатов, подумать о снабжении делегатов питанием.

Свердлов говорил так, будто сам долгое время работал здесь в районе. Он знал, сколько за Нарвской боевых дружин, в чьих руках находятся органы самоуправления района, где лучше расставить патрули. Попутно Свердлов познакомился с каждым членом комитета: долго ли работал в подполье, что делал, в чем считает себя подготовленным — в агитации, пропаганде, в организаторской работе. За короткое время, что он побыл в районном комитете, — всего не более часа, — он сказал именно то, что нужно было каждому, и каждому дал точные и ясные директивы.

За Нарвской в окружении десятков тысяч рабочих съезд мог работать спокойно. Нарвская застава уже служила убежищем для городских партийных организаций: здесь была проведена конференция военных организаций большевиков петроградского гарнизона, здесь нашел временное пристанище Петербургский комитет большевиков. И теперь по зову партии на защиту съезда большевиков хлынули бы из ворот Путиловского завода сорок тысяч рабочих.

В эти дни «гвардия» Керенского — сводные отряды поручика Мазуренко — рыскала по районам, пытаясь разоружить рабочие боевые дружины. 29 июля группа солдат из сводного отряда явилась в Петергофский районный совет рабочих депутатов. «Мазуренки» — так рабочие называли этих солдат — потребовали от совета разоружения рабочих.

— Вы знаете, что у известных анархо-большевиков скопилось оружие, — сказал щеголеватый унтер из сводного отряда. — Просим помочь избежать нежелательных конфликтов и эксцессов... Разоружение должно быть произведено — этого требует революционная демократия. Ее волю мы исполняем.

Председатель районного совета, путиловский большевик Иван Егоров, принял солдат вежливо, предупредительно. Он знал о возможности их прихода. В районном комитете партии ему заранее были даны директивы: не обострять отношений с «мазуренками», обещать им содействие в разоружении, но только — контрреволюционеров и хулиганов. Одновременно предупредить, что за Нарвской сделать это может сам районный совет без помощи со стороны. Если же разоружители будут настаивать на своем участии и разоружении, дать понять, что в районе Путиловского завода это им не удастся.

Разоружители ушли ни с чем.

30 июля VI съезд партии возобновил свои работы на новом месте за Нарвской заставой — в районе Путиловского завода. Сначала он заседал в доме № 23 по Новосивковской улице, затем перебрался на Петергофское шоссе (ныне улица Стачек) в дом № 2, напротив Нарвских ворот. Патрули со всех сторон охраняли дом. Из числа дружинников красногвардейских отрядов в охрану отбирали тех, кто имел революьвер, предпочтительно настоящий боевой: наган, маузер или крупнокалиберный смит-вессон. По своей инициативе и без ведома руководителей съезда путиловские дружинники установили в окне чердака замаскированный пулемет, но дружинники решили не пускать его в действие без разрешения руководителей съезда.

Охрана съезда дежурила круглые сутки: днем — в часы занятий съезда, ночью для того, чтобы наблюдать — нет ли передвижения войск, карательных отрядов, не окружают ли заставу. Красногвардейцы готовы были каждую минуту сбежаться, чтобы отстоять небольшой домик, где посланцы партийных организаций намечали новую тактику партии, вырабатывали курс, по которому партия поведет пролетариат к победе.

Разместить приезжих делегатов, не имевших ночлега, районному комитету большевиков не представило большого труда.

Немногие из рабочих знали, где происходят заседания съезда, хотя на митингах посылали ему приветствия. Даже те путиловцы, у которых ночевали приезжие делегаты, не всегда знали, что дают ночлег участнику большевистского съезда. Члены районного комитета говорили им: надо дать приют на несколько ночей товарищу. Рабочий, не расспрашивая, предоставлял свою квартиру. Эта конспиративная привычка крепко держалась у старых рабочих-кадровиков. Школа нелегальной работы в годы самодержавия пригодилась теперь, в послеиюльские дни. Каждый рабочий с радостью предоставлял квартиру. Рабочие делили со своими гостями и кров и пищу.

Был такой случай: одному путиловцу нечего было предложить гостю кроме кипятка. Как бы извиняясь, он сказал делегату, что время-де тяжелое, нечем угостить товарища, в доме нет ни крошки хлеба. Гость, не задумываясь, вытащил из кармана часы, предложил путиловцу продать их и купить на вырученные деньги съестного. Все пять дней, которые пробыл делегат у путиловца, были сыты и гость и семья приютившего его рабочего.

Путиловцы окружили делегатов вниманием и заботой. Работники

продовольственной управы заготавливали для делегатов съезда хлеб, консервы, сахар. Несколько дружинников каждый вечер отправлялось на хлебозавод Путиловского общества потребителей, в районные продовольственные базы. Нагрузив двуколку продуктами, они привозили ее к помещению съезда.

Шрапнельщик Турнев приветствовал VI съезд от имени путиловцев.

«Выражаю уверенность, — говорил он, — что избранные товарищи-делегаты из армии сознательного пролетариата преодолеют все трудности ввиду создавшейся реакционной атмосферы и укажут путь для дальнейшей борьбы с угнетателями-капиталистами, путь, по которому все, как один, весь российский пролетариат, высоко подняв красное знамя, пойдет организованно на борьбу с хищниками в защиту своих классовых интересов, и еще сильнее раздастся клич российского пролетариата на весь мир: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»

Да здравствует Всероссийский съезд РСДРП!

Да здравствует российская революция!

Да здравствует III Интернационал!

Беспощадная организованная борьба пролетариев и беднейших слоев крестьянства против капиталистов, помещиков, кадетов и К°. Беспощадная критика разлагателей революции — социалистов-революционеров и меньшевиков».

Для ответного приветствия VI съезд послал на Путиловский завод делегацию в составе В. Володарского, Ем. Ярославского и Б. Шумяцкого. Эта делегация участвовала в общезаводском митинге путиловцев.

Большевики и рабочие Путиловского завода внимательно следили за работами съезда, узнавая о нем из газеты «Рабочий и солдат». Кроме того каждый вечер, по окончании заседания, Эмиль Петерсон приводил кого-нибудь из делегатов, и тот подробно рассказывал о докладах и прениях на съезде. Из докладов и рассказов делегатов перед путиловцами вырисовывалась огромная роль Сталина, руководившего VI съездом партии. Сталин дал четкий, ленинский анализ развития революции, разгромил троцкистских, каменевских, бухаринских оппортунистов, пытавшихся протащить свои предательские капитулянтские установки. Сталин отбил наскоки предателей на ленинскую теорию возможности победы социализма, разоблачил их буржуазное отрицание социалистического характера грядущей революции.

Некоторым путиловцам, членам районного комитета, удалось побывать на съезде, когда Сталин делал заключительное слово и когда он защищал свою резолюцию «О политическом положении». С удивительной четкостью он формулировал свои доводы — ясные, простые и правдивые. И все доводы были направлены к одной главной мысли: на очереди дня — подготовка всех сил к вооруженному восстанию, организация пролетариата и беднейшего крестьянства для свержения буржуазного правительства и захвата власти.

Неделю спустя после VI съезда партии — 11 августа — на Путиловский завод приехал Серго Орджоникидзе. Он пришел как агита-

тор Петербургского комитета на собрание активных работников заводских организаций — цеховых комитетов, примирительных камер, уполномоченных больничной кассы, заводского комитета. Обстановка на заводе к этому моменту особенно обострилась. При прямом попустительстве Временного правительства завод шел к неминуемому краху. Угроза массовой безработицы нависла над путиловцами. Капиталисты намеренно затягивали разрешение тарифного вопроса. В особенно тяжелом положении были чернорабочие, готовые в любую минуту забастовать. По совету заводского комитета они пока воздерживались от стачки. Тем временем они связывались с чернорабочими других заводов Петрограда и регулярно организовывали конференции их представителей. До шестидесяти заводов было представлено на таких конференциях.

К приходу Серго на завод народ еще не собрался. Путиловцы стояли группами и оживленно беседовали о положении завода.

Из разговоров с рабочими, с членами заводского комитета Серго Орджоникидзе сразу почувствовал настроение путиловцев. Свой доклад он посвятил решениям VI съезда партии. Он развернул перед собранием задачи предстоящей пролетарской революции. Каждый вывод он обосновывал всесторонне, и перед рабочими, впервые слышавшими доклад об итогах VI большевистского съезда, со всей очевидностью предстала неизбежность вооруженного восстания против капиталистов. Как непреложный вывод из слов Серго вытекало: нет другого выхода из капиталистической кабалы, из ужаса войны кроме революционного свержения власти капитала.

Серго шагал по помосту старого путиловского театра. Не торопясь, бросал он горячие слова, сопровождая их широким жестом своих больших сильных рук. В полумгле, синеватой от табачного дыма, его большие юношеские, живые глаза блестели. Вдохновенная речь захватила всех слушателей. «Перед нами открывается широкий победный путь» — это Серго повторил несколько раз. И рабочие понимали: победа в сплочении, в организации всех трудящихся против контрреволюции.

В президиум с мест понеслись предложения немедленно созвать общезаводской митинг:

— Пусть представитель Петербургского комитета, делегат большевистского съезда товарищ Серго, перед всеми путиловцами раскроет истинное положение текущего момента.

Тут же собрание представителей путиловских цехов решило созвать общезаводской митинг. Серго охотно согласился выступить с докладом. Он предупредил: необходимо подготовить резолюцию. Группа товарищей из заводского комитета, получив от него указания, принялась вырабатывать резолюцию.

В три часа дня у белой трибуны — в центре завода — собрался многотысячный митинг. Серго легко взошел на трибуну и улыбнулся необъятной толпе, блеснув крепкими белыми зубами.

— Хо-рош митинг, — сказал Серго и, порывисто подойдя к барьеру, начал свою речь.

Он обличал предательство соглашательских партий, звал к упорной, настойчивой борьбе за завоевание широких народных масс. Он говорил:

— Вы, путиловцы-пролетарии, должны позаботиться, чтобы солдаты и крестьяне пошли за вами в решительный момент борьбы. Когда за пролетариатом пойдет весь народ, тогда под его натиском рухнет вековой строй насилия и рабства.

И снова то, что говорил Серго на собрании активистов, прозвучало здесь перед тысячами рабочих.

На следующий день в Петербургский комитет большевиков явился представитель лафетной мастерской.

— В цехе сегодня собрание, — сообщил он. — Рабочие хотят послушать отчет своего депутата в совет рабочих депутатов. Необходим агитатор. Мастерская просит прислать товарища Серго.

На митинге лафетчиков 12 августа Серго Орджоникидзе развернул перед путиловцами картину предательства эсеро-меньшевиков, превративших боевой орган рабочего класса и солдатских масс в безвольный, слабый придаток буржуазного Временного правительства. Он поставил задачу перед путиловцами: добиться, чтобы их представители в совете рабочих депутатов дрались за превращение совета в боевой орган восстания и власти. Тут же в осуществление призыва Серго лафетчики отозвали из совета своего депутата-меньшевика, лишили его полномочий и выбрали депутатом в совет рабочего-большевика.

Речи Серго еще больше сплотили путиловцев на борьбу за решения большевистского съезда. Подготовка к вооруженному восстанию сделалась главной задачей всего путиловского рабочего коллектива.

Последующие события показали, что указания товарищей Ленина и Сталина и решения VI съезда большевистской партии были хорошо усвоены многотысячным коллективом путиловцев, показавшим образцы борьбы за социалистическую революцию.

Б. ШУМЯЦКИЙ

ШЕСТОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ И РАБОЧИЙ КЛАСС

В конце июля 1917 года я приехал из Сибири в Петроград на VI съезд партии. Временное правительство загнало Ленина в подполье. Но мы, делегаты съезда, чувствовали, что он с нами. Владимир Ильич принимал участие в разработке всех документов съезда, давал свои советы и указания. Дело Ленина, дело партии вел его ближайший и самый верный ученик — товарищ Сталин.

Настроение делегатов было боевое. Оно отражало вновь нарастающий подъем революционной активности масс.

Сплотившись вокруг Ленина и Сталина, партия дала решительный отпор небольшой группе капитулянтов, выродившихся впоследствии в злейших врагов социализма. Эта жалкая группка ренегатов уже тогда, на съезде, боролась против линии партии и диктатуры пролетариата, с яростью нападая на учение Ленина — Сталина о построении социализма в нашей стране.

Товарищ Сталин делал на съезде основной доклад «О политическом положении». Резолюция по его докладу до пленарного заседания съезда тщательно обсуждалась в специальной комиссии.

На заседании комиссии против девятого пункта проекта резолюции резко выступил троцкист Е. Преображенский. Он клеветнически утверждал, будто в одной стране немыслимо построение социализма. Троцкистского оруженосца в комиссии никто не поддержал. Тогда он вылез с теми же речами на пятнадцатом пленарном заседании партийного съезда. С какой страстностью обрушился докладчик Центрального комитета и автор проекта резолюции товарищ Сталин на этого троцкистского агента! Чеканными, разящими, как меч, словами товарищ Сталин буквально сокрушил меньшевистскую аргументацию троцкизма.

Товарищ Сталин говорил о том, что именно Россия, находясь в особо благоприятной революционной обстановке, может оказаться страной, пролагающей путь к социализму. «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь, — говорил Сталин. — Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего». В этих словах товарища Сталина заключается бодрящий призыв к своему классу, вера в его победу.

Что же могли противопоставить несокрушимой логике Сталина жалкие пигмеи — троцкисты, бухаринцы и каменевцы?

Ничего кроме призыва — вспять к капитализму.

Эти ренегаты выступали на съезде и в его комиссиях против линии партии на вооруженное восстание. В военной секции VI партийного съезда сторонники Троцкого, Каменева и Бухарина отстаивали необходимость ликвидации бюро военной организации при Центральном комитете партии, роспуска военных организаций, якобы дублирующих работу партийных органов. Однако большинство военной секции признало необходимым «существование при Центральном комитете под его постоянным и прямым руководством особого центрального военного органа, направляющего всю текущую работу партии среди военных...»

Шестой съезд ярко показал, какой несокрушимой силой стала большевистская партия.

Петроградский пролетариат к моменту VI съезда партии в подавляющем большинстве шел за большевиками. Жесточайшие репрессии, которые обрушились на большевиков после 3—5 июля, еще больше сплотили рабочую массу вокруг нашей партии. Рабочие Петрограда окружили VI съезд стальной броней солидарности и поддержки.

30 июля после работы в пушечной мастерской Путиловского завода состоялся заводской митинг, на который собрались десять тысяч рабочих. Товарищ Свердлов выступил с докладом о текущем моменте. Он рассказал о планах контрреволюции, которая пытается арестовать В. И. Ленина и разогнать большевистский съезд, чтобы обезглавить революцию.

Товарищ Свердлов призывал рабочих ответить на происки и буржуазии и Временного правительства сплочением вокруг съезда большевистской партии.

После него с ответным словом выступил рабочий шрапнельного цеха Путиловского завода И. А. Турнев. Он заявил, что путиловцы стойко стоят на страже революции и будут грудью защищать съезд партии большевиков. Путиловцы будут впредь работать на вооружение революционного пролетариата, чтобы окончательно свернуть шею капиталистическому строю.

Во время этой речи присутствовавший на митинге меньшевик Исув крикнул:

— Смотри, как бы кайзер Вильгельм через своих агентов — большевиков — вам самим не свернул шеи!

Рабочие бросились в сторону меньшевика. Его обступили и, как говорят, «взяли за загривки». Он трусливо оправдывался, что его не так поняли. Товарищу Свердлову стоило немалых усилий отговорить рабочих от расправы над меньшевиком.

Митинг закончился принятием резолюции солидарности с партией большевиков и решением всемерно обеспечить безопасность работ съезда и неприкосновенность каждого его делегата. Путиловцы выбрали делегацию для приветствия съезда партии.

В тот же день на других предприятиях Петрограда состоялись такие же митинги. Подобно путиловцам зорко следили за безопасностью VI партийного съезда рабочие другого петроградского гиганта — Трубочного завода.

На митинге Трубочного завода также была избрана делегация. Ей поручили заверить делегатов, что рабочие завода, все как один, по первому зову партии большевиков встанут на защиту съезда.

29 июля было опубликовано постановление Временного правительства о предоставлении военному министру и министру внутренних дел права закрывать съезды и собрания в случае, если они угрожают «государственной безопасности». Так контрреволюция готовила «законное» основание для разгона большевистского съезда. Были основания полагать, что ищейки Керенского нащупали место заседаний съезда.

Вот почему было решено перенести работу съезда на новое место. В тот же день в связи с возможным арестом делегатов по предложению Центрального комитета и президиума съезд постановил произвести выборы до окончания работ. Пленум съезда выделил специальный малый съезд со всеми правами пленума. Но выбирать Центральный комитет пришлось уже на новом месте. Решение о переезде с Выборгской стороны за Нарвскую заставу было вынесено 29 июля.

Вечером этого же дня состоялось заседание Петергофского район-

ного совета с участием руководителей районной дружины Красной гвардии и «военки» (военной организации при ЦК и ПК большевиков). На этом заседании присутствовали товарищи Сталин, Свердлов, Орджоникидзе, С. Косиор и Володарский.

Районный комитет партии и совет решили создать специальную комиссию для руководства охраной VI съезда партии. Девятое по счету заседание съезда 30 июля состоялось уже в Нарвском районе в доме № 23 по Новосивковской улице. Комиссия районного комитета партии и районного совета еще ночью 29 июля выделила охрану для съезда из числа рабочих-красногвардейцев. Наряду с членами партии в охране принимали участие проверенные беспартийные товарищи — красногвардейцы. Все они были вооружены наганами или браунингами. Посты внутри помещения также были вооружены.

Комиссия подыскала помещение для работы съезда и его секций, размещала делегатов на ночлег и через районную продовольственную управу обеспечивала их питанием. Питание было скромным, но достаточным. Утром, перед началом заседаний, давался чай с сахаром и бутербродами, что по тем временам разрухи и голода достать было нелегко. В три часа дня давался обед: консервированное мясо, хлеб и чай. В десять часов вечера — снова чай с бутербродами. Хлеб доставляли рабочие хлебозавода «Балтик». Хлеб был из несеяной муки, и о нем делегаты говорили: в воде не размокнет, в огне не сгорит.

На ночлег делегатов размещали по квартирам рабочих. Каждый рабочий с радостью предоставлял делегатам квартиру и постель, но норовил еще и покормить их, хотя сам с семьей часто испытывал голод.

Я был помещен на ночлег к рабочему пушечной мастерской Путиловского завода Ермолаю Михину. Ермолай — рядовой партиец, дружинник Красной гвардии. Жил он где-то на задворках за Путиловским заводом, куда пробраться было довольно трудно. У Михина была семья — больная ревматизмом жена, дочь десяти лет и престарелый отец. Все они жили на скудный заработок Михина. Нужда чувствовалась в каждом уголке их жилья. Но все они, включая и дочурку, испытывали подъем, которым жили тогда рабочие Петрограда. Они интересовались работой Петроградского совета, возмущались предательством эсеров и меньшевиков и радовались каждой новой победе нашей партии.

Я провел в этой семье только три ночи, но и до сих пор не могу их забыть. Сколько страстных, боевых слов было переговорено в эти ночи, сколько огня и ненависти горело в них против врагов революции.

Шестой съезд непрерывно поддерживал связь с рабочими Петрограда. Многочисленные делегации рабочих приходили на съезд и горячо приветствовали его. На трибуну съезда поднимались делегации союза металлистов, рабочих Путиловского, Трубочного и других заводов столицы. В свою очередь, делегаты съезда были направлены на заводы и в казармы столицы.

Товарищей Володарского, Ярославского и меня послали на Путиловский завод.

3 августа на заводе был митинг. Кроме нас на него явились члены меньшевистско-эсеровского Всероссийского центрального исполнительного комитета Вайнштейн, Богданов и Бунаков.

Товарищ Володарский от имени съезда партии передал привет рабочим Путиловского завода и в яркой, образной речи кратко изложил основные задачи, поставленные съездом партии перед рабочим классом.

Эсеровский краснобай Бунаков и меньшевик Вайнштейн пытались полемизировать с товарищем Володарским. Они кричали о том, что революционный выход России из империалистической войны невозможен, что большевики ведут страну и народ под ярмо германской кабалы.

Рабочие все время прерывали меньшевистского оратора. Они бросали ему реплики: «А ты лучше скажи, как насчет мира, земли и свободы?» или: «А что вы думаете сделать с саботажем фабрикантов, которые сознательно разрушают производство, закрывают фабрики, вывозят сырье, лишают топлива домны и железные дороги?»

Ярость путиловцев достигла предела, когда эсер Бунаков начал цветисто доказывать, что кровь тысяч русских солдат, сложивших свои буйные головы в Мазурских озерах и на Карпатах, вопиет и требует мщения, войны до победного конца.

Несколько рабочих бросилось к трибуне, с которой говорил Бунаков. Они готовы были растерзать этого подголоска империалистов:

— Сам иди воевать!

— Что-то не видно, чтобы ты побывал в окопах. Ишь, какой гладкий!

— Значит, еще нужно погубить сотни тысяч, чтобы господам добыть победу!

Рабочие расправились бы с Бунаковым, если бы не вмешался партийный актив и не вывел бы из завода ненавистного массе предателя.

Но каково было наше удивление, когда на другой день мы прочли в органе меньшевистской партии «Рабочая газета» статью И. Кубикова под названием: «В толпе путиловских рабочих». Кубиков писал, будто путиловцы настолько терроризированы большевиками, что только из страха делают вид, что солидаризируются с ними, а на деле якобы сочувственно слушали на митинге речи меньшевиков и эсеров и украдкой даже подходили к ним, чтобы выразить свою солидарность.

Меньшевистский враль вскоре получил в четырнадцатом номере нашей газеты «Рабочий и солдат» достойную отповедь участника делегации от съезда на митинге путиловцев товарища Е. Ярославского, который разоблачил беззастенчивую ложь меньшевистского писаки И. Кубикова.

На всех заводах и фабриках, где побывали делегаты, рабочие давали наказ — оберегать жизнь Ленина и ни в коем случае не допускать явки его на суд буржуазного Временного правительства. Рабочие поддержали в этом отношении линию товарища Сталина и VI съезда, и это было лучшим ответом на предательские предложения троцкистов о явке Ленина на суд.

Сейчас уже хорошо известно, что корниловские головорезы получили прямой наказ — найти и убить Ленина. Об этом свидетельствовал впоследствии Половцев, который тогда командовал Петроградским военным округом. Только твердая линия товарища Сталина и Центрального комитета и поддержка рабочих сохранили жизнь гениальному вождю революции.

Интересно отметить, что на основе решения съезда от 29 июля Центральный комитет избирался не в конце съезда, как это бывало на всех партийных съездах. Помнится, выборы проходили в доме № 2 на Петергофском шоссе (в том же Нарвском районе).

От имени петроградской и московской организаций товарищами Молотовым, Орджоникидзе и Ольминским было предложено не оглашать результатов выборов ввиду особых условий момента. В Центральный комитет были избраны 21 член и 10 кандидатов. В состав Центрального комитета вошли Ленин, Сталин, Артем, Дзержинский, Урицкий, Шаумян и другие товарищи.

3 августа Я. М. Свердлов закрыл VI съезд партии.

Большевики понесли решения VI съезда в массы. Под руководством Ленина и Сталина партия приступила к подготовке вооруженного восстания.

Б. ШУМЯЦКИЙ

«ПРАВДА»

В бурные дни 1917 года большевистская печать, и особенно орган Центрального комитета «Правда», сыграла огромную роль. Вожди революции — Ленин и Сталин — многие дни и ночи проводили в редакции «Правды». Здесь Владимир Ильич писал большие политические и теоретические статьи, писал обзоры печати и информационные отчеты, или, как он называл, «репортицу».

Но Владимир Ильич не только писал сам. Завидя посетителя, особенно прибывшего из провинции или с фронта, Ленин поднимался к нему навстречу с десятком вопросов. В ходе беседы он предлагал написать статью и давал необходимое направление. Иногда он заставлял писать статьи тут же, указывая, что не следует писать обо всем сразу, что нужно стремиться к короткому и ясному изложению. Ленин предлагал не только корреспондентам, но и нам, молодым газетным работникам, брать пример с товарища Сталина, который умел писать краткие и содержательные статьи в пятьдесят-семьдесят строчек на боевые вопросы дня.

Товарищ Сталин встал во главе «Правды» с первых же дней своего возвращения из ссылки.

Как редактор товарищ Сталин был очень требователен. Но его требовательность сочеталась с чуткостью и готовностью всегда помочь товарищу. Со свойственным ему юмором Сталин резко критиковал теневые стороны нашей работы, бичевал самоуспокоенность и зазнайство.

Бывало, принесешь к нему материал для газеты — внимательно прочтет, опытной рукой сократит лишнее или исправит неудачные абзацы. Но и после этого дает совет: «Следовало бы еще отжать воду».

Лично проверяя, как идет верстка газеты, товарищ Сталин не любил в ней пустых, не заполненных материалом мест. Он называл их плешинками, а выпускающему, указывая пальцем на пустое место, шутя говорил: «Молодой, а уже с плешинкой».

Товарищ Сталин требовал, чтобы газетная полоса была живой. Он настаивал на помещении в газете карикатур, стихотворений, юморесок. Но в то же время Сталин не давал нам расплываться, уходить в сторону от основных задач дня.

Особенное внимание Сталин уделял организации в газете большой политической информации. Он требовал от сотрудников газеты, чтобы зоркий глаз большевистской печати проникал всюду. После долгих усилий нам удалось наладить эту информацию, и Ленин, находясь в Финляндии, особенно одобрительно отзывался о ней. Наша информация помогала Ильичу разбираться в том, что делалось тогда в Петрограде.

Для товарища Сталина как руководителя газеты и автора передовых и руководящих статей такая информация также имела большое значение. Обыкновенно товарищ Сталин приходил вечерами в редакцию и первым делом погружался в эту информацию. И только после этого писал передовую.

Но Ленину и Сталину приходилось заниматься не только редакционной работой. Типографии, бумага, экспедиции — все это и после Февральской революции осталось у капиталистов. Для газеты нужны были деньги, а денег не было. Тогда партия объявляет сбор средств в «железный» фонд «Правды».

Центральный комитет партии выносит решение об организации своей типографии. Выдвигается лозунг: «Большевистской печати — собственную типографию».

По поручению Центрального комитета партии товарищ Сталин составляет и публикует обращение: «Товарищи, соберите в пять дней 75 тысяч рублей».

В обращении указывалось:

«У нас готовы ряд брошюр, листовок, сборников, книг, крайне необходимых для всей нашей работы. Мы не можем их напечатать, потому что у нас нет типографии. «Правду» необходимо увеличить в формате, иначе массу материалов приходится откладывать. Необходимо немедленно поставить в Петрограде маленькую популярную газету «Рабочий и солдат». Но опять и опять: у нас нет типографии.

Это режет нашу работу, это суживает размах нашей агитации, это лишает нас возможности дать отпор всем нашим многочисленным противникам, обладающим громадной прессой...

Товарищи! Буржуазия — хотя бы самая «левая» и «республиканская» — не даст денег «Правде» и нашей партии. Вы сами знаете, с каким остервенением борется против нас вся стоустая буржуазная печать. Только сами рабочие могут обеспечить наше издательство типографией и дать нам возможность шире развернуть работу.

Центральный комитет, Петербургский комитет, редакция «Правды»... просят вас: соберите в пять дней 75 тысяч рублей на покупку типографии... Сборы должны начаться сегодня же. Все за работу».

В ответ на обращение потекли пожертвования. Рабочий люд собрал по копейкам нужную сумму для покупки типографии в течение нескольких дней. Типография была приобретена, тираж «Правды» был удвоен. Начался выпуск массовым тиражом брошюр, книг, листовок.

Такой рост большевистской печати сильно обеспокоил буржуазию и соглашателей. Большевистскую печать начали травить и преследовать. «Лига борьбы с большевизмом» 18 июня приняла следующее постановление:

«Лига борьбы с большевизмом, рассмотрев дело о Ленине (Ульянове) и дело о газете «Правда», нашла, что Ленин, как и газета «Правда», поставили своей целью создание в России анархии и стремятся к тому, чтобы вызвать гражданскую войну. Находя виновность Ленина и газеты «Правда» вполне доказанной... лига большинством голосов постановляет:

1. Ульянова, именующего себя Лениным, лишить жизни.
2. Типографию газеты «Правда» взорвать...»

В июне 1917 года ночью в редакцию «Солдатской правды» ворвались два офицера. Они облили бензином кипу приготовленных для отправки на фронт газет и подожгли ее... Сгорело около сорока тысяч экземпляров.

Особенно тяжелое время наступило для большевистской печати в июльские дни. Озверевшие юнкера разгромили редакцию и типографию «Правды», исковеркали машины, рассыпали набор, уничтожили материалы. «Правда» была закрыта.

Удушить большевистскую газету Временному правительству не удалось. Взамен разгромленной «Правды» и «Солдатской правды» выходила газета «Рабочий и солдат». Печатать ее было очень трудно. Нужно было найти подходящую типографию. И вот в дни работы VI съезда партии Яков Михайлович Свердлов предложил мне арендовать для этой цели какую-либо большую частную типографию.

Потеряв надежду найти такую типографию, я предложил товарищу Свердлову:

— А что если мы попытаемся восстановить типографию «Правды»?

Яков Михайлович сначала отнесся к этому предложению с некоторым недоверием, но все же не отверг его.

И вот 6—7 августа, рано утром, вместе с несколькими рабочими

я пробрался через пролом в ограде дома № 40 по Кавалергардской в разгромленное помещение конторы и типографии «Правды». Мы нашли там полнейший хаос: кассы были выброшены из реалов, шрифт, материал грудами валялись на полу. Кругом были разбросаны обрывки рукописей и оттиски гранок. На всем лежал толстый слой пыли.

Мы убрали помещение и привели в порядок кассы и реалы.

На углу Кавалергардской были расположены казачьи части. Поэтому мы решили действовать с большой осторожностью. Вечером зажгли свет лишь в наборном отделении, выходившем на другую улицу.

На следующий день мы взялись за печатные машины. Две ротационные машины были сильно разрушены. Но на наше счастье оказалось, что значительная часть плоских машин находилась в удовлетворительном состоянии. Немедленно закипел ремонт, и к вечеру мы уже могли привести в движение несколько плоских машин. Так работали мы три дня, стараясь не выходить из помещения.

На четвертый день мне пришлось сделать «вылазку», чтобы повидаться с Я. М. Свердловым и получить от него задания по выпуску газеты. К этому времени газета «Рабочий и солдат» была закрыта, и нам пришлось готовить выпуск новой газеты — «Пролетарий».

Яков Михайлович передал мне ряд статей, тексты воззваний Центрального комитета и Петербургского комитета и долго допытывался, уверены ли мы, что типография сможет начать регулярный выпуск газеты.

Во время этой беседы к Якову Михайловичу пришел Ф. Э. Дзержинский. Оказалось, что в Центральном комитете решили придать всему нашему делу юридическую форму и создать так называемое «Товарищество рабочей печати» во главе с товарищами Дзержинским и Менжинским.

Нагруженный заказами и многочисленными советами, я направился в одну из инженерных частей к членам нашей военной организации. Там нам обещали всемерную помощь и между прочим заботливо взялись снабжать нашу полулегальную типографию солдатским хлебом.

Приближался выход первого номера газеты «Пролетарий». Мы решили устроить Центральному комитету подарок — выпустить газету не в малом формате, как раньше выпускалась «Правда», а в формате большой газеты, благо в типографии находился большой запас бумаги.

Но 12 августа, накануне выпуска первого номера, поздно вечером к нам в ворота неожиданно постучали. Мы услышали шум и крики:

— Открывайте, черти полосатые!

Сговорившись, что я буду изображать «фактора» (нечто среднее между управляющим и старшим наборщиком или старшим метранпажем), мы открыли ворота. Ввалилась ватага казаков, предводительствуемая подвыпившим штатским, назвавшим себя начальником милиции Смольнинского подрайона. Представив себя и попутно сообщив, что он является членом партии эсеров, этот милицейский начальник стал требовать заведующего. Я заявил, что являюсь фактором.

— На кой чорт мне фактор! Никакого фактора я не признаю. Подать мне сюда заведующего!

Я еще раз повторил, что я как фактор заменяю заведующего типографией, и, в свою очередь, просил указать, чему мы обязаны таким неожиданным и бурным визитом.

Милицейский начальник, показав ордер на обыск, заявил, что прислан по приказу Временного правительства произвести осмотр этой «чортовой кухни».

Я ответил, что к «чортовой кухне» отношения не имею. По наряду своих хозяев руковожу приведением в порядок всех цехов разгромленной в июльские дни типографии.

— Хозяев? Таких же предателей?

— Прошу вас выражаться точнее и корректнее, — заявил я. — Типография эта принадлежит «Товариществу рабочей печати».

— Да вы же, чорт возьми, большевики! — раздраженно заявил эсер, и его возглас подхватили казаки.

— Что с ними разговаривать! Примемся за обыск! — закричали они и рассеялись по разным частям типографии.

Мы решили не допускать возможного разгрома и следовали за казаками по пятам.

Обегав оба этажа и заглянув во все закоулки, казаки потребовали показать им то отделение, в котором «делается» газета.

Нам стало ясно, что среди обыскивавших нет людей, знающих типографское дело, и мы решили их «провести», не показывая места, где подготовлялись матрицы и ожидалась отливка стереотипа. Мы провели казаков вниз, в печатное отделение к тискальным станкам, и стали подробно объяснять им процесс «делания» газеты.

Ничего не понимая, казаки еще раз направились наверх, в наборное отделение, и стали шарить по реалам и на столе у метранпажа. Установить, что мы подготовляем выпуск первого номера органа Центрального комитета большевиков, казаки не смогли.

Переписав всех нас, они с шумом и ругательствами удалились, обещав в «случае чего» вернуться и «задать жару».

В три часа утра после тщательной приправки мы пустили печатную машину, и — ура! — она начала сбрасывать свежие номера «Правды», возродившейся на этот раз в образе «Пролетария».

В семь часов утра товарищ Садовский, член военной организации большевиков, подал из автопарка бронечастей грузовик. Передав нам мешок с солдатским хлебом, он принял наш «ответный подарок» — несколько десятков тысяч экземпляров первого номера центрального органа РСДРП большевиков — «Пролетарий».

К восьми часам утра газета появилась во всех районах и вызвала своим появлением огромную радость среди петроградских рабочих и солдат и немалый переполох в стане Временного правительства и соглашателей.

С тех пор наша типография существовала вплоть до конца октября. С 25 августа вместо «Пролетария» выходила газета «Рабочий», а затем «Рабочий путь». Так, скрываясь от преследований буржуазии

и соглашателей, под разными названиями жила и работала славная большевистская газета. 26 октября 1917 года, когда победила Великая пролетарская революция, она приняла вновь старое славное имя — «Правда».

Исключительно велика была роль большевистской печати и центрального органа партии «Правда» в деле разоблачения контрреволюционной природы меньшевиков и эсеров и союза лжи и бешеной злобы всей буржуазной и соглашательской печати. Недаром Владимир Ильич говорил и писал: «Еще раз прошу не верить газетам, кроме «Правды».

В обстановке шовинистического угара только одна большевистская печать вела твердо до конца интернационалистскую линию и правильно отвечала на чаяния и думы рабочих, крестьян и солдат.

Нести, рискуя жизнью, большевистскую печать в массы было делом чести каждого большевика.

Солдаты-фронтовики, у которых золотопогонные генералы и белогвардейское офицерье в дни, предшествующие позорному июньскому наступлению на Стоходе, находили большевистскую газету, подвергались расправе озверелого классового врага.

Наша печать была и будет острейшим оружием борьбы со всеми врагами партии и социализма, с агентурой фашизма — троцкистско-бухаринскими шпионами, вредителями и их пособниками.

В результате героической борьбы нашего рабочего класса под гениальным водительством вождей партии Ленина — Сталина большевики победили в октябре 1917 года, как побеждали и на всем протяжении последующего двадцатилетия. Немалую роль в этом сыграла и наша большевистская печать. Она агитировала, она будировала, она организовывала и приобщала к революции все новые и новые массы. Она помогала партии подымать союзников пролетариата — революционных солдат и крестьян — на последний и решительный бой против капитализма, за победу социалистической революции.

МОСКОВСКАЯ ЗАСТАВА В ДНИ КОРНИЛОВЩИНЫ[1]

К моменту корниловского мятежа на нашем заводе «Сименс-Шуккерт» насчитывалось около двух тысяч рабочих. Большевистская организация численно была невелика, но пользовалась у беспартийных рабочих большим влиянием. Напрасно эсеры, которых на заводе было довольно много, всячески пытались оклеветать боль-

[1] Обработал по воспоминаниям рабочих Н. Ходза.

шевиков и нашего Ильича. Корниловский мятеж окончательно убедил всех колеблющихся, что эсеро-меньшевистские вожди толкали пролетариат в неволю к капиталистам.

Корниловская авантюра не застала петроградский пролетариат врасплох. Уже несколько дней большевистская «Правда» предупреждала рабочих о готовящейся провокации кадетов, призывала их к бдительности и настороженности.

О начавшемся выступлении Корнилова большинство рабочих Московской заставы узнало 28 августа. Заводская большевистская организация узнала об этом еще накануне, но 27-го было воскресенье, и завод не работал.

Не успели рабочие разойтись в понедельник по своим цехам, как уже все группы облетела зловещая новость: генерал Корнилов снял с фронта войска и ведет их на Петроград для разгрома революции.

Моментально весь завод пришел в движение. Еще в послеиюльские дни мы припрятали в нашей столовой несколько десятков винтовок и патронов к ним. Почти у всех большевиков на дому хранились револьверы. Теперь для нас стало ясно, что оружие это мы прятали не зря, что настал момент, когда нужно вооруженной рукой защищать революцию.

Большевистская организация завода «Сименс-Шуккерт» использовала для работы помещение рабочей столовой. Эсеры и меньшевики имели хорошо оборудованный клуб и в столовую никогда не заглядывали. Поэтому все мы, большевики, очень удивились, застав в обеденный перерыв в большевистском штабе эсеровских «вождей» — Горностаева и др. Оказывается, эсеры пришли договариваться с нами об «единстве действий». Но большевики сразу же их осадили. Каждый выступавший открыто и прямо заявлял, что корниловское выступление — результат политики соглашательских вождей и что рабочие, борясь против Корнилова, будут всячески разоблачать предателя Керенского.

Работа в этот день проходила на заводе с большими перебоями. После гудка почти все рабочие остались на заводе. Большевистский актив был брошен на летучие цеховые митинги. К вечеру фабрично-заводской комитет открыл запись добровольцев в Красную гвардию. Желающих отправиться на фронт против Корнилова оказалось очень много. Запаса винтовок нехватило. Многим предложили притти к утру следующего дня, когда будет получено оружие из Петропавловской крепости. Прием в Красную гвардию производился с необычной строгостью. Без рекомендации никого не принимали. В списках красногвардейцев указывалось, кто какой организацией рекомендован. Несколько человек сомнительной репутации было решительно отведено.

Центр руководства вооружением рабочих Московской заставы был сосредоточен в районном совете рабочих депутатов. Туда беспрерывно стекались делегации рабочих и солдат, шли бесконечной вереницей новые отряды красногвардейцев. Большевики с заводов «Скороход», «Сименс-Шуккерт» и Речкина занимали в совете ведущее положение. Они руководили всей военной работой в районе.

Для охраны революционного порядка района совет выделил специальные отряды, по пяти человек в каждом. Отряды эти предназначались для задержки контрреволюционных агитаторов и главным образом должны были наблюдать за колеблющимися воинскими частями, расквартированными вблизи Московской заставы.

29 августа все принятые в Красную гвардию явились в районный совет. Здесь происходили комплектование отрядов, отправка на фронт, выделение групп для рытья окопов, подвоза оружия, сооружений проволочных заграждений. На охрану заводов были брошены усиленные наряды. Снаружи, по цехам, у телефонов — везде дежурили вооруженные красногвардейцы. Рабочие стали полновластными хозяевами завода.

По Московскому шоссе двигались со всего Петрограда отряды солдат, красногвардейцев, моряков. Они шли, вооруженные винтовками, лопатами, саперными топорами, кайлами. С грохотом проносились по булыжной мостовой грузовики и орудия. Все это устремлялось к Пулковским высотам, где решено было дать корниловцам решительный бой. Многие рабочие, не получив ни винтовки, ни лопаты, хватали дома первый попавшийся топор и присоединялись к отрядам.

Вся Московская застава готовилась к бою. В заводских столовых были открыты питательные пункты для проходящих отрядов. Во всех приемных покоях, лечебницах, аптеках района организовались санитарные пункты. В санитарных командах работали не только работницы. Жены, матери, сестры рабочих добровольно являлись в районный совет и настойчиво требовали для себя дела. Из их состава были немедленно созданы санитарные команды.

По решению районного совета все заводские автомобили были реквизированы и стояли в боевой готовности до первого требования. Московское шоссе находилось под непрерывным наблюдением Красной гвардии и расположенного в районе 1-го пехотного запасного полка. Кто-то настойчиво пытался посеять в рабочих рядах неуверенность и панику. Откуда-то поползли слушки, что горит Путиловский завод, что Смольный разгромлен офицерскими отрядами. Всех распускавших контрреволюционные слухи немедленно арестовывали.

Уже 28 августа рабочие заставы знали, что в составе корниловских войск находится так называемая «дикая дивизия», составленная из ингушей и осетин. Какие-то темные личности рассказывали про ингушей всякие небылицы, вплоть до того, что в мирное время они живут в лесах и питаются сырым мясом. Но провокационный смысл этих разговоров был ясен всем рабочим. Большевиков смущало другое: они получили сведения, что солдаты «дикой дивизии» не понимают по-русски и, следовательно, среди них невозможно будет провести никакой агитации.

Несмотря на всеобщую тревогу завод «Сименс-Шуккерт» продолжал работать. За дисциплиной следили сами рабочие. От работ были освобождены только одни красногвардейцы.

Утром 30 августа мимо завода прошли революционные войска на Гатчину. К войскам присоединялись новые отряды красногвар-

Красногвардейцы

С картины художника В. В. Хвостенко

дейцев. Отряд нашего завода вместе с санитарным пунктом был задержан командованием недалеко от Пулкова и расположен на левом фланге, в небольшой деревушке. Мимо деревни проходила дорога на Петроград. Как только наши дозоры вышли на эту дорогу, они увидели невдалеке несколько всадников. В бинокль удалось рассмотреть, что на всадниках были накинуты черные мохнатые бурки и на голове красовались необычного вида папахи. Начальник патруля немедленно послал в деревню связного сообщить о появлении солдат «дикой дивизии». Не прошло и получаса, как весь отряд в полной боевой готовности развернулся у дороги. Но по всему было видно, что ингуши не проявляют никаких враждебных намерений. Тогда небольшая группа большевиков-агитаторов на виду у ингушей бросила на землю винтовки, сняла кобуры и направилась к всадникам. Весь отряд с замиранием сердца следил за этой встречей. Кое-кто, наслышавшись об этой дивизии всяческих слухов, был уверен, что большевики отправились на верную гибель. Ингуши, заметив наших делегатов, стегнули своих низкорослых коней и подъехали к нашим товарищам. До нас донеслись гортанные голоса, выкрики. Оказалось, что солдаты из «дикой дивизии» все-таки кое-что понимали по-русски. Жестами, ломаным языком наши большевики сумели рассказать этому отряду об обмане их генералами. Ингуши, повернув коней, галопом скрылись за поворотом дороги. Это был отряд под командой знаменитого сотника Хаджи-Мурата.

Еще накануне вечером на станцию Семрино, где стояла «дикая дивизия», из Петрограда явилась мусульманская делегация. Уже много лет спустя мы узнали, что эта делегация была организована пламенным трибуном революции, имя которого носит сейчас наш завод, — Сергеем Мироновичем Кировым. На станции Семрино делегация явилась в ингушский полк и после непродолжительной беседы убедила ингушей отказаться от генеральской авантюры. Со станции Семрино делегация проехала на станцию Сусанино и выступила перед представителями черкесского полка, который присоединился к решению ингушей. После этого делегация прибыла в Вырицу, где сделала доклад перед корпусным комитетом. Разъяснительная работа мусульманской делегации окончательно убедила «дикую дивизию» в контрреволюционных действиях Корнилова. Дивизия решила держать нейтралитет и в борьбе корниловцев и петроградских рабочих никакого участия не принимать.

Но так думали не все. Сотник осетинского полка Хаджи-Мурат, не довольствуясь объяснениями мусульманской делегации, решил явиться в Петроград, чтобы увидеть все самому на месте.

К вечеру 30 августа по Московскому шоссе, не спеша, оглядываясь и рассматривая заводские здания, ехали трое всадников. Рабочие смотрели на всадников с большим изумлением, потому что на них была форма «дикой дивизии». За плечами у каждого была винтовка, а под буркой виднелись кинжалы и револьверы. Доехав до нашего завода, передний всадник — это оказался Хаджи-Мурат — обратился к группе рабочих:

— Где здесь большевик... штаб... начальник, — подыскивал он слова.

Один из рабочих взялся проводить их до районного совета. В совете уже откуда-то знали о приезде Хаджи-Мурата. У дверей его встретила группа большевиков со «Скорохода», «Сименс-Шуккерта» и завода Речкина. Не доходя нескольких шагов до группы, Хаджи-Мурат остановился, молча скинул винтовку, снял револьвер, кинжал и, поклонившись, протянул все это стоявшим большевикам. Его спутники начали тоже разоружаться.

— Мы к вам пришли узнать правду, — сказал Хаджи-Мурат. — Мы не хотим драться с русскими рабочими... Мы тоже бедные... Ваши богачи пишут, что мы звери... Возьмите наше оружие. Если мы достойны — будем драться вместе с русскими рабочими.

Но большевики не приняли оружия от Хаджи-Мурата и его товарищей. Так же почтительно поклонившись Хаджи-Мурату, председатель совета сказал:

— Оденьте опять на себя ваше оружие. Русские рабочие верят, что у вас нет против них дурных мыслей. А оружие вам еще пригодится бить генералов — своих и русских.

Хаджи-Мурат прошел в помещение и больше часа разговаривал с нашими большевиками. Вскоре, оставив двух своих товарищей в совете, он вскочил на коня и куда-то ускакал. Утром 31 августа он вернулся вновь и привел с собой двести пятьдесят всадников-ингушей. Все они перешли на сторону революционных рабочих.

Остальные части корниловских войск были также распропагандированы большевистскими агитаторами и наотрез отказались выступить против петроградских рабочих. Поход генерала Корнилова провалился.

Корниловский мятеж явился для всех нас большим уроком. Рабочие окончательно убедились, что соглашательские вожди идут на поводу у буржуазии, что не сегодня — завтра могут появиться новые палачи революции. С этого момента партия большевиков вновь выставила лозунг: «Вся власть советам». Теперь этот лозунг означал подготовку вооруженного восстания. С этим лозунгом мы пришли к Великой пролетарской революции, с ним окончательно победили 25 октября 1917 года.

М. ФОФАНОВА

ПОСЛЕДНЯЯ КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ЛЕНИНА

В 1917 году моя квартира часто служила местом собраний и явки для большевиков. Я жила тогда в доме № 4 по Сампсониевскому проспекту. Отправив своих двух детей в Финляндию, я взяла на себя секретарство в домовом комитете и всецело предоставила свою квартиру для партийных целей. Иногда у меня ночевала Надежда Константиновна Крупская, с которой я работала вместе в Выборгском комитете партии. Вечером 4 июля у меня на квартире состоялось заседание Центрального комитета партии, на котором присутствовал Владимир Ильич Ленин. А когда осенью встал вопрос о возвращении его в Петроград, было решено поселить Ленина в моей квартире.

Вместе с Надеждой Константиновной я начала вести деятельную подготовку к встрече Владимира Ильича. Заказали запасные ключи от квартиры. С согласия Владимира Ильича предупредили домашнюю работницу, честную, хорошую женщину Юзю, что ко мне переезжает жить один очень серьезный товарищ, не называя, конечно, его имени. И вот, наконец, приехал Ленин. Меня не было дома, и встретилась я с ним только на следующий день утром за кофе. Надежда Константиновна сказала мне просто:

— А вот и Владимир Ильич.

Но Ленин тут же поправил ее:

— Я не Владимир Ильич! Владимира Ильича пока нет, выбросьте это из головы. Я — Владимир Константинович.

И в дальнейшем Ленин часто поправлял нас в этом, хотя иногда забывал и сам. Часто забывал надевать и свой парик.

Когда мы сели за завтрак, Ленин спросил меня, скучаю ли я о своих ребятах.

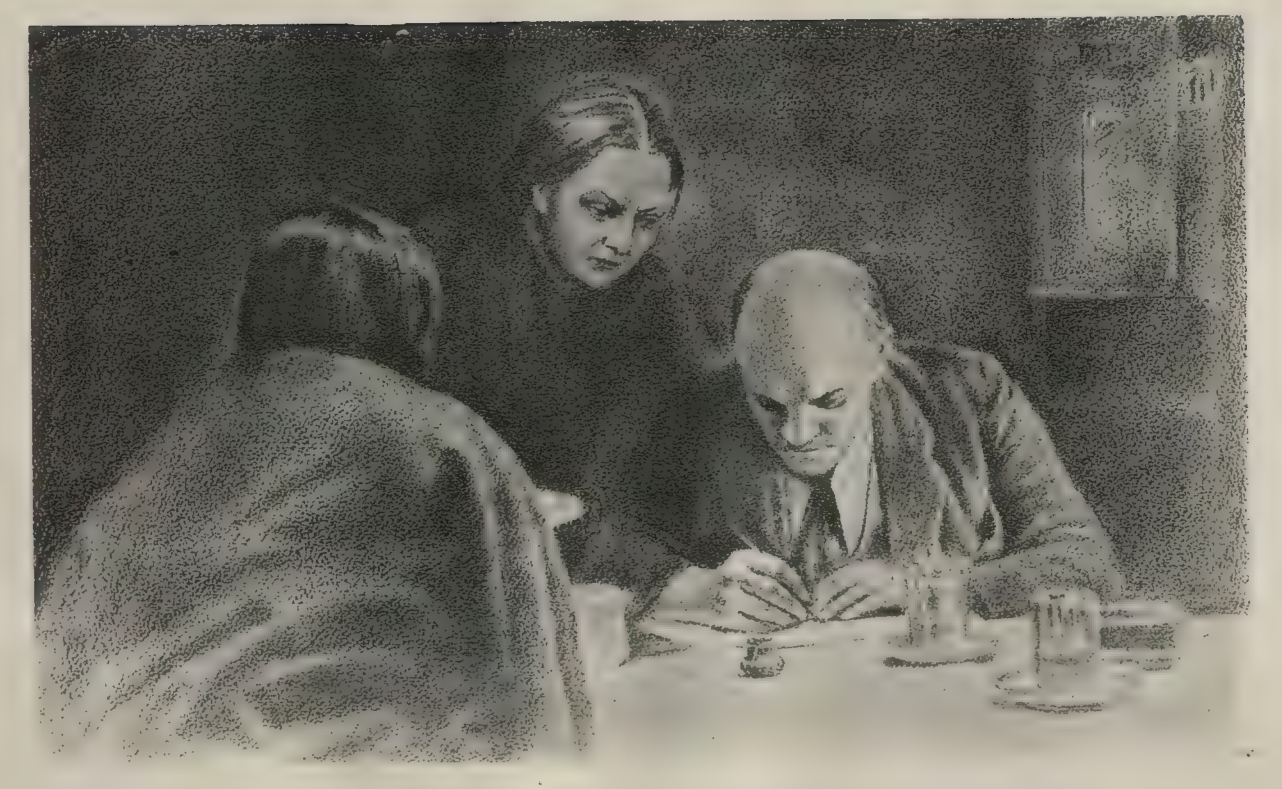
Я ответила:

— Что же делать! Надо примириться.

— Ну-ну, это не страшно, — сказал Владимир Ильич, — ведь это не надолго. В Петрограде сейчас с продуктами трудно, а там, вероятно, значительно легче.

Во время завтрака мы условились с Владимиром Ильичем о моих обязанностях по отношению к нему. Я должна была заботиться о его питании и аккуратно каждый день доставлять ему все газеты, которые тогда выходили в Петрограде.

Затем Владимир Ильич тщательно осмотрел мою квартиру, хотя в общих чертах он знал ее раньше. Квартира помещалась в четвертом — верхнем — этаже большого дома. Окна выходили во двор. Мимо двора проходила линия Финляндской железной дороги. Недалеко расположена станция Ланская. Большой открытый двор. К дому примыкали два деревянных флигеля. Позади за высоким забором был парк-пи-

«Я встретилась с Владимиром Ильичом только на следующий день утром за кофе».

Рисунок художника С. М. Романовича.

томник, довольно болотистый. Вся моя квартира состояла из трех комнат, расположенных подряд: сначала большая комната с двумя окнами и дверью, выходившей на балкон, рядом с ней — столовая и, наконец, еще одна комната. В конце коридора — кухня.

Владимир Ильич очень заинтересовался тем, где проходит водосточная труба. Труба проходила как раз мимо окон комнаты с балконом. В случае необходимости по ней можно было спуститься во двор. Он хотел также знать, кто живет в соседних квартирах. Взвесив все обстоятельства, Ленин решил занять комнату с балконом. Мы заказали к этой комнате два ключа: одним ключом Владимир Ильич изнутри запирался на ночь, причем ключ всегда вынимал, а другой находился у меня на всякий случай.

Уговорились, что при входе в квартиру будем давать три коротких звонка,— это был наш условный знак, о котором мы не сказали даже Юзе.

Владимир Ильич обычно вставал часам к десяти, так как долго по ночам работал, ложился очень поздно. Утром он пил кофе в столовой, а затем отправлялся к себе в комнату и работал.

Я и Юзя покупали для него все газеты и журналы. Он прочитывал их аккуратно и очень быстро. Завтракал Ильич в час дня, большей частью уже без меня. Обедали мы вместе часов в пять.

Рано утром Юзя обыкновенно чистила платье Ильича (мы ее предупредили, чтобы она не выходила с платьем из квартиры).

Все поручения Ильича мы с Юзей аккуратно исполняли. И пока жила Юзя, все шло отлично. Но вот у нее на родине кто-то заболел, и она решила уехать. Уезжая, она дала мне слово, что сейчас же вернется, если только дома не окажется ничего серьезного. Поэтому я решила другую работницу не нанимать и взять на себя все, что исполняла Юзя. Мне пришлось ходить за продуктами, готовить обед, покупать газеты, словом, полностью обслуживать Ильича. Помню, особенно много хлопот мне доставляли газеты. Владимир Ильич просил, чтобы ему покупали непременно все газеты. Газет в киосках иногда нехватало. Мне приходилось поэтому вставать пораньше, чтобы застать газеты. Иногда я ездила за ними на Выборгскую сторону и даже на Невский проспект.

Когда уехала Юзя, Владимир Ильич начал интересоваться моими кухонными делами, например, тем, как я достаю мясо, иногда даже заглядывал в кухню.

По вечерам изредка Владимир Ильич выходил из квартиры. Однажды он вышел и долго не возвращался. Я не спала, ожидая его. Прошел час ночи — его нет, половина второго — нет, половина третьего — нет! Начала волноваться, решила, что с Ильичем что-то случилось. Что, думаю, делать? Пойду, посмотрю на улицу. У нас двор открытый, видна вся улица. Я вышла на двор, смотрю — как будто на той стороне стоит Владимир Ильич, присмотрелась — нет, это ходит милиционер с винтовкой. Вернулась в квартиру. Потом опять вышла во двор. Ильич явился уже около четырех часов утра. Он по пояс был в грязи. Я тихонько спросила его:

— Что такое?
Он ответил:
— Завтра расскажу! — И прошел к себе в комнату.

Утром он мне рассказал, что произошло. Подходя к дому по Сердобольской улице, он наткнулся на патруль, который остановил его и потребовал документ. Проверка удовлетворила солдат. Но патруль мог пойти за ним, к нашему дому. Ленин поэтому ходил по улице, чтобы проверить, не следят ли за ним. Патруль все не уходил с этой улицы. Тогда Ильич решил пойти на станцию Ланская в парк-питомник. Он знал, что я на всякий случай отодрала в заборе нашего двора две доски со стороны питомника, но не знал, что там есть топкие места. В питомнике он заблудился и много раз проваливался в болото, пока дошел до забора.

Помню еще один случай, который доставил Ильичу несколько тревожных минут. У меня был племянник Женя, студент Политехнического института. Перед переездом Ильича на мою квартиру я нарочно поссорилась с Женей для того, чтобы он перестал ходить ко мне. Но совершенно забыла о том, что Женя оставил у меня свои вещи. Они как-то понадобились ему, и он пришел за ними. Меня дома не было. Женя начал звонить. Ильичу звонки показались условными, он пошел было отворить дверь, но потом услышал какой-то разговор на лестнице и ушел обратно в свою комнату. Тем не менее Женя услышал осторожные шаги Ильича и продолжал звонить. За дверью уже не слышно было ни звука. К счастью, в это время подоспела я.

Женя ехидно мне сказал:

— Что это, Маргарита Васильевна, у вас кто-то ходит в квартире?

— Никого нет, это ты напутал, — сердито ответила я.

— А по-моему есть. Я слышал, какой-то старик ходит.

— Откуда ты взял, какой старик?

— Да так, кто-то ходит по коридору старческими шагами.

— А ты чего расшумелся?

— Мне нужно взять мою корзину.

— Ну, нечего тебе ходить поздно вечером и дебоширить здесь. Завтра я оставлю эту корзину у дворника, и ты возьмешь ее там. А сейчас уходи.

Женя ушел. Я вошла в квартиру. Оказалось, что в то время, как Женя звонил, к двери подошла Надежда Константиновна и вступила с Женей в разговор. Этот разговор услышал Владимир Ильич. Из предосторожности Надежда Константиновна ушла. Потом мы все от души смеялись над этой историей.

Владимир Ильич соблюдал предельную конспиративность. Даже Надежда Константиновна бывала сравнительно редко.

Рано утром 24 октября я, как обыкновенно, отправилась за газетами. Еще накануне вечером Владимир Ильич дал мне поручение сходить в Политехнический институт, где в этот день шел митинг, и передать письмо товарищу Сталину, который должен был выступить на этом митинге. Я передала письмо товарищу Сталину и, запасшись га-

зетами, отправилась на свою службу на Васильевский остров, в издательство Девриена. Один из сотрудников вбежал в комнату и закричал:

— Мосты разводят! С Васильевского острова теперь никуда не уйдешь!

Я вскочила со своего места, поспешно оделась и побежала к Николаевскому мосту. Мост действительно был разведен. Я бросилась к Тучкову мосту и по нему перебралась на другую сторону. Всюду на улицах чернели толпы. Из разговоров я узнала, что разводят мосты, чтобы преградить рабочим путь в центр. Поспешно пошла на Выборгскую сторону. Через Большую Невку перебралась на лодке. Куда итти — в Выборгский комитет или к Владимиру Ильичу? Решила итти к Владимиру Ильичу. Он ждал меня с нетерпением.

Рассказала все, что видела. Он тотчас же написал записку и сказал:

— Сейчас же отвезите в Центральный комитет и немедленно вернитесь. Узнайте, какие будут новости.

С запиской я тотчас отправилась в Выборгский комитет, через который Ленин был связан с Центральным комитетом, и здесь из разговоров узнала, что Владимир Ильич хочет непременно сегодня же быть в Смольном. Как раз это и было написано в той записке, которую я только что передала. Комитет ответил, что Владимиру Ильичу выходить опасно.

С этим письмом я и вернулась домой. Между прочим у нас было условлено так: когда я ухожу из дома, Ильич не должен двигаться, чтобы в нижней квартире не слышали его шагов. На этот раз Владимир Ильич забыл об этом условии: он нервно ходил по комнате. Конечно, он забыл и о том, что перед уходом я просила его сделать себе яичницу. Было видно, что он захвачен одной мыслью, одним желанием — итти в Смольный.

Прочтя отрицательный ответ, он вручил мне вторую записку и предложил сейчас же отнести в Выборгский комитет.

Я опять помчалась в Выборгский комитет, застала там Надежду Константиновну и рассказала ей обо всем. Надежда Константиновна колебалась: как быть?

— Не я решаю этот вопрос выходить ему или нет, — сказала она.

Вопрос опять был поставлен в комитете, и Выборгский комитет вторично передал отрицательный ответ.

Я приехала домой с отказом в половине десятого. В комнате у Ленина я застала товарища. Как оказалось впоследствии, этот товарищ по поручению Сталина сообщил Владимиру Ильичу, что его вызывают в Смольный. Но Ленин, видимо, по конспиративным соображениям ничего мне не сказал об этом.

Он снова написал записку и в третий раз послал меня в комитет:

— Жду вас до одиннадцати часов.

Я снова побежала в Выборгский комитет. Когда я вернулась домой, было без десяти минут одиннадцать. Уже открывая входную дверь, я почувствовала жуткую пустоту в квартире — в комнатах

было темно. Волнуясь, никак не могла найти спичек. Толкнулась в комнату к Владимиру Ильичу — комната закрыта.

Начала искать ключ — нет ключа. Насилу нашла спички, зажгла лампу. Смотрю, нет ни платья, ни галош — значит, ушел! Он обещал меня ждать до одиннадцати часов и все-таки не дождался, ушел. На столе лежала записка: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Записка лежала на чистой глубокой тарелке, которую Ильич специально достал.

В первый момент я растерялась — что делать?

Оставив записку, я быстро вышла из дома и трамваем поехала в Смольный. В Смольный пропускали по особым пропускам. Я была членом Петроградского совета, но мой мандат не был перерегистрирован. Вместе с огромной толпой мне удалось все же пробраться в Смольный. Внезапно в этой толпе я увидела Владимира Ильича. Узнала его не сразу — он был в парике, а щека подвязана платком. Затем я бросилась догонять Ильича и догнала его только в 100-й комнате. Владимир Ильич начал раздеваться; снимая с головы шляпу, нечаянно снял вместе с ней и парик. Все это он засунул в карман пальто. Кругом закричали:

— Ильич! Ильич!

Огромная толпа народа окружила Ленина.

Часа в два ночи я отправилась домой.

В шесть часов утра в квартире неожиданно раздался условный звонок — три раза. Это была Надежда Константиновна. Я ей сообщила, что Владимир Ильич ушел еще вечером. Она тотчас же отправилась в Выборгский комитет. Только на третий день она увидела Владимира Ильича.

II. Восстание

В ШТАБЕ РЕВОЛЮЦИИ[1]

На заседании Центрального комитета большевиков 15 сентября обсуждались письма Ленина о восстании. Боевой призыв Ленина испугал оппортунистов и предателей. Каменев резко выступил против Ленина. Он клеветал на Ильича, говорил, что Ленин оторвался от жизни. Он требовал сжечь исторические ленинские письма.

Центральный комитет дал гнусному клеветнику решительный отпор. Товарищ Сталин предложил обсудить письма и разослать их наиболее крупным организациям большевистской партии. Партия повела энергичную подготовку к вооруженному восстанию.

Вести эту работу приходилось строго конспиративно, но одновременно нужно было широко использовать легальные возможности. «Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати», предлагал Ленин. Редактор центрального органа товарищ Сталин блестяще выполнил это указание Владимира Ильича.

Через два дня после заседания Центрального комитета — 17 сентября — товарищ Сталин писал в «Рабочем пути»: «В огне борьбы оживают умершие было советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы. «Вся власть советам» — таков лозунг нового движения... На прямой вопрос, поставленный жизнью, требуется ясный и определенный ответ. За советы или против них».

Каменев протестовал против статей товарища Сталина. Вместе с Зиновьевым он изменнически противодействовал курсу большевиков на восстание, всячески клевеща на Ленина и Сталина. В ответ на это 20 сентября Центральный комитет в особом решении одобрил линию центрального органа и признал, что его направление целиком совпадает с линией Центрального комитета.

---

[1] По материалам «Истории гражданской войны».

Предательски срывал вооруженное восстание также и Троцкий. Как и все меньшевики, он был против вооруженного восстания. Троцкий предлагал отложить восстание до съезда советов. Этим самым он помогал контрреволюции, открывал врагу карты, сеял иллюзии возможности разрешения вопроса о власти на съезде. Вот почему Ленин со всей страстью обрушился на эту позицию. «Ждать съезда советов есть идиотизм, ибо съезд советов ничего не даст, ничего не может дать», писал Ленин.

Чтобы быть ближе к центру событий, Ленин 17 сентября переехал из Гельсингфорса в Выборг, а 7 октября направился в Петроград. С огромными предосторожностями при помощи товарищей он добрался до Петрограда и поселился на квартире у Фофановой в Лесном.

Приехав в Петроград, Ленин прежде всего вызвал к себе товарища Сталина. Сталин пришел в шесть часов вечера. Встреча происходила в квартире рабочего завода «Айваз». Ленин пришел первым. Вскоре раздался удар кулака в дверь, затем еще один, затем звонок. Это был условный знак. Дверь отворили, и в маленькую комнату вошел товарищ Сталин. Ленин просматривал в это время книги. Крепко пожали они друг другу руки, и начался разговор о положении в партии, о настроениях рабочих и солдат. Одному товарищу было поручено наблюдать, не следит ли кто-нибудь за домом. А когда кончился разговор, Ленин направился на свою конспиративную квартиру. Сталин остался еще на полчаса, чтобы дать возможность скрыться Ленину.

Спустя два дня после приезда, 10 октября, Ленин пришел на заседание Центрального комитета. Собралось двенадцать человек. Владимир Ильич явился неузнаваемым: без бороды и усов, в седеньком парике, который он то и дело поглаживал обеими руками. Три месяца не было Ленина на заседании Центрального комитета. Товарищи радостно встретили вождя. Ленин предложил приступить к делу. Члены Центрального комитета сообщили о положении дел. Товарищ Свердлов рассказал о настроениях солдат на решающих фронтах — Северном, Западном и Юго-западном.

Затем с докладом выступил Ленин. Он указал, что политическая обстановка для восстания созрела. Все дело теперь в технической подготовке восстания, которая идет все еще недостаточно. Ленин предложил короткую резолюцию. В резолюции говорилось: «Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Центральный комитет предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)».

Десять человек голосовали за ленинскую резолюцию. Два голоса было против. Это голоса предателей и изменников — Каменева и Зиновьева. Какие только аргументы ни пытались они выдвинуть против Ленина на этом историческом заседании 10 октября! Зиновьев и Каменев яростно отстаивали капитализм. Центральный комитет во главе с Лениным и Сталиным дали решительный отпор капитулянтам.

16 октября было созвано расширенное заседание Центрального комитета с представителями партийных организаций, крупных заводов, профсоюзов, военной организации. Предполагалось присутствие тридцати товарищей. Для собрания решили использовать помещение Лесновской районной думы, председателем которой был Михаил Иванович Калинин.

Долго ходил Ленин по пустынным улицам Лесного, дожидаясь, пока соберутся товарищи. Когда собралось человек двадцать, Владимир Ильич вошел в помещение Лесновской думы. В небольшой комнате на втором этаже Ленин предварительно посовещался со Сталиным и Свердловым. Затем Ильич снял парик и вошел на собрание.

Большинство собравшихся не видело Владимира Ильича с июльских дней. Можно представить себе радость этой встречи. Владимир Ильич шутил и смеялся. Когда Ленин предложил открыть собрание, водворилась полная тишина. Ильич скромно уселся в углу комнаты на табуретке. Все напряженно ждали. Наконец председатель собрания товарищ Свердлов предоставил слово Ленину.

Ленин вынул из кармана листочки бумаги, тщательно исписанные мелким почерком, и бегло взглянул на них. Он огласил резолюцию, принятую Центральным комитетом 10 октября, и сообщил, что против нее высказались только два члена Центрального комитета — Каменев и Зиновьев. Четко и ясно Ленин обрисовал создавшееся положение. С цифрами в руках, приводя результаты выборов в городские и районные думы, он показал соотношение сил в столицах, затем охарактеризовал настроения на фронте и в деревне и дал оценку международному положению. «Из политического анализа классовой борьбы в России и в Европе, — говорил Ленин, — вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженное восстание». И со всей силой он обрушился на тех, кто, выступая против вооруженного восстания, предает интересы пролетариев и трудящихся. Ленин говорил спокойно, сдержанно. Иногда он прохаживался по комнате, продолжая речь. Голос его становился резче, когда он разоблачал противников восстания.

Речь Ленина, продолжавшаяся около двух часов, была выслушана с огромным вниманием. Когда он кончил, прошло несколько секунд в абсолютном молчании. Затем раздался громкий голос Свердлова, доложившего от имени Центрального комитета о положении дел. После него выступили представители профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Доклады с мест полностью подтвердили анализ Ленина: массы готовы к восстанию.

Предатели и на сей раз пытались атаковать позиции Центрального комитета. Монотонно и упрямо Зиновьев и Каменев повторяли все те же доводы: «На подкрепление из Финляндии и Кронштадта рассчитывать не приходится. Враг силен, неизбежна деморализация, не нужно торопиться и рисковать».

Но вот из-за стола поднялся товарищ Сталин. Спокойно и уверенно он разбил капитулянтские доводы предателей. «То, что пред-

лагают Каменев и Зиновьев, — это объективно приводит к возможности контрреволюции сорганизоваться. Мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию».

Слова Сталина разоблачали трусов и предателей. Нервно суетились они, порываясь перебить его разоблачающую речь.

Ленина и Сталина полностью поддержал Свердлов. Тесно связанный со всеми основными районами страны, он хорошо знал положение. Он рассказал собранию, как лихорадочно готовит свои силы контрреволюция и как много нужно сделать для усиления подготовки к восстанию. «Техническая подготовка должна быть энергичнее», говорил Свердлов. Против предателей резко выступил Феликс Дзержинский. Страстно обрушился он на их вражескую позицию. Голос его гневно дрожал, когда он разоблачал мелких, трусливых людишек, прикрывающих свое предательство визгливым криком о заговоре.

Прения затянулись до утра. Затем была одобрена резолюция Центрального комитета. Вопрос о сроке восстания предоставлялось решать самому Центральному комитету. Резолюция призывала «все организации и всех рабочих и солдат ко всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания». Но Каменев и Зиновьев и после этого пытались сорвать осуществление решения Центрального комитета. Они требовали немедленного телеграфного созыва пленума Центрального комитета, а когда это было отклонено, Каменев заявил о своем выходе из Центрального комитета. Накануне решающего сражения он предательски бежал с поста.

После собрания члены Центрального комитета перешли в другую комнату и создали для практического руководства восстанием военно-революционный центр, в который входили Сталин, Свердлов, Дзержинский и др.

Разоблаченные и разбитые в Центральном комитете, Каменев и Зиновьев решились на неслыханно подлое преступление. 17 октября через несколько часов после совещания они направили в меньшевистскую газету «Новая жизнь» заявление о своих разногласиях с Центральным комитетом.

На другой день, 18 октября, заявление Каменева и Зиновьева появилось в этой меньшевистской газете. До сих пор обсуждение вопроса о восстании было строго законспирировано. Враг не знал о том, что предпринимает большевистская партия. Теперь благодаря предательскому шагу Зиновьева и Каменева было оглашено секретное решение Центрального комитета. Враг, предупрежденный предателями, немедленно стал действовать.

Узнав из письма Зиновьева и Каменева о подготовляемом выступлении, командующий войсками Петроградского округа полковник Полковников немедленно разослал по гарнизону спешный приказ. Он предложил всех лиц, являющихся в казармы с призывом к выступлению, немедленно арестовывать и отправлять в распоряжение коменданта города. Полковников запретил уличные манифестации, митинги и процессии. Он приказал всякие выступления немедленно пресекать вооруженными силами. 18 октября перед Зимним дворцом были

установлены броневые автомобили с пулеметами. В тот же день состоялось секретное заседание Временного правительства, на котором военный министр и министр внутренних дел доложили о мерах, принимаемых против выступления, после него — особое военное совещание по охране Петрограда. «Конкретные меры уже намечены, одобрены и будут проводиться с завтрашнего дня», заявил Полковников.

На 19 октября были вызваны юнкера, усилены караулы, в разных частях города размещены казаки. По улицам были разосланы дополнительные патрули. Столицу разделили на районы, в каждом из которых «поддержание порядка» возложили на командиров частей.

Письмо Зиновьева и Каменева в «Новую жизнь» было поднято на щит всей меньшевистско-эсеровской сворой. Газеты злобно клеветали, что большевики натравливают на правительство беглых матросов и дезертировавших с фронта солдат. Газета «День» сфабриковала даже «план» большевистского восстания и опубликовала его на своих страницах. Используя предательство двух изменников, обливая большевиков потоками грязи и клеветы, вся эта компания требовала от правительства принять срочные энергичные меры.

Утром 18 октября Ленин написал ответ на письмо Зиновьева и Каменева, посланное ими в Петроградский, Московский и другие комитеты. Он еще не знал, что заявление Зиновьева и Каменева опубликовано в прессе. Но едва Ленин закончил свой ответ, как ему принесли номер газеты «Новая жизнь». Ленин сразу оценил создавшееся положение. Он почувствовал, какой удар в спину революции нанесен этими двумя изменниками. Ленин обрушился на эту парочку людей, совершивших величайшую измену и предательство. Ленин написал специальное письмо членам партии большевиков, каждая строчка которого дышала гневом и возмущением. «Можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский? — спрашивал Ленин. — Несомненно, что практический вред нанесен очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров».

Письмо Ленина обсуждалось на заседании Центрального комитета 20 октября. Каменева вывели из состава Центрального комитета. Зиновьеву и Каменеву запретили выступать с какими-либо заявлениями от имени большевиков. Штрейкбрехерский шаг нанес огромный удар подготовляемому восстанию: Вооруженное восстание пришлось отсрочить, чтобы не попасться в ловушку врага. Но вопрос о восстании не был снят. «Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена, — писал Ленин, — и все ж таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!»

Отбросив жалких капитулянтов и изменников, под руководством партии Ленина — Сталина пролетариат победил.

Е. АЛЕКСЕЕВА

ЗАСЕДАНИЕ В ЛЕСНОМ

На выборах в районные думы Петрограда мы одержали большие победы. В нашу Лесновскую районную думу прошли главным образом большевики. Михаил Иванович Калинин был избран председателем. Я в это время работала на заводе «Айваз». Михаил Иванович предложил мне перейти на работу в думу. Я стала работать в финансовом отделе; мать моя поступила туда уборщицей. Мы поселились в помещении самой думы. Кроме основной работы я выполняла партийные поручения. Вечерами помогала матери убирать рабочие комнаты.

Мы заняли под думу дачу на Болотной улице в доме № 13. Собрали мебель, но ее нехватало. Заседания бывали часто. Всякий раз приходилось собирать стулья из всех комнат.

Иногда по вечерам оставались работать сотрудники. В окнах дачи часто до поздней ночи был виден свет, а в ворота постоянно проходили люди. Аппарат думы состоял главным образом из наших товарищей, исключая немногих меньшевиков и эсеров. Комендантом Лесного был также большевик.

Все это, видимо, учли, когда было решено устроить конспиративное заседание Центрального комитета большевистской партии в помещении нашей думы.

О самом заседании я узнала в тот день, когда оно должно было состояться. Помнится, оно было устроено после получки, которая обычно у нас бывала 15-го числа. В такие вечера меньше всего заходило посетителей — сотрудники торопились домой.

С утра занятия шли обычным порядком. Приходили посетители, звонил телефон, стучала на машинке думская машинистка.

Около трех часов дня Калинин вызвал меня к себе.

— Вот что,— сказал он.— Если будет меня спрашивать делегат из Кронштадта, приведи его ко мне. Он придет в три часа.

Затем он справился, здесь ли сотрудники думы эсер Сергиевский и меньшевик Добрасов, и попросил меня зайти еще раз, позднее.

Только я вышла из кабинета Калинина, зазвонил телефон внизу. Звонил Сергиевский. Он сообщил, что сегодня не придет, и просил, чтобы посетителей приняли другие. Встретив Добрасова, я сказала ему об этом, но он ответил, что сам скоро уходит и принимать никого не будет.

Зайдя немного спустя к Калинину, я передала ему все это.

— Вот и отлично,— сказал он.— Ты теперь сама не уходи. Входные двери не закрывай, а только притвори. Будут приходить ко мне посетители, не останавливай их, а покажи, куда пройти. Увидишь сама, какая придет публика. Если придут обыкновенные посетители — не пускай. Мы здесь будем долго. У тебя никого не будет?

— Нет, не беспокойся,— ответила я, уходя.

Посетителей к Михаилу Ивановичу обычно пропускал секретарь, иногда это приходилось делать мне, и я знала, что часто у него бывали партийные товарищи, проходившие вне очереди.

Из осторожных указаний Калинина я поняла, что собирается важное партийное совещание и что требуется проявить максимум внимания и бдительности.

Выйдя из кабинета, я спустилась вниз, в свой финансовый отдел, находившийся у самых входных дверей. Отсюда хорошо был виден всякий входивший в думу.

Вскоре пришел посетитель, обративший на себя мое внимание. Это был человек выше среднего роста, в темном осеннем пальто, с коричневым шарфом или башлыком, обернутым вокруг шеи.

— Михаил Иванович здесь? — спросил он.

— Здесь,— ответила я.— А вы кто?

— Я делегат из Кронштадта.

Пригласив итти за мной, я довела его до кабинета Калинина, и там они о чем-то совещались.

В четыре часа занятия окончились; перестали приходить посетители, разошлись сотрудники. Дверь я не запирала. Всякий стук, особенно звонок (он был очень громкий) могли привлечь внимание жильцов соседнего дома и старика-дворника, а человек он был ненадежный.

У дверей я не стояла, а наблюдала за приходящими издали.

Лампочку над входом и в прихожей я погасила. Оставила лампочку лишь на дворе, на боковой стене дома, обвитой диким виноградом. Эта лампочка горела постоянно по ночам. Ее свет не только освещал часть двора недалеко от входа, но проникал и на лестницу и в часть коридора первого этажа у входа, так что входящие сразу видели, как пройти наверх.

Собираться стали около семи часов, когда совсем стемнело. Я не помню, кто пришел первым, да и не могла в темноте особенно внимательно разглядывать приходивших. Посетители являлись по-одному, немногие по-двое. Заметила только, что некоторые были в штатских пальто, часть в солдатских шинелях. Все они поднимались, не раздеваясь, и оставляли пальто в кабинете Калинина. У многих была плохая хлюпающая обувь, набухшая от долгого пути по мокроте. Некоторые, заметив меня, спрашивали, как пройти. Я молча показывала, и они поднимались по лестнице. Многие шли совершенно уверенно, как будто хорошо знали помещение.

Все время быть у дверей я не могла. Как на зло на кухню пришел дворник, а Михаил Иванович дал мне указание убрать этого дурашливого старика. Дворник часто по вечерам приходил к матери покалякать о том, о сем. И сегодня, придя на кухню, он плотно уселся, видимо, с намерением просидеть весь вечер. Мать моя была занята — я попросила ее постирать,— возиться с ним пришлось мне, поить чаем, разговаривать, в то же время прислушиваться к тому, что делается в передней части дома. Видимо, и он слышал, что кто-то приходит, так как спросил, что сегодня в думе. Я отделалась словами о

каком-то совещании. Сплавить его удалось лишь часов около девяти.

Пришлось принять и другие меры предосторожности. В первом этаже в кухне я приготовила одно из окон, из которого можно было бы выскочить на заднюю часть участка и через забор скрыться на соседние дворы. Надо было также заняться собакой. Между служебной постройкой, где жил дворник, и главным домом стоял птичник, в котором помещалась собака. Это был огромный сен-бернар, чутко отзывавшийся на каждый стук. Я его хорошо накормила и несколько раз выходила, стараясь успокоить, когда он громко лаял. Подойдя еще раз к главной двери, я заметила, что она закрыта на замок. Поняла, что собрались все.

В это время над головой, в комнате культурно-просветительного отдела думы, действительно, послышался шум, передвигание стульев, как будто там усаживались. Это началось заседание.

Тогда я пошла в кухню и стала приготовлять чай, как об этом просил меня Калинин. Очень беспокоило отсутствие в кухне занавесок на окнах. Поэтому свет пришлось выключить и двигаться в темноте ощупью. Только наливая стаканы, зажгла маленькую свечку.

В те дни настоящий чай был редкостью. Я получила пакетик чаю из продовольственной управы и пользовалась им для пленумов думы, когда Калинин, бывало, просил:

— Катя, завари чайку.

На этот раз я решила заварить этот думский чай. Но с сахаром вышло осложнение. Думского сахара не было, своего на всех нехватило. Подсахарила лишь часть стаканов, взяла поднос и пошла наверх.

Пройдя по темному коридору, я на секунду приостановилась перед закрытой дверью, прислушиваясь к шуму, и, наконец, вошла в комнату. Это был момент перерыва. Видимо, кто-то только что закончил доклад, и прения еще не начались. Входя, я услышала чью-то фразу:

— Владимир Ильич! Трудно сейчас работать на местах.

И тут я увидела Ленина.

Слышала, как Ленин ответил:

— Вы говорите, что очень трудно работать на местах. А что же, по-вашему, дело само может сделаться? Без трудностей ничего не бывает.

Я не удивилась, что Ленин здесь. Чувствовалось, что собрание важное и оно не могло быть без него. И в то же время заволновалась, увидев Ленина так близко. Первый раз я видела его в мае на митинге в Политехническом институте, где он произнес замечательную речь перед тысячной толпой рабочих и студентов. Затем после июньских дней Ленин скрывался от преследований буржуазии. А теперь снова вижу его среди боевых соратников.

Ленин сидел в дальнем углу комнаты, за печью, у маленького столика. Обычный ленинский темный пиджачный костюм, белый воротничок, галстук. Необычно было только отсутствие бородки. Рядом с Ильичем сидели Сталин и Свердлов.

Висячая лампа очень слабо освещала комнату, оставляя в полумраке углы.

Когда я была внизу, мне казалось, что собралось человек десять. Войдя же в комнату, увидела более двадцати человек. Все они сгруппировались в глубине подальше от окон — центром был Ленин. Часть присутствующих сидела на стульях, принесенных ими из кабинета Калинина и других комнат, часть стояла у стен.

Поставив поднос на стол, я хотела разнести стаканы, но многие товарищи сами встали и забрали стаканы. Видно, горячий крепкий чай был очень кстати в эту ненастную осеннюю ночь.

Стакан с сахаром все же успела поставить Ленину. Остальных предупредила, что чай несладкий, но они мне отвечали:

— Ничего, ничего, у нас свой сахар есть...

Конечно, никакого сахара у них не было, и говорили они это, чтобы успокоить меня.

Подав чай, я спустилась вниз, решила обследовать, нет ли какой опасности. Погода была жуткая. Шумел в деревьях ветер, шел мокрый снег, тотчас таявший на земле. Темнота была такая, что на расстоянии десяти-пятнадцати шагов нельзя было увидеть человека. Прошла к калитке, вышла на Болотную, огляделась. Как будто — никого. Улица казалась вымершей. Пошла в сторону Лесной, завернула и вдоль забора нашего участка дошла до поворота улицы. Напротив, во втором этаже деревянного дома, жил секретарь Сергиевского — эсер. Из его окон хорошо было видно здание думы, и я боялась, как бы он что-нибудь не заметил. Но и его окна были темны. Повернула обратно. Войдя во двор, я снова прислушалась под окнами. Внезапно резко и отчетливо прозвучал голос Володарского. Я быстро вошла в дом, поднялась наверх и открыла дверь в комнату. Сейчас же кто-то быстро обернулся и спросил, в чем дело. У двери все время стоял один из участников совещания.

Я рассказала о своих наблюдениях. По комнате раздалось:

— Тише, товарищи, тише!

И все стали говорить вполголоса.

В течение ночи я выходила наружу несколько раз. Было очень неспокойно на душе. Особенно страшно было, когда обходила сад, где за каждым кустом могли прятаться невидимые в темноте люди. Напряженно прислушиваясь к звукам ночи, я ходила, как маятник. Мертвая тишина, царившая в здании, прерывалась лишь стуком шагов и голосами, гулко доносившимися сверху.

Во второй половине ночи, примерно, часа в три, наверху раздались шаги, задвигали стульями. Я подумала, что собрание окончилось, и поднялась наверх. Некоторые из собравшихся вышли из комнаты и группами разговаривали в коридоре у дверей.

Ленина я встретила у лестницы. Освещен был только коридор, идущий вдоль наружной стены.

В комнате, где происходило заседание, свет погасили и снимали материю с окон. Михаил Иванович попросил меня помочь повесить ее в комнате, где занимался Добрасов, и прибрать там лишнее, чтобы

не мешало. Окна этой комнаты выходили на Лесную улицу. Когда мы закрывали окна, заседание продолжалось уже в ней. Все ли в нем участвовали — я не знаю, так как опять спустилась вниз и больше не поднималась.

Эта часть заседания продолжалась сравнительно недолго. Расходились, вероятно, часа в четыре-пять утра. Уходили, как и пришли,— по-одному, по-двое. Часть задерживалась, ожидая, пока пойдут трамваи. Когда и с кем ушел Ленин — я не заметила. Последним ушел Калинин и захлопнул за собой дверь. Услышав это, я поднялась наверх. Увидев, что все ушли, пошла в свою комнату. Чувствовалась большая усталость, но радовало то, что все прошло благополучно.

Рано утром, выйдя из комнаты, увидела мать, убиравшую комнату, где было заседание, и ворчавшую на то, что наследили. Помогла ей докончить уборку. Никого из служащих не было, и мы без помехи привели все в порядок.

Так прошло это историческое заседание. Никто в думе о нем так и не узнал, а через несколько дней произошло вооруженное восстание, судьба которого окончательно была решена в стенах Лесновской районной думы в ту памятную ночь 16 октября.

П. ДЫБЕНКО

МОРЯКИ БАЛТФЛОТА

Еще в сентябре 1917 года произошел откол Балтийского флота от Временного правительства.

Моряки не признавали Керенского и шли только за большевиками. Состоявшийся в Гельсингфорсе второй съезд моряков Балтфлота хорошо подтвердил это.

Мне вспоминается 25 сентября, когда состоялось открытие съезда. День выдался солнечный. Чистые улицы и пристань Гельсингфорса под лучами северного солнца выглядели как-то особенно нарядно и празднично. С десяти часов утра от пристани потянулись одна за другой колонны демонстрантов — моряков и солдат крепостных полков. Черные их шеренги, поблескивая острием штыков, наполняли улицы бодрящими всплесками революционных песен.

Шли к Бруно-парку. Недалеко от него пришвартовалась к берегу яхта «Полярная звезда». На яхте собирались делегаты съезда.

Прогуливающиеся по аллеям парка шведские и финские буржуа враждебно осматривали стройные ряды демонстрантов.

Демонстранты требовали мира, земли, хлеба. Они требовали вырвать власть из рук эксплоататоров и передать ее советам.

На борту яхты выстроились делегаты съезда. На берегу — тысячи демонстрантов.

— Мы собрались, чтобы спаять вас всех воедино, сковать единой волей и вести на борьбу на баррикады, — несется голос с яхты.

Громкие раскаты «ура» были ответом на эти слова.

Второй съезд моряков Балтфлота открылся в четырнадцать часов 25 сентября. В президиум были выбраны четыре большевика и два левых эсера.

Вместе со всем Балтийским флотом съезд верил партии большевиков и шел за ней.

Балтийский флот на съезде прямо и ясно выразил свое отношение к буржуазному правительству. Для Балтийского флота Временного правительства не существовало. «Безответственному же министерству и выделенному из искусственно подтасованного Демократического совещания Предпарламенту, отвергшему защиту интересов обездоленных классов, доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на иоту».

Съезд потребовал от Центрального исполнительного комитета немедленного созыва Всероссийского съезда советов и передачи власти в руки советов. В случае отказа мы предлагали Петроградскому совету взять инициативу в свои руки.

Съезд приветствовал представитель гельсингфорсской организации большевиков. Он предупредил, что буржуазия не сдаст легко власти, и призвал съезд готовиться к предстоящим битвам с русской буржуазией.

Но съезду пришлось одновременно сплачивать силы революционного Балтийского флота и против германского империализма. Пользуясь бездействием англо-французского флота и Временного правительства, германский империализм ринулся своими главными морскими силами в Балтийское море, угрожая революционному Петрограду.

В Гельсингфорсе из Або была получена следующая телеграмма: «Направлению Гельсингфорса проследовала немецкая воздушная эскадрилья. Пролетая над городом, сброшена бомба». Одновременно от сторожевых миноносцев была получена радиограмма: «В море появилась немецкая эскадра». Положение было угрожающим. Немецкая эскадра превосходила наши силы в несколько раз.

Временное правительство приняло решение — перенести столицу из мятежного Петрограда в белокаменную Москву. Буржуазия столицы мечтала о немецких штыках, которые наведут порядок в Петрограде. Полное бездействие английского флота на Балтике тоже не могло быть случайным.

В газетах появилось заявление бывшего председателя IV Государственной думы, матерого вождя крупных дворян-землевладельцев Родзянки:

«Петроград находится в опасности. Я думаю, бог с ними, с Пет-

роградом. Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения. На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что кроме зла России они ничего не принесли. Со взятием Петрограда флот все равно погибнет, но жалеть не приходится — там есть суда, совершенно развращенные».

Становилось ясным, что контрреволюция готовится свести счеты с революционными рабочими, солдатами и моряками при помощи вооруженных сил Германии. Нужно было защитить во что бы то ни стало горячее сердце революции — Петроград — и от внутренней контрреволюции и от германского империализма.

Боевые приказы выполнялись беспрекословно и точно. На кораблях и командах Центробалтом была установлена железная революционная дисциплина.

Мне вспоминается один из этих осенних дней.

По-северному ранние и мглистые сумерки уже давно окутывали Гельсингфорс. Трудовой день на кораблях закончился. Команды сошли на берег, и матросы разбрелись по своим делам.

Но вот получена телеграмма о появлении немецкой эскадры — прозвучала боевая тревога.

Воздух разорвался тревожным ревом сирен. К берегу помчались буксиры и катера.

Со всех улиц спешили к пристаням матросы.

Катера заполнялись с молниеносной быстротой и, переполненные матросами, плыли к кораблям. Команды спешили занять свои боевые посты.

Ровно через десять-пятнадцать минут в городе не осталось ни одного матроса. Все были на своих местах — на кораблях и в командах.

Моряки-балтийцы встали грудью на защиту революционного Петрограда.

«Морские силы Рижского залива шлют привет, дорогие товарищи. Будьте стойки, умрите, но не уступайте наступающему извне врагу, посягающему на нашу революцию. По первому зову мы готовы и с вами умрем, но не допустим посягательств. Сообщите о себе.

«Рюрик», «Богатырь», «Олег» и «Андрей Первозванный».

С таким радио обратились к нам команды кораблей, находившихся на передовой линии.

Наступил час испытаний. Корабли с гельсингфорсского и других рейдов вышли навстречу немцам. Миноносцы, шныряя по заливу, сторожили врага. Подводные лодки в открытом море, выставив свои перископы, спокойно подстерегали вражеские суда. Центробалт и судовые комитеты не покладая рук работали над укреплением боеспособности флота.

Помнится, как на заседание второго съезда моряков прибыл командующий флотом контрадмирал Развозов. Он заявил, что берет на себя руководство операциями против немецкой эскадры, и задал съезду вопрос: можно ли быть уверенным, что его боевые приказы будут выполняться беспрекословно?

На этот вопрос ему был дан ответ: «Ваш приказ в бою — закон.

Тот, кто осмелится не исполнять боевого приказа, явится врагом революции и будет расстрелян».

В развернувшейся морской операции немецкая эскадра благодаря своему качественному и количественному превосходству первоначально имела некоторый успех. Однако недешево он дался.

Немецкие морские офицеры встретили не развалившиеся суда, как клеветал Керенский, а Красный флот, спаянный единством большевистской воли и революционным энтузиазмом.

Моряк Визянев с погибшего миноносца «Гром» докладывал съезду моряков об одном из морских сражений:

«1 октября, примерно, в полдень, нами были замечены на горизонте неприятельские корабли. «Гром» вместе с другими миноносцами и канонерской лодкой «Храбрый» снялись с якоря и пошли навстречу немцам. Не успел «Гром» пройти небольшое расстояние, как в месте только что оставленной им стоянки стали рваться снаряды крупных калибров с неприятельского дредноута, ведшего огонь из-за острова. Вскоре снаряды стали попадать и в наш миноносец. На «Громе» ими был пробит борт и испорчена машина. Эти повреждения не лишили мужества команду миноносца. Она под жесточайшим обстрелом немецких пушек, когда море вокруг буквально кипело в воронках рвущихся снарядов, продолжала с методической точностью вести огонь по немецким судам. Немцы, видя в «Громе» серьезного противника, сосредоточили на нем интенсивнейший артиллерийский обстрел. Одно за другим орудия замолкали на «Громе». Количество пробоин увеличивалось с каждой минутой. «Гром» уже не в состоянии был откачивать своими средствами воду, хлынувшую через пробоины. На помощь «Грому» поспешила канонерка «Храбрый». Под ураганным огнем немцев она пыталась взять наш миноносец на буксир. Это была незабываемая минута.

От гула рвущихся снарядов с трудом можно было услышать в двух шагах человеческий голос. Брызги воды, смешанные с ядовитыми газами взрывов, затрудняли дыхание. Наш всего полчаса тому назад гордый и отважный «Гром», израненный и истерзанный, захлебывался водой.

В этом хаосе звуков, ежеминутно рискуя жизнью, матросы обоих кораблей пытались закрепить буксирный трос. Наконец это удалось. Канонерка потянула наш миноносец. Но в этот момент — то ли от попавшего вражеского снаряда, то ли не выдержав тяжести наполнившегося водой миноносца, — трос лопнул. «Гром», скользнув несколько сажен по инерции, снова беспомощно закачался на кипящих волнах моря.

Немцы, видя аварию, обнаглели и двинулись своими превосходными силами к нашим судам с очевидным намерением расстреливать их в упор.

Только тогда команда с «Грома» стала переходить на «Храбрый».

Раненый машинист Симончук отказался перейти на канонерку и остался на миноносце, на котором он столько выстрадал в прошлом.

После того как «Храбрый» отошел от «Грома», на последнем

взвился столб черно-желтого дыма. Оглушительный взрыв потряс воздух, и расколовшийся «Гром» сначала медленно, затем быстрее пошел ко дну. На том месте, где только что видели его истерзанный корпус, забурлила воронка воды, а через мгновенье прокатились волны, покрывшие не дождавшийся светлых дней «Гром» и взорвавшего его машиниста Симончука.

«Храбрый» продолжал вести бой и на глазах у всех потопил два немецких миноносца.

Команда «Грома», перешедшая на канонерку, также принимала участие в бою, и многие из нее были убиты уже во время боя на «Храбром».

Доложив об этом сражении, Визянев просил съезд принять самые решительные меры к обузданию желтой прессы и правительства, называвших моряков-балтийцев предателями.

Через восемь дней после нападения немецкой эскадры на Балтийский флот гул вражеских пушек стал постепенно стихать. Немцы, прорвавшие моонзундскую оборонительную линию, заняли укрепление островов Эзель, Даго, Моон и Вормс. Но эти потери не охладили веры балтийских моряков в свои силы. Они твердо удерживали вторую оборонительную линию и геройски отстояли Петроград.

Озлобленный нападением немецких броненосцев, Балтийский флот попрежнему высоко держал свое революционное боевое знамя. Представители моряков писали в воззвании:

«В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью наших братьев, когда смыкаются темные воды над их трупами, мы возвышаем свой голос. С уст, сведенных предсмертной судорогой, мы поднимаем последний горячий призыв к вам, угнетенные всего мира!

Поднимайте знамя восстания!»

А когда 11 октября открылся съезд советов Северной области, я от имени Балтийского флота обратился к съезду со следующими словами:

«Спасти Балтийский флот, революционный Петроград и революцию может только советское правительство, которое предложит мир всем народам. Флот категорически отказался выполнять какие бы то ни было приказы Временного правительства. Он выполнит приказы комиссаров советов и советского правительства. Все силы и средства Балтийского флота — в распоряжении съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению. Промедление в деле захвата власти и передачи ее в руки советов грозит волнениями на кораблях».

Съезд советов Северной области выслушал подлинный голос рабочих, солдат и моряков и показал готовность масс к восстанию.

Помню, как во время съезда я был командирован на Ижорский завод с заданием разбить на митинге выступающих там меньшевиков Церетели и Дана. На заводе я поставил вопрос ребром:

— Флот хочет знать — с кем вы: с нами, рабочими, матросами и солдатами, или с Временным правительством?

Рабочие единогласно приняли резолюции против буржуазного правительства за советы.

Присутствовавший на митинге Церетели обратился ко мне со словами:

— Товарищ Дыбенко, вы призываете к вооруженному восстанию. Мы будем вынуждены снова вас арестовать...

На это я ответил:

— Да, я призываю к вооруженному восстанию, а насчет ареста посмотрим — кто кого.

С бодрым настроением я вернулся в Гельсингфорс. Было ясно, что наступали решающие события.

НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ[1]

Предоктябрьский митинг на Обуховском заводе происходил в огромном недостроенном корпусе. Обтянутая красным трибуна была окружена десятитысячной толпой рабочих и работниц. Люди тесно усаживались на штабелях дров и кирпича, взбирались высоко вверх на брусья и на подоконники широких окон.

Возле трибуны на возвышении стояли представители большевистской партии, рабочие, солдаты и иностранные рабочие-делегаты.

Первым на трибуну поднялся Луначарский. Он говорил о том, что только советы могут защитить революцию от ее врагов, сознательно разрушающих страну, создающих почву для новой корниловщины.

Последним выступил солдат с Румынского фронта, с бледным изможденным лицом:

— Товарищи! Мы голодаем и мерзнем на фронте, мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, не выдадим своей революции, пока мы живы.

После речи солдата была принята следующая резолюция:

«Обуховские рабочие, собравшись на многочисленном митинге и заслушав речь представителя Румынского фронта, выражают уверенность в неразрывности революционного союза солдат и рабочих.

Мир, хлеб, свобода одинаково нужны солдатам и революционным рабочим.

Общими силами трудовой народ свергнет недостойное буржуазное правительство, одобренное бывшими социалистами, положит конец политике, ведущей страну к гибели из ненависти к революции, и создаст в России новую власть — власть советов рабочих и солдатских депутатов, которая не только спасет революционную Россию,

---

[1] Обработал по воспоминаниям рабочих М. Рованов.

но и сможет призвать могучим голосом все народы мира к братству и низвержению угнетателей.

Да здравствует союз революционных солдат, крестьян и рабочих!»

Так на своем предоктябрьском митинге обуховские рабочие перекликались с солдатами фронта.

Настроение обуховских рабочих в эти дни было боевое. Большевики были хозяевами положения. Но эсеры и меньшевики, выгнанные из совета, окопались в заводском комитете. Отсюда они продолжали вести свою подрывную работу. Когда контрреволюционная буржуазия, пытаясь предотвратить пролетарскую революцию, начала разгрузку революционного Петрограда, обуховские соглашатели горячо поддержали ее. Под руководством начальника завода генерала Горбо и эсеровского заводского комитета началась эвакуация оборудования с Обуховского завода. Совместно они разработали подробный план распыления завода, составили перечень наиболее ценного оборудования, которое надлежало вывезти в первую очередь, наметили маршруты и адреса отправки.

И вот стали снимать с фундаментов станки. Это было тяжкое зрелище, варварство, от которого у старых обуховцев кровью обливалось сердце.

Будто разрушали народный дом...

Острыми ломами поденщики дробили у основания станков цементный пол.

Летели брызги цемента, грохотали погружаемые в вагоны станки, пустели и замирали недавно еще полные жизни шумные мастерские. За один только сентябрь были опустошены пушечная, часть станочной, молотовой и несколько других мастерских. Погружено было на баржи и в вагоны тысяча пятьсот мест весом в сто шестьдесят тысяч пудов.

Когда большевики получили большинство в районном совете, они энергично выступили против разрушения завода. В сентябре общегородская конференция фабрично-заводских комитетов в своем решении заявила, что так называемая разгрузка — фактически эвакуация — не разрешит продовольственного кризиса, ударит по интересам рабочих и приведет к разрушению производительных сил страны. Конференция заявила, что эвакуация, проводимая буржуазией, означает лишь закрытие заводов и фабрик, предпринимаемое для борьбы с рабочим классом. План разгрузки Петрограда является контрреволюционным заговором против рабочего класса, идущим в помощь военным контрреволюционным заговорам имущих классов.

Решение конференции, отпечатанное в заводской типографии в виде листовки в тысячах экземпляров, большевики расклеили по всем мастерским. Одновременно под председательством члена партийного комитета товарища Ильина была создана комиссия противодействия эвакуации. Рабочие отказывались выполнять распоряжения по эвакуации завода.

Общее собрание обуховских рабочих состоялось 1 октября. Обсуждали вопрос о разгрузке Петрограда. Собрание решительно выс-

казалось против разгрузки, заявив, что «выход из тяжелого положения экономической разрухи заключается в регулировании контроля всего производства государственной властью, находящейся в руках советов рабочих и солдатских депутатов, и введении трудовой повинности». В качестве практических мер собрание наметило «разгрузку Петрограда от праздношатающейся публики Невского, Морской и т. д.»

В дни съезда советов Северной области обуховские рабочие еще раз подтвердили, что они навсегда порвали с оборонцами. На общезаводском митинге 12 октября большинством голосов они приняли большевистский наказ.

«Собрание рабочих Обуховского завода, — говорилось в резолюции, — приветствует Северный областной съезд советов, который в лице обуховских рабочих найдет надежную поддержку в его борьбе с контрреволюционным Временным правительством, и считает, что единственное спасение страны и революции есть немедленный переход власти в руки советов. Собрание призывает товарищей рабочих и солдат сплотиться вокруг советов как истинно революционных организаций, и что только братский союз революционных рабочих и солдат даст отпор врагам народа и выведет страну из настоящего тяжелого положения.

Посылая наш горячий привет героям-матросам Балтийского флота, беззаветным борцам за революцию, мы заявляем, что защита Петрограда может быть действительной только в руках власти революционных солдат, крестьян и рабочих, а не Временного контрреволюционного правительства, желающего вывести революционных солдат из Петрограда, чтобы предать очаг русской революции в руки Вильгельма и сговорившихся разбойников-капиталистов, желающих утопить в крови русскую революцию.

Да здравствует власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует Интернационал!»

Приветствовать съезд собрание послало большевика Обухова, анархиста Петровского и беспартийного рабочего Денисова.

Прямо с собрания обуховская делегация поехала на съезд, где в тот же день вместе со всеми делегациями Северной области голосовала за немедленный переход власти в руки советов.

15 октября, через пять дней после того, как Центральный комитет партии большевиков по предложению Ленина принял решение о немедленной подготовке к вооруженному восстанию, Петербургский комитет партии обсуждал это решение вместе с большевистским активом заводов и гарнизона.

— Мы приближаемся к развязке, — говорил докладчик. — Мы стоим накануне выступления. Надо взять власть в свои руки.

В прениях выступил товарищ с Обуховского завода.

— Раньше Обуховский завод был опорой оборонцев, — говорил он, — теперь произошел перелом в нашу пользу. На митинги, органи-

зуемые нами, приходят пять-семь тысяч человек. Мы имеем оружие. Организован революционный комитет. Завод безусловно выступит по призыву Петроградского совета.

Речь обуховца несколько раз прерывалась аплодисментами.

На другой день, 16 октября, на заседание Центрального комитета большевиков по вопросу о вооруженном восстании решено было пригласить представителей крупных заводов. Свердлов и Сталин включили в список приглашенных двух обуховских большевиков. 16 октября представители поехали на совещание в помещение районной думы в Лесном. Ехали до Лесного на двух трамваях, соблюдая строжайшую конспирацию, стараясь не притащить с собой опасного «хвоста». Далеко от думы вышли из трамвая. Лил дождь. Ветер с моря пронизывал насквозь. Около часа блуждали обуховцы по темным переулкам с поднятыми воротниками.

Когда они, мокрые и продрогшие, вошли в думу, совещание уже началось. В напряженной тишине обуховцы услышали знакомый голос.

— Массы идут за нами,— говорил Ленин.— Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Ленин жестоко обрушился на презренных штрейкбрехеров — Зиновьева и Каменева,— выступавших против восстания. Разоблачая их паникерскую, предательскую линию, Ленин доказал, что восстание неизбежно и «политически уже оно назрело».

Ленина поддержало большинство. Вопрос о вооруженном восстании был в эту ночь решен окончательно, решен вопреки презренным изменникам и штрейкбрехерам — Каменеву и Зиновьеву.

Во время собрания к обуховцам подошел Ленин.

— Ну, как дела, обуховцы?—спросил Ильич, приветливо улыбаясь.

— Хорошо, Владимир Ильич,— отвечали они,— мы готовы.

— Сколько пойдет за вами в момент восстания? Можно ли ожидать, что обуховцы выступят против нас, когда начнется восстание?

Представитель обуховцев ответил, что противодействия вооруженному восстанию со стороны рабочих ожидать нельзя.

Узнав, что на заводе уже немало вооруженных красногвардейцев, Ленин похвалил обуховских большевиков. Поздно ночью вернулись обуховские рабочие домой.

Энергично развернулась теперь подготовка к вооруженному восстанию на Обуховском заводе. Стерлась грань между днем и ночью. Рабочий день большевиков превратился в сутки, но и суток нехватало.

Еще с корниловских дней существовал революционный комитет, где работали обуховские большевики. Революционный комитет обратился к рабочим с призывом вступить в ряды Красной гвардии. Сотни рабочих шли записываться. Комитет отбирал только самых надежных. Начальником Красной гвардии Обуховского района был назначен председатель революционного комитета Потемкин. Помощником его стал большевик Левицкий.

Красногвардейцев разбили на десять отрядов. Во главе каждого

отряда поставили большевиков — Левицкого, Обухова и др. Они организовывали военное обучение красногвардейцев. Одного из большевиков назначили заведующим хозяйством и оружием Красной гвардии. Работы хватало всем. Небольшие запасы собранного за последние месяцы оружия приходилось постоянно пополнять из самых разнообразных источников.

На станции Обухово большевики перехватили подарок добровольческому батальону Керенского — десять новеньких пулеметов.

22—23 октября Обухова и Егорова послали за оружием в Петропавловскую крепость, где только что образовался большевистский полевой штаб. Оружие предназначалось для Красной гвардии всего Невского района. Наполнив автомобиль драгоценным грузом и оставив своего товарища в городе, Егоров тронулся в обратный путь.

Несколько раз ездили представители обуховского революционного комитета в город за оружием. С Выборгской стороны, с завода взрывчатых веществ, они привозили гранаты, пулеметные ленты, из Смольного — винтовки. Большевики-обуховцы энергично готовились к вооруженному восстанию.

Е. СУРКОВ

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО

К этому дню мы готовились давно. На поле в промежутках между строевыми занятиями и учебной стрельбой среди красногвардейцев велись горячие разговоры: когда, наконец, придет этот долгожданный решительный день — день вооруженного восстания. Красногвардейцы рвались в бой против ненавистного Временного правительства. Но руководители из путиловского большевистского комитета успокаивали самых нетерпеливых:

— Ваше от вас не уйдет. Ждите призыва партии.

И мы ждали, а пока изо дня в день маршировали после работ по топкому Петергофскому шоссе, учились строю, перебежкам, применению к местности, метали гранаты, а иногда даже устраивали парады рабочей Красной гвардии.

Как только создался Военно-революционный комитет Петроградского совета, стало понятно, что восстание не за горами. 18 октября у нас за Нарвской состоялось общее собрание красногвардейских боевых дружин. Определенно было сказано, что в любую минуту надо быть готовыми к выступлению. В заключение комендант боевых дру-

жин района взял у одного красногвардейца винтовку, неумело стал в боевую позу и скомандовал самому себе:

— К бою готовьсь!

Собрание оживилось. Все было совершенно ясно.

Еще через день — 19 октября — мы в нашем транспортном цехе собрали солдат Тарутинского полка, работавших на заводе. Поставили перед ними вопрос прямо:

— Пойдете с нами до конца? Вы с нами шли против генеральской контрреволюции Корнилова. Мы вас поддерживали в ваших требованиях. Вместе с нами вы принимали резолюцию, требующую передачи всей власти советам. Теперь наступает решительный момент. Нужно силой свергнуть Временное правительство.

Тарутинцы объявили себя боевой дружиной, выбрали командиров — сотника, десятских — и стали частью путиловского красногвардейского отряда. Теперь уже на заводе и на верфи было двенадцать сотен — общей численностью свыше полуторы тысячи человек организованных и вооруженных красногвардейцев. Отряд был построен так, что в нужный момент каждая сотня развертывалась в роту в двести сорок штыков, и, таким образом, отряд составил бы два полных боевых красногвардейских полка.

Наш отряд был снабжен всем необходимым. У нас были винтовки и пулеметы. Мы имели свои — собственного производства — пушки, тяжелые и легкие, зенитные орудия, грузовики, двуколки, санитарные повозки, походные кухни, которыми мы в корниловские дни снабжали Измайловский полк.

О том, что пришла пора выступать, стало известно 22 октября. В этот день Петроградский совет, руководимый большевиками, проверял готовность масс к восстанию. Огромный митинг на Путиловском заводе показал, что рабочие только ждут сигнала, призыва своей большевистской партии. В этот день по всему городу — полкам, заводам, фабрикам — проходили собрания. В Павловский полк, с которым мы были тесно связаны, были посланы наши товарищи. Вернувшись, они сообщили, что солдаты-павловцы целиком стоят за захват власти советами и вместе со всеми петроградскими пролетариями пойдут свергать Временное правительство буржуазии.

Для того, чтобы обеспечить успех восстания, мы направили разведку в места, где были расположены воинские части. В Нарвско-петергофском районе их было немало: два донских казачьих полка и вологодская пешая дружина — на Обводном канале; Николаевское кавалерийское училище — на Лермонтовском проспекте; автомобильные части — на Гутуевском острове; казачий эскадрон — на даче Шереметьева. А в пригородах, прилегавших к району, — Лигове, Стрельне, Петергофе, Ораниенбауме — находились пулеметные полки, авторота, школа прапорщиков, пехотные части. О некоторых из них, как, например, о Николаевском кавалерийском училище, нам было известно, что в корниловские дни они намеревались выступить на стороне контрреволюции. Во всех этих воинских частях побывали наши товарищи. Они выясняли настроение солдат, определяли обстановку и заодно на-

мечали места для красногвардейских дозоров, которые должны были в момент восстания задержать колеблющиеся части в казармах. Эту боевую операцию по расстановке дозоров за Нарвской начали еще с утра 24 октября.

Рано утром 25 октября меня как сотника дружины вызвали в заводской комитет. Деревянное здание заводского комитета было запружено людьми. Но никакой суеты не было. Я протолкался в комнату, где обычно находился член заводского комитета, ведавший вооружением рабочих. Там уже был представитель районного революционного комитета. Он отдавал короткие распоряжения вызванным к нему командирам боевых дружин. Мне было приказано: собрать свою сотню и отправиться к арке Главного штаба на Морскую улицу. Там я получу дальнейшие распоряжения. Было сказано, что наш отряд предназначается для наступления на Зимний дворец, где окопалось Временное правительство. За нами двинутся солдаты разных полков, поэтому необходимо, чтобы отряд путиловцев составился из таких красногвардейцев, которые пойдут только вперед.

Из завода мы вышли после полудня. Было нас человек восемьдесят: молодые обмотались крест-накрест пулеметными лентами, за поясом наган; пожилые, солидные рабочие — с одной винтовкой и полными карманами патронов. Было и несколько стариков-путиловцев. Большинство состояло членами партии большевиков. На этих бойцов вполне можно было положиться — они ни за что не отступят. Шли мы, не спеша, по Садовой до Сенной, затем свернули влево, к Морской, и направились к месту назначения. По дороге дважды останавливались для перекурки, и оба раза я предупреждал товарищей: кто чувствует хоть малейшую слабину, колебание — вернись. Никто не ушел.

Жизнь в городе текла попрежнему: магазины были открыты, извозчики ездили не торопясь, на улицах толпилось много людей. Наш красногвардейский отряд не вызывал к себе особенного внимания: он был обычным явлением тех дней.

Чем ближе мы подходили к Невскому, тем сильнее нас охватывало необыкновенное чувство уверенности и вместе с тем волнения. Мы запели любимую красногвардейскую песню «Смело, товарищи, в ногу», и боевые слова ее звучали для нас в эти минуты по-особому:

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда.
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

У Невского навстречу нам стали попадаться патрули. Там шло передвижение войск, занимавших исходные позиции для штурма последней твердыни Временного правительства — Зимнего дворца. Кое-где стояли пулеметы и пушки. Узнав, что мы путиловцы, нас встретили приветствиями и криками «ура».

Путиловский отряд остановился у самой арки Главного штаба. Нам отдали приказ — расположиться так, чтобы не попасть под об-

стрел юнкеров, и ждать дальнейших распоряжений. Ждать пришлось долго — часа три. За это время мы смешались с солдатами и матросами, стоявшими тут же. Двое матросов, обвешанных гранатами, заявили, что пойдут вместе с нами, путиловцами, в головном отряде.

Каждую минуту приходили новые вести. Говорили о захвате солдатами мостов, о прибытии подкрепления из Кронштадта, о том, что Зимний окружен со всех сторон и ряды защитников Временного правительства редеют.

Приходили вести и из Смольного. Мы чувствовали, что наше дело крепнет с каждой минутой — решительный момент наступает.

Нетерпение охватывало осаждающих: чего ждем, скорей в атаку!

Но приказа Военно-революционного комитета не нарушил никто. Терпеливо ждали сигнала — пушечного выстрела.

Перестрелка вначале велась вяло с обеих сторон. Но час от часу становилось жарче. С наступлением темноты пошли в ход пулеметы. Кольцо осады все больше и больше сжималось. Мы подвигались вперед небольшими перебежками. Дул холодный октябрьский ветер. Было слякотно. Накрапывал дождь. При перебежках мы валились в грязь, лежали, пока не подтянутся цепи, снова подымались, шли вперед и опять валились в грязь. Подвигались медленно. Перед нами маячила огромная Александровская колонна с ангелом наверху. Красногвардейцы между собой говорили: до ангела доберемся — веселей станет, а там скоро и конец будет временным правителям. Наш отряд был впереди всей солдатской цепи. Мы стреляли по ярко освещенным окнам Зимнего, по штабелям дров, за которыми засели юнкера. У юнкеров позиции были выгоднее: мы выходили на открытую площадь, они были за солидными прикрытиями. Наши товарищи предложили разнести штабели артиллерийским огнем. Но командиры не согласились: и без артиллерии обойдемся. Казалось, войска Временного правительства сдадутся сами. Некоторые, действительно, сдавались. Но были упорные контрреволюционные отряды, остававшиеся верными своему буржуазному правительству.

Наконец загрохотали пушки Петропавловской крепости. Ударил выстрел с крейсера «Аврора». Раздался выстрел из-под арки Главного штаба. Сигнал дан.

В атаку! На штурм!

Прямо лобовым ударом двинулся на Зимний крепкий кулак из рабочих Нарвской заставы, Выборгской и Петроградской сторон, моряков и солдат. От Миллионной улицы двинулись наши друзья — павловцы. Они поклялись честно сражаться за народ. И выполнили свою клятву. От Александровского сада шли густые цепи осаждающих — василеостровцы, рабочие Московской, Нарвской застав, солдаты-кексгольмцы. Лавина обрушилась на дворец. Мы перескакивали через штабели дров, как заправские гимнасты. Сбивали юнкеров и «ударниц» из женского батальона смерти. Они бросились наутек. Преследуя их, ворвались во двор, затем в самое здание дворца. Наш отряд разбился на части. Возле меня осталось человек тридцать. Мы гнались по лестницам дворца за юнкерами с первого

на второй, со второго на третий этаж. Затем — на чердак и на крышу.

Так загнали мы их в тупик. Повинуясь грозному крику «бросай оружие», перепуганные, бледные юнкера и офицеры складывали винтовки.

Мы уводили их вниз.

В поисках спрятавшихся юнкеров наши красногвардейцы забрели в царскую кухню. Там в большом медном котле обнаружили человека. Это был один из царских поваров. Дрожа и плача, он просил пощадить его, хотя никто и не думал его трогать. У него только потребовали чего-нибудь поесть. Он открыл какую-то кладовую. Хлеба там не было — зато была вкусная колбаса.

В одной комнате мы наткнулись на раненых солдат в темносиних халатах. Они совсем не беспокоились, дружески с нами говорили и были довольны совершившимся. Главное — войне чтоб конец, говорили они.

В этом мы их уверили — уж большевики добьются, чтоб война прекратилась.

Обходя комнаты, подвалы и закоулки дворца, мы нашли немало спрятавшихся юнкеров. Очистив Зимний от контрреволюционной нечисти, многие солдаты и матросы разбрелись по дворцу смотреть «царскую хату». Но всюду по инициативе самих красногвардейцев стали постовые. Все ходы и выходы из дворца были заняты. Зимний дворец стал нашим. Восставший народ захватил последний оплот буржуазии.

А. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ КОМИССАРА

Во время моего дежурства в батальоне 22 октября мне принесли мандат от Военно-революционного комитета. Я назначался комиссаром Военно-революционного комитета в огнеметно-химический батальон, где состоял младшим офицером. К мандату была приложена записка. «Ни одного решения без вашего ведома, ни одного распоряжения, — говорилось в записке. — Товарищам сказать, чтобы — какие бы ни происходили события — ничего не предпринимать без санкции Петроградского совета».

Одновременно Николай Ильич Подвойский вызвал меня в Смольный.

Мандат и записка говорили сами за себя. Таких же комиссаров Военно-революционный комитет назначил во все воинские части

петроградского гарнизона. Это и было началом активного выступления.

Получив мандат, я направился в казармы к солдатам батальона. На общих собраниях солдат по ротам обрисовал создавшееся положение и объяснил им цель моего назначения.

— Полки петроградского гарнизона должны быть готовы каждую минуту выступить с оружием в руках в защиту своего выборного органа — совета, — заявил я.

Настроение солдат было хорошее. Помню, в одной роте у солдата вырвался искренний возглас: «Давно бы так!»

Направился в штаб батальона. Командира батальона полковника Мартюшова не застал. Принял меня его помощник поручик Надеждин. Прочтя мандат Военно-революционного комитета, он поднял на меня свои холодные глаза и бесстрастным голосом заявил:

— Мы принимаем распоряжения и назначения только от штаба Петроградского военного округа. Вы как офицер должны были бы это знать.

— Хорошо, — ответил я, — попробуйте действовать помимо меня. Помните, тогда ни одно ваше распоряжение не будет выполнено солдатами.

Глаза Надеждина блеснули злобой. Пожав плечами, он сказал:

— Хорошо, я передам ваши слова командиру.

Я ничего не ответил и, выйдя из комнаты, поспешил в Смольный, чтобы получить дальнейшие инструкции.

В небольших комнатах в третьем этаже Смольного, где помещался Военно-революционный комитет, все волновалось и кипело. Поминутно приходили и уходили люди, получая различные распоряжения. Товарищ Подвойский обрадовался моему приходу.

— Очень кстати, — сказал он, — поезжайте-ка в Гренадерский полк, там у нас до сих пор нет комиссара.

— Но ведь я, Николай Ильич, только что получил назначение комиссаром в свой батальон, — напомнил я ему.

— Ничего, будете совмещать, — ответил мне Подвойский, — части расположены не так далеко одна от другой. Имейте в виду, что Гренадерский полк принимал активное участие в июльских событиях, подвергся за это репрессиям, настроение там довольно упадочное, а нам очень важно держать этот полк в своих руках.

Получив еще один мандат Военно-революционного комитета, я направился к месту нового назначения.

В Гренадерском полку всеми делами заправлял полковой комитет, состоявший в большинстве из левых эсеров. Они встретили меня довольно любезно, но опасно было полагаться на таких «друзей».

Гренадерский полк имел большое значение, и я решил обосноваться именно в нем, а с огнеметно-химическим батальоном поддерживать главным образом телефонную связь. Я отправился туда. Большевистская ячейка батальона одобрила такое решение. Солдаты выделили специальную революционную тройку, которая замещала бы комиссара на время его отсутствия.

Я вернулся в Гренадерский полк. Решил никуда не отлучаться и расположился в помещении пулеметной команды, где оказались свободные кровати.

На другой день рано утром я позвонил по телефону Подвойскому. Он сообщил: момент открытого столкновения с Временным правительством приближается; Временное правительство собирает вокруг себя преданные ему части и, несомненно, сделает попытку разогнать Петроградский совет; нужно быть все время на-чеку — в полной боевой готовности.

Узнав об этом, я немедленно переслал в запасный огнеметно-химический батальон следующее распоряжение: «В батальонный и во все ротные комитеты. Петроградский совет в опасности. Предлагаю произвести точный расчет по-ротно всех способных выступить на защиту Петроградского совета».

Из батальона ответили: «По постановлению батальонного комитета выбран временный центральный орган из трех лиц. Оружие у нас в порядке. Количество людей — четыреста человек налицо. Ваше приказание будет исполнено. Пока все. Что будет — известим».

Такой же учет был проведен и в Гренадерском полку. В нужный момент он мог выставить около тысячи штыков.

В то время как я занимался этим подсчетом, прибежал солдат и сообщил, что Временное правительство разводит мосты. Мне невольно вспомнились июльские дни, когда именно с этого и начался поход против нас.

Я сформировал два патруля и послал их к Гренадерскому и Сампсониевскому мостам с поручением — во что бы то ни стало свести мосты.

Вскоре один из патрулей вернулся и притащил с собой какие-то тяжелые железные предметы.

— Товарищ комиссар, — доложил мне старший, — мы свели мост, а чтоб надежнее было — забрали ключи. Теперь уже его никак нельзя развести.

За патрульными, кряхтя и ругаясь, тащился старик — сторож моста, недовольный тем, что солдаты забрали порученное его охране имущество.

— Ничего, не беспокойся, — сказал я старику, — ключи у нас будут в полной сохранности. Вот мы положим их здесь в полковом комитете, а когда все успокоится, вернем тебе обратно.

Старик ушел. Такое же распоряжение о присылке ключей в полковой комитет мы дали и другим патрулям. Комнаты были завалены тяжелыми ключами.

После попытки Временного правительства развести мосты Военно-революционный комитет организовал постоянную их охрану. Каждый мост поручили охранять полку, расположенному вблизи. Гренадерскому полку поручили охрану Сампсониевского и Гренадерского мостов. Охрану Тучкова моста возложили на огнеметно-химический батальон. Было ясно, что, потерпев неудачу с мостами, Временное правительство будет готовить новый выпад. Мы решили поэтому взять

под свое наблюдение Петроградскую сторону и разослать по всем близлежащим к полку улицам патрули.

Особенно важно было не допустить концентрации войск, верных Временному правительству. Наибольшую опасность в этом отношении представляли военные училища. Наша задача состояла в том, чтобы взять под наблюдение Павловское и Владимирское училища, которые находились между запасным огнеметно-химическим батальоном и Гренадерским полком.

Наблюдение за Павловским училищем облегчалось тем, что в стенах училища находилась обслуживающая команда солдат, очень небольшая по численности, но революционно настроенная. С ней-то мы и установили самую тесную связь. Вечером 23 октября к нам в полк прибежал солдат этой команды и сообщил, что Павловское военное училище получило приказ от Временного правительства явиться в полном составе на Дворцовую площадь.

Решено было обследовать положение на месте. Я и два члена полкового комитета немедленно поехали в училище.

У Павловского училища стояли группы солдат, вооруженных с ног до головы. В одном месте прямо на мостовой, посредине улицы, стоял пулемет.

Оказалось, что солдаты огнеметно-химического батальона, узнав о решении правительства вывести училище на Дворцовую площадь, по своей инициативе выставили стражу перед зданием училища. Солдаты заявили нам, что они готовы немедленно принять бой с юнкерами, если те вздумают выступить на поддержку Временного правительства.

Мы направились в помещение команды солдат училища и застали там большое волнение. Маленькая комнатка, освещенная небольшой электрической лампочкой, опускавшейся с потолка, была битком набита шумно разговаривавшими солдатами. Председатель комитета сообщил о событиях, происходящих в училище.

Получив приказ Временного правительства прибыть на Дворцовую площадь, юнкера собрались уже выступить, но команда солдат училища категорически заявила, что она с оружием в руках воспрепятствует этому выступлению. Совместно с отрядом Красной гвардии фабрики «Дукат» и солдатами химического батальона команда оцепила училище; пулеметы были расставлены так, что все входы и выходы были под пулеметным обстрелом. Несмотря на свою малочисленность солдаты и рабочие приготовились не допустить выступления юнкеров. Председатель комитета показал мне набросанную на клочке бумаги дислокацию отрядов с указанием, где находятся пулеметы. Все это было хорошо продумано. Небольшая группа солдат-смельчаков была готова дать серьезный бой военному училищу.

Узнав, что происходит заседание училищного комитета, на котором обсуждается вопрос о выступлении, мы немедленно направились туда. В это время на заседании выступал какой-то офицер, член соглашательского Всероссийского центрального исполнительного комитета. Видя, что собрание далеко не единодушно, он предложил «со-

гласительную» резолюцию, смысл которой был таков: комитет Павловского военного училища считает нежелательным в данной обстановке выступление юнкеров на улицу, но если Временное правительство настаивает и даст вторично приказ о выступлении, то Павловское училище немедленно выполнит приказ.

Когда он кончил, я попросил слова как представитель Гренадерского полка. Затем выступили члены нашего полкового комитета. Было ясно: если нам не удастся убедить юнкеров, придется вступить с ними в бой. Мы сказали, что нависла опасность гражданской войны и выступление юнкеров будет в этом отношении первым шагом. Гренадерский полк наготове. Он не допустит выступления юнкеров на улицу.

Вскоре после наших выступлений решили голосовать. Результаты голосования показали колебание и нерешительность юнкеров: человека три было за выступление, человек пять против и около восемнадцати воздержалось. Из голосования ничего не получилось. Решили все же результат голосования считать окончательным и не выступать.

Как выяснилось позже, на вызов Временного правительства явились лишь небольшие кучки юнкеров и казаков: два отделения Михайловского военного училища, часть юнкеров Петергофской, Ораниенбаумской и Гатчинской школ прапорщиков, двести «ударниц» женского батальона и двести казаков. Всего около двух тысяч человек. Было очевидно, что петроградский гарнизон стоит на стороне Петроградского совета.

Соотношение сил складывалось, таким образом, в пользу революции. Военно-революционный комитет под непосредственным руководством товарищей Ленина и Сталина приступил к активным операциям по свержению Временного правительства. Наступило 24 октября — первый день вооруженного восстания.

Окружив себя небольшой группой своих сторонников, Временное правительство засело в Зимнем дворце и ожидало прибытия контрреволюционных войск с фронта, за которыми выехал сам Керенский.

Мы все время поддерживали связь с Военно-революционным комитетом и следили за развертыванием событий и наступлением на Зимний дворец. Гренадерский полк и огнеметно-химический батальон не были привлечены к этим боевым операциям. Их решено было держать в резерве против возможного удара юнкеров с тыла. Это решение впоследствии вполне себя оправдало. Помню, было уже совсем темно, когда раздался первый пушечный выстрел: холостыми зарядами стреляла «Аврора», вошедшая в Неву. Я направил одного солдата на Дворцовую площадь. Солдат вскоре возвратился и сообщил: части, находящиеся в Зимнем дворце, сдаются, и скоро к нам в Гренадерский полк будет препровожден взятый в плен женский «ударный» батальон.

Поздно ночью привели женщин-«ударниц», окруженных конвоем. Их было сто тридцать восемь. Защитницы Временного правительства производили довольно жалкое впечатление. Три из них, в том числе

и их командир, упали в обморок. Мы разместили их в казарме. На другой день получили распоряжение Военно-революционного комитета освободить «ударниц» и предоставить им возможность проехать в свои казармы на станцию Левашово.

В дни борьбы с Красновым и юнкерами наш полк получил специальное задание Военно-революционного комитета. Нам было предложено войти в контакт с Петропавловской крепостью и разоружить юнкеров.

Помню, получив этот приказ, я усомнился, следует ли применять оружие в том случае, если юнкера не захотят подчиниться приказу о разоружении. Я специально поехал в Смольный, чтобы на этот счет получить исчерпывающие указания. Обратился на этот раз не к Подвойскому, с которым обычно вел все переговоры, а непосредственно к члену «пятерки» (военно-революционного центра) товарищу Сталину, который в этих бурных событиях, как никто, сохранил ясную голову и действовал с присущей ему энергией и решительностью. Мой наивный вопрос очень рассердил товарища Сталина. Он не стал пускаться со мною в длинные разговоры, а попросту предложил немедленно приступить к исполнению полученного мною приказа. «Нужно действовать», сказал он мне на прощанье.

Сразу же из Смольного я отправился в Петропавловскую крепость. Там с помощником комиссара крепости мы наметили план действий. Решили начать с разоружения Павловского военного училища и опереться в этом деле на ту самую команду солдат училища, с которой я все время поддерживал связь. Она уже доказала свою преданность революционному делу. Именно ей можно было поручить это важное задание. Помощник комиссара крепости одобрил мой план и обещал со своей стороны поддержку всеми силами крепости. Вернувшись к себе в полк, я связался с командой солдат Павловского военного училища. Они заявили, что могут провести разоружение собственными силами, если я позволю им воспользоваться некоторой частью своих химиков, с которыми они находятся в постоянном контакте. И действительно, операция по разоружению Павловского училища прошла у них великолепно. С помощью части химического батальона они разоружили юнкеров и под конвоем отправили в наш Гренадерский полк, а мы разместили их в тех же казармах, где недавно перед тем находились «ударницы».

Пока мы разоружали павловцев, крупные события произошли во Владимирском училище. Накануне комиссар Владимирского училища, назначенный советом, сообщил нам, что в училище наблюдается брожение; он просил прислать ему на всякий случай отряд химиков. Отряд в училище был послан.

Ночью со срочным донесением вбежал солдат этого отряда. Он сообщил, что юнкера только что пытались разоружить отряд, но солдаты оказали сопротивление и сейчас идет перестрелка. Юнкеров больше, и химики несут потери, нужна помощь. Я немедленно сформировал отряд в двести человек и послал на помощь химикам. Во главе отряда стал подпоручик Никонов, единственный в полку офицер-большевик.

Никонов хотел сначала атаковать помещение училища с фасада, но, увидя, что это очень трудно, поставил заслон, а сам с частью отряда стал через соседний дом пробираться к юнкерам в тыл. Затем туда были стянуты броневики и другие воинские части. Юнкера были разгромлены.

Отряд Гренадерского полка первым вступил в здание. Командир отряда Никонов был назначен комендантом училища. Помнится, каким возмущением против юнкеров были охвачены рабочие, красногвардейцы, солдаты. Когда по середине улицы шли пленные юнкера, окруженные конвоем, огромная толпа кругом шумела и волновалась, требуя немедленной расправы. С большим трудом конвою удалось предотвратить самосуд и доставить юнкеров в Петропавловскую крепость.

ОКТЯБРЬ НА ВЫБОРГСКОЙ[1]

Выборгская сторона к осени 1917 года стала крепостью большевизма. В районном совете большевики господствовали безраздельно. Ищейки Керенского, преследовавшие руководителей большевистской организации столицы, опасались заглядывать за Литейный мост. Не случайно, что именно на Выборгской открылся VI съезд партии, а после съезда сюда перенесли свое местопребывание Центральный комитет и редакция центрального органа. Выборгская сторона всегда делила с Нарвской честь быть самой революционной частью города.

Гневом и возмущением ответили рабочие Выборгской стороны на контрреволюционный мятеж генерала Корнилова. Красная гвардия выросла в эти дни до пяти тысяч человек. Рабочие оставались после гудка, чтобы обучаться строю, стрельбе, правилам наступления. Солдаты частей, расположенных на Выборгской, давали своих инструкторов. На текстильных фабриках организовывались отряды сестер милосердия. Грузовик за грузовиком проезжали через Литейный мост, увозя на фронт против Корнилова боевые припасы. На этих же грузовиках отправлялись агитаторы, пламенное слово которых было еще более мощным оружием, чем снаряды и порох.

«Только высокая сознательность и сплоченность рабочих, верных и неизменных борцов за лучшее будущее, солдат, жаждущих мира, крестьян, все еще не получивших земли, отвели занесенный над головой революции меч» — так несколько позже подводил итоги борьбы с Корниловым Выборгский районный штаб Красной гвардии. Грозная армия генерала Корнилова при встрече с петроградскими ра-

[1] По воспоминаниям рабочих обработал Б. Глебов.

бочими быстро растаяла, «как снег под лучами весеннего солнца», по выражению того же воззвания. Рабочие еще раз почувствовали свою несокрушимую силу.

В один из тревожных дней корниловского мятежа в Выборгский районный комитет партии большевиков явился решительного вида человек и потребовал немедленно его выслушать. Это был делегат шлиссельбургских рабочих, снарядивших и пославших в Петроград шестьсот красногвардейцев и баржу с пироксилиновыми шашками для отпора Корнилову. Возмущенно и взволнованно рассказал он о мытарствах, которые претерпел этот пловучий арсенал. Во Всероссийском центральном исполнительном комитете советов, которому рабочие Шлиссельбурга адресовали свой подарок и где делегаты надеялись встретить радушный прием, их встретили очень кисло. Груз, столь необходимый для военных действий и доставленный в Петроград с опасностью для жизни, был не нужен меньшевикам и эсерам, засевшим в руководстве Центрального исполнительного комитета. Делегаты долго ходили от одного чиновника к другому, пока сам Чхеидзе не сказал им:

— Поезжайте обратно. Позовем, когда потребуется.

Видя недоумение и возмущение делегатов, он обещал взять для нужд совета из тридцати двух тысяч пироксилиновых шашек... пять штук. Делегаты махнули рукой. Долго, как ошалелые, бродили они по Таврическому дворцу и по городу, пока какой-то рабочий не посоветовал им пойти на Выборгскую сторону.

Районный комитет решил принять шашки. Тотчас же об этом было сообщено по заводам, где круглые сутки дежурили члены заводских комитетов. Вскоре на берегу Большой Невки к месту стоянки баржи начали прибывать грузовики. В несколько часов баржа была разгружена. Воодушевлению и радости рабочих не было предела. Пироксилин являлся весьма ценным приобретением для Красной гвардии.

К октябрю на всех заводах и фабриках Выборгской стороны были организованы крепкие отряды Красной гвардии. Отряды старались строить по военному образцу. На заводах «Парвиайнен», «Новый Лесснер», Металлическом были образованы батальоны, по четыреста человек каждый. Батальоны делились на три роты (дружины), роты — на взводы, взводы — на отделения. В батальон входили: пулеметная команда, служба связи, санитарный отряд. Батальонами и ротами обычно командовали унтер-офицеры из рабочих. Взводами и отделениями — солдаты или наиболее подходящие рабочие. Все командные должности были выборные.

Наладились довольно регулярные занятия. Ежедневно на каждом заводе треть красногвардейцев обучалась строю, стрельбе, подрывному делу. Остальные две трети работали. Следующая треть начинала заниматься через неделю. Для занятий выбирали свободные полянки между домами — на них удобно было делать перебежки, рыть окопы.

Первое время занятия проводились со специальными инструкторами из бывших солдат, которые работали с утра до вечера, обучая в день по нескольку партий. Потом обучение перешло к командирам батальонов и рот. Подрывники из Кронштадта обучали на пироксилиновых шашках подрывному делу. Началось обучение стрельбе из пулемета.

Учились красногвардейцы старательно, желая как можно скорее овладеть военным делом. Некоторые отряды устраивали маневры.

На всех заводах рабочие вооружались. На Металлический завод прибыло четыре ящика винтовок. На «Старый Лесснер» в течение нескольких дней октября рабочие и солдаты свозили оружие. Часть этого оружия пошла и на другие заводы. Много патронов, бомб и винтовок было доставлено на «Арсенал». Рабочие «Эриксона», после июльских дней закопавшие свои винтовки и револьверы, теперь выкапывали их, чистили, готовились к бою. Повсюду торопились обучить стрельбе как можно больше рабочих. Выстрелы на импровизированных стрельбищах раздавались день и ночь.

Число красногвардейцев в районе выросло вдвое, достигнув ко дню октябрьского штурма десяти тысяч. На одном «Новом Лесснере» было два батальона — около тысячи человек. При районном штабе Красной гвардии был сформирован продовольственный отдел, выделен специальный заведующий оружием, назначен караульный начальник.

7 октября большевики созвали конференцию Красной гвардии района. На ней присутствовали представители двадцати двух заводов Выборгской стороны. Конференция выслушала доклады с мест и утвердила новый устав Красной гвардии. Был создан штаб Красной гвардии Выборгского района, сразу ставший штабом военного времени. Днем и ночью приходили и уходили вооруженные люди, привозили военное снаряжение, оружие. Беспрерывно трещал телефон. Члены штаба дежурили круглые сутки. Такое же деловое движение было в районном комитете партии и в районном совете. В маленьком помещении, в доме № 13 на Лесном проспекте, стало тесно. Районный комитет, совет и штаб переехали на Большой Сампсониевский проспект в дом № 33, в длинное двухэтажное здание трактира «Тихая долина». Штабу Красной гвардии отвели первый этаж, там же устроили чайную для красногвардейцев.

Солдаты, расквартированные на Выборгской стороне, переходили на сторону большевиков. Московский гвардейский полк, артиллерийский дивизион и другие воинские части установили связь с районным штабом Красной гвардии, помогая ему оружием и людьми.

В доме на углу Лесного проспекта и Выборгской улицы в эти дни возник районный пункт Красного креста. Средства на его оборудование были отпущены очень небольшие: от районного штаба Красной гвардии — двести пятьдесят рублей, от совета — сто рублей. Но это не смущало его организаторов. Через рабочих завода врачебных заготовлений получили несколько ящиков с перевязочными средствами. Быстро изготовили индивидуальные пакеты. Под руководством вра-

чей, студенток-медичек и фельдшериц в центральном пункте и на фабриках обучалось несколько сот работниц и жен рабочих с тем же воодушевлением, с каким рабочие обучались в Красной гвардии.

Подготовка к восстанию велась непрерывно и напряженно.

На заводах и фабриках рабочие спрашивали большевиков:

— Скоро ли пойдем свергать министров-капиталистов?

— Скоро ли винтовки пустим в ход?

— Чего еще ждем?

На Патронном заводе в ответ на нетерпеливые вопросы рабочих— когда же поведут их на штурм — в заводском комитете отвечали спокойно и деловито:

— Давайте хорошие патроны и побольше. Это и будет для вас штурмом.

На Патронном закипела работа, какой завод не знал никогда, даже в самые напряженные месяцы войны. Рабочие по суткам не выходили из мастерских. Работали с охотой, с воодушевлением: на себя работали.

На «Эриксоне» и Металлическом, где меньшевики одно время были сильны, происходили ожесточенные споры. Слушателей у меньшевиков становилось все меньше. На «Эриксоне», который меньшевики считали своим оплотом, они потеряли всякое влияние. На заводе не слушали даже таких соглашательских лидеров, как Гвоздев, Либер, Дан и др. Статьи меньшевистско-эсеровских «Известий» вызывали бурю негодования.

На всех фабриках и заводах принимали теперь резолюции, требовавшие перехода всей власти в руки советов. «День Петроградского совета» — 22 октября — на Выборгской прошел с большим воодушевлением. Становилось ясно — пришло время брать власть.

В ночь с 24 на 25 октября Выборгская сторона напоминала вооруженный лагерь. Прибывали все новые и новые красногвардейские отряды — с «Лесснера», с Металлического, с «Айваза». Штаб Красной гвардии района объявил мобилизацию красногвардейцев. На всех фабриках и заводах были расставлены патрули, местные заводские штабы походили на склады оружия. Отряды красногвардейцев готовы были выступить в любой момент. На Металлическом один отряд остался на заводе, другой направился в распоряжение районного штаба. Красногвардейцы расходились патрулями по углам улиц, захватывали проезжавшие автомобили и отправляли их в штаб. В амбулаториях заводов и фабрик дежурили красные сестры и студентки-медички. Отряд за отрядом уходили из штаба в город в распоряжение Военно-революционного комитета. Все делалось быстро, четко, без суеты, без лишних фраз.

По Литейному мосту мерно зашагали отряды вооруженных рабочих. Они шли брать власть. Мост охраняли красногвардейцы Металлического завода, охрана была нужна: Временное правительство пыталось, как в июльские дни, развести мосты города. Но на этот раз не удалось — не позволили рабочие и солдаты. В комитете Гренадерского полка большой грудой лежали в углу ключи от Самп-

сониевского и Гренадерского мостов. Мосты были заняты красногвардейцами Выборгского района.

Отряд красногвардейцев завода «Розенкранц», направлявшийся для охраны Смольного, был обстрелян из окон одного из домов. Красногвардейцы не растерялись. Тотчас они оцепили дом и произвели обыск. Оказалось, что стреляли офицеры Кирасирского полка. Их тут же арестовали.

Контрреволюция готовилась задушить начавшееся восстание. Ретивые белогвардейцы рыскали по городу. В дом № 8 по Финляндскому проспекту, где одно время помещался Центральный комитет партии, ворвался какой-то полковник с юнкерами, чтобы арестовать Ленина. Полковник вломился сначала во второй этаж, где помещался клуб завода Нобеля, потом отправился с обыском по всем этажам.

Вызванные красногвардейцы арестовали полковника.

Всю ночь на 25 октября и весь день 25 октября рабочие постепенно занимали город. Выборжцы прежде всего захватили важнейшие пункты в своем районе. Быстро, без особых происшествий заняли почтово-телеграфные отделения. Служащим приказали продолжать работу без перебоев. К каждому телеграфному аппарату поставили контроль из матросов, которые, зная азбуку Морзе, переписывали тексты нужных телеграмм. Солдаты большинства частей, расположенных на Выборгской, помогали рабочим.

Около шестидесяти красногвардейцев завода «Розенкранц» по приказанию районного штаба явилось занимать Финляндский вокзал. Там дежурили солдаты Павловского полка. Командир красногвардейского отряда сказал начальнику караула:

— Именем рабоче-крестьянского правительства предлагаю сдать караул.

Начальником караула был унтер-офицер. Красногвардейский командир похлопал его по плечу:

— Мы с тобой оба фронтовики, делить нам нечего. Твоей старой власти уже нет. Иди-ка спать.

После недолгих переговоров караул был снят. Красногвардейцы заняли вокзал. Тут же расположился санитарный пункт.

Отряд красногвардейцев Металлического завода, присоединив несколько рабочих с «Розенкранца», отправился на штурм Михайловского артиллерийского училища, расположенного возле Финляндского вокзала. Юнкерские училища в числе немногих пунктов города были островками старой власти, которые еще не были захлестнуты волнами народного восстания.

Красногвардейцы окружили Михайловское училище, навели на него пулеметы и через делегацию предъявили ультиматум: сдаться немедленно. Юнкера были захвачены врасплох. Убедившись, что сопротивление бесполезно, они вывесили белый флаг. Красногвардейцы вошли в здание. Перепуганные юнкера с позеленевшими лицами жались у стен. С поспешностью притащили они винтовки и револьверы, сложили их в кучу. Сдали все оружие и в придачу предложили взять имеющиеся у них запасы белой муки. Красногвардейцы не

отказались. В продовольственную комиссию районного совета на грузовиках были отправлены мешки первосортной крупчатки и несколько корзин еще горячих булок.

В этот день выборжцы дежурили в Смольном и Петропавловской крепости, вместе с другими брали телефонную станцию, государственный банк и другие важные пункты города.

К вечеру 25 октября весь город был в руках восставших рабочих. Только Зимний — последняя опора Керенского — еще держался. К дворцу стягивались отряды красногвардейцев, солдат, матросов. Тут же были и рабочие Выборгской стороны. Отряд красногвардейцев «Айваза» и других заводов весь вечер лежал в боевой цепи у арки Главного штаба, временами стреляя в юнкеров, охранявших дворец. Постепенно кольцо вокруг дворца сжималось все больше и больше. По сигналу с Петропавловской крепости грянул выстрел с «Авроры». Начался штурм Зимнего дворца. В два часа ночи Зимний был взят. Перепуганных министров Временного правительства отвели в Петропавловскую крепость. Часть красногвардейцев-выборжцев сразу же после взятия Зимнего отправилась на Петроградскую сторону брать Владимирское юнкерское училище.

На заседании Петербургского комитета 29 октября, на котором подводили итоги восстания по районам, выборжцы доложили:

— События нас не застали врасплох. Красная гвардия (десять тысяч) организована хорошо. Штаб состоит из представителей районного комитета и совета. Власть в руках совета, установлен контроль над почтой и телеграфом, образовано бюро переводчиков, которые оставляют копии со всех телеграмм. Все перевозочные средства реквизированы... Продуктов для Красной гвардии достали порядочное количество.

Восстание победило. Началось строительство новой жизни.

А. АФАНАСЬЕВ

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ СЕСТРОРЕЦКА

В первых числах октября на Сестрорецкий оружейный завод приехал Володарский. Он выступал здесь в первый раз, но слухи о нем как о талантливом ораторе ходили среди оружейников давно. Некоторые из них слышали Володарского на митингах в Петрограде и, вернувшись, рассказывали, как Володарский «полировал» эсеров и меньшевиков.

Задолго до начала митинга помещение летнего театра на Ермоловке было переполнено. На митинг пришли не только большевики.

Меньшевики и анархисты старались занять места поближе к трибуне. Они хорошо знали Володарского и приготовились к серьезному бою.

Митинг открыл руководитель сестрорецких большевиков Восков. Он коротко рассказал о создавшейся в стране обстановке и остановился на текущих задачах пролетариата. Попытка меньшевиков провести в председатели своего лидера — Краковского — провалилась с треском. Председателем рабочие выбрали Воскова.

Начались выступления.

«Вождь» заводских меньшевиков Краковский громко повторил затасканные выпады против большевиков:

— Попытка безумцев свергнуть насильственным путем Временное правительство приведет к полному разгрому пролетариата...

Краковский сделал продолжительную паузу, ожидая, пока утихнут протестующие крики «долой», и, указывая на группу красногвардейцев, патетически воскликнул:

— Уж не эти ли люди в драных ватниках и дырявых сапогах разобьют обученные и одетые многочисленные войска Временного правительства...

Поднявшиеся вновь с необычайной силой крики «долой» заставили меньшевика покинуть трибуну.

Крики и шум мгновенно смолкли, когда Восков, сложив ладони рупором, отчетливо прокричал:

— Слово предоставляется представителю Петербургского комитета большевиков товарищу Володарскому.

Митинг встретил Володарского аплодисментами.

Медленно пройдя вдоль сцены, Володарский остановился около трибуны, посмотрел на свои старые башмаки и печальным голосом обратился к рабочим:

— Выходит, товарищи, что мне согласно меньшевистской теории лучше всего итти в богадельню. Где же мне драться за дело пролетариата, коли у меня дыра в подметках.

В зале раздался веселый смех.

Речь Володарского была посвящена разоблачению предательских и трусливых позиций меньшевиков. Он говорил об империалистической сущности Временного правительства и необходимости захвата власти советами.

В зале давно уже воцарилась тишина, которую не осмеливались нарушить ни меньшевики, ни анархисты.

Он кончил почти тем же, с чего и начал свое выступление:

— Господа меньшевики боятся, что мы не сможем победить, потому что у пролетариата плохие сапоги и шинели... Но меньшевики, очевидно, не знают характера рабочего класса. Если понадобится, мы разденем буржуазию до нитки, догола, но свою боевую пролетарскую армию оденем как следует.

Взрыв аплодисментов и крики «ура» покрыли речь Володарского и раскатились до отдаленных улиц.

Выступление Володарского было воспринято сестрорецкими боль-

шевиками и красногвардейцами как директива партии о подготовке к вооруженному восстанию.

Красная гвардия делилась на сотни, сотни — на десятки. Каждый десяток имел своего командира. В сестрорецком отряде было шестьсот человек.

Красногвардейцы осаждали Воскова одним и тем же вопросом: когда начнется выступление?

Неизвестно откуда по отряду пополз слух, что восстание в Петрограде произойдет без участия Сестрорецка. Командиры сотен ворвались в партийный коллектив:

— Вы здесь заседаете, а с Временным без нас будут кончать!

Воскову пришлось позвонить в Смольный. С большим трудом ему удалось соединиться и разыскать нужного человека. Командиры окружили телефон и застыли в напряженном молчании. Восков говорил по телефону иносказательно, чтобы не вызвать подозрения у телефонисток междугородной станции.

Командиры хитро перемигнулись, когда Восков закончил телефонный разговор вопросом:

— Значит, без нас митинг не начнется?

— Ну вот что, товарищи, — сердито сказал Восков, вешая трубку. — Ступайте проводить военные занятия. И не цепляйтесь за всякий слух.

Но командиры продолжали настойчиво спрашивать, что сказал Смольный.

— Сказали, чтобы были наготове. Вызовут со дня на день.

После гудка красногвардейцы приступали к занятиям.

Это уже были не те сотни, над которыми еще три месяца назад с пугливой злобой издевалась приезжавшая на курорт буржуазия. Команда исполнялась теперь быстро и четко, перебежки делались по всем правилам боя, стреляли дружными залпами.

Тут же молодые санитарки под руководством врача обучались, как оказывать первую помощь раненым.

Близость решительных боев чувствовалась во всем. Все чаще приезжали делегации от петроградских заводов. Еще до июльских дней сестрорецкий большевистский заводской комитет снабдил Красную гвардию столицы четырьмя тысячами винтовок. Перед корниловским мятежом рабочие петроградских заводов получили от рабочих Сестрорецка около семи тысяч новых винтовок. Из далекого Донбасса приехали красногвардейцы-шахтеры и привезли сестрорецким рабочим подарок — несколько ящиков динамита. Обратно они увезли около пятисот винтовок.

С первых чисел октября завод засыпали бесконечными требованиями оружия.

Требований было столько, что Восков созвал специальное заседание заводского комитета, на котором постановили: выдавать винтовки только по ордерам Смольного.

На общем собрании завода 12 октября шесть тысяч пятьсот рабочих внимательно выслушали доклад Воскова о заседании Петро-

градского совета, принявшего большевистскую резолюцию о текущем моменте.

Попытки меньшевиков выступить на этом собрании встречались криками «долой». Настроение рабочих было настолько решительное, что заводские соглашательские лидеры постарались незаметно исчезнуть. Собрание единодушно приняло большевистскую резолюцию.

Подготовка к вооруженному восстанию усилилась. Завод превратился в военный лагерь. Почти у каждого станка стояла заряженная винтовка, подсумки были наполнены патронами. Ежедневно, в три часа дня, командиры сотен обходили со списком цехи и оповещали красногвардейцев о часе и месте сбора. И сейчас же после гудка красногвардейцы выстраивались с винтовками на заводском дворе. Шестьсот человек, разбившись на сотни, выходили за ворота, и ученье начиналось.

23 октября большевик Казимир Киршанский приказал сделать новое знамя:

— Это будет знамя, с которым мы пойдем в бой. Нужно сделать его таким, чтобы буржуи за сто верст видели, с кем они имеют дело.

Жены рабочих немедленно принялись за шитье.

Когда знамя было готово и оставалось только прикрепить его к древку, встал вопрос о лозунге.

— Лозунг, известно, какой: «Вся власть советам», — сказал кто-то из красногвардейцев.

Пожилой плотник, молча стругавший древко, неожиданно горячо запротестовал:

— Нет, не это нужно сегодня писать. Одно слово сегодня нужно на знамя — «революция». Это слово, брат, все означает: и «власть советам» и «смерть буржуям» — все как есть.

— Причем тут революция! Революция уже была в феврале, — защищал свой лозунг красногвардеец, — да и коротко очень.

Но плотник не сдавался и настаивал на своем. Вокруг споривших собралась постепенно толпа, и разногласия грозили перейти в митинг.

Проходивший мимо Восков остановился около плотника и сказал:

— Пусть будет по-твоему, отец. Напиши на знамени: «Революция». Да покрупнее пишите...

Около трех часов дня 25 октября сестрорецкий партийный коллектив получил от Петроградского военно-революционного комитета приказ немедленно перебросить Красную гвардию в распоряжение Смольного. В течение пятнадцати-двадцати минут приказ облетел все цехи. Командиры десятков коротко оповещали своих бойцов о месте сбора и бегом направлялись к заводскому арсеналу.

В шесть часов вечера отряд сестрорецкой Красной гвардии в шестьсот человек выехал в особом составе на помощь своим петроградским товарищам.

На паровоз взобралась группа молодых красногвардейцев со знаменем, несущим грозную надпись: «Революция». Под пение революционных песен состав отходил от станции.

Весь перрон был заполнен провожающими. Все понимали, что отряд отправляется в бой, из которого вернется не каждый, но проводы не были омрачены ни слезами, ни вздохами, ни опасениями.

В Новой деревне отряд высадился и походным порядком тронулся в город.

Совсем стемнело, когда красногвардейцы под непрерывным дождем вышли к набережной Невы и по безлюдным улицам стали пробираться к Смольному.

Отряд был поражен тишиной, которой его встретил восставший город. Бойцы были уверены, что на улицах идет винтовочная стрельба, строчат пулеметы, ухают тяжелые орудия...

Каждые десять-пятнадцать минут их останавливали оклики из темноты:

— Кто идет?!

Это петроградские красногвардейцы зорко стояли на часах. Неожиданно, почти уже у самого Смольного, отряд встретился с Восковым. Красногвардейцы радостно приветствовали его. Восков, не расспрашивая ни о чем, задал только один вопрос:

— Сколько?

Узнав, что явилось шестьсот человек, он рассвирепел.

— Шестьсот человек из шести с половиной тысяч рабочих завода? Позор! — повторял он хриплым голосом. — Отправляйтесь согласно приказу. Я сам поеду на завод, — уже на ходу бросил он рабочим.

До вокзала Восков не шел, а бежал. Прибежав на вокзал, он узнал, что контрреволюционеры-меньшевики из комитета железнодорожников — Викжеля — распорядились поездов не отправлять.

Тогда Восков бросился в паровозное депо к машинистам. Среди машинистов оказались два большевика. Восков показал им свой мандат, и сейчас же один из машинистов повел его на свой паровоз.

Через час он уже был на заводе. Было десять часов вечера. В заводском комитете, как всегда, было переполнено. Не ожидавшие Воскова рабочие бросились к нему с вопросами. Не отвечая никому, Восков обратился к первому попавшемуся рабочему:

— Беги в завод и давай тревожный гудок.

Зловещий рев гудка мгновенно собрал к заводу несколько тысяч рабочих. Коротко и энергично Восков потребовал сейчас же сформировать отряд из пятисот рабочих. Рабочие бросились домой за винтовками.

К часу ночи второй отряд сестрорецких красногвардейцев во главе с Семеном Восковым входил в ворота Смольного. Оба отряда разместились в первом этаже. Но спать не пришлось.

В Смольном никто не спал уже вторую ночь. Каждый час прибывали новые рабочие отряды и, получив задания, исчезали в темноте дождливой осенней ночи. Прибывали на мотоциклах связные, раздавались военная команда, стук прикладов, непрерывные телефонные звонки.

В два часа ночи сестрорецкие красногвардейцы приступили к бо-

евым операциям. Четыре отряда красногвардейцев отправились охранять подступы к Смольному. Первый пост расположился у Суворовского проспекта, второй — у Охтенского моста, третий — у женского монастыря и четвертый — у Смольного, со стороны Невы.

Один из отрядов, в сто человек, под командой большевика Евгения Шахлевича получил приказ разоружить военно-топографическую школу юнкеров. Военно-революционный комитет дал в распоряжение отряда пулеметную команду с тремя пулеметами и своего уполномоченного — Александра Никитина. Школа находилась в районе Литейного проспекта и выходила на две улицы — Кирочную и Фурштадтскую. Дорогой Шахлевич и Никитин выработали план операции. У Литейного и Воскресенского проспектов поставили пикеты, чтобы не пропускать никого в район возможного боя. Весь отряд расположили вдоль стен прилегающих домов. Мало надеясь на то, что дело обойдется без боя, Шахлевич отдал приказ занять верхние этажи двух домов, расположенных напротив школы. Через несколько минут жильцы были переведены в нижние этажи, окна раскрыты, и пулеметы направлены на здание школы. После этой подготовки Шахлевич и Никитин отправились на переговоры. Своему заместителю они приказали ждать их в течение получаса:

— Если через полчаса мы не вернемся — пошлите кого-нибудь справиться о положении дел. Если и он не вернется — открывайте без всяких промедлений огонь.

Во дворе школы парламентеры застали нескольких юнкеров.

— Проведите нас к начальнику школы. Мы из Военно-революционного комитета, — тоном приказания обратился к ним Никитин.

Как только провожатый отошел с ними на несколько шагов, другие юнкера опрометью бросились в подъезд.

— Готовятся к бою, гады, — сказал Никитин. — Ну-ну, готовьтесь, голубчики.

В кабинете начальника их встретил высокий пожилой полковник. Как и ожидали, полковник сдать оружие отказался.

— В борьбе Петроградского совета и Временного правительства мы сохраняем нейтралитет. Поэтому оружие без постановления нашего комитета сдать не могу, — отчеканил он по-военному.

Пришлось послать за комитетчиком.

Комитетчик соглашался сдать только часть оружия. Остальное, по его словам, школе необходимо иметь для учебных целей.

Шахлевич повернул голову к роскошным стенным часам и объявил, что через несколько минут начнется обстрел школы.

Увидев, что слова рабочего не пустая угроза, полковник махнул рукой и вышел из кабинета.

Вызвав два грузовика, отряд быстро наполнил их оружием и с песнями вернулся в Смольный...

Дни и ночи превратились для красногвардейцев в один сплошной день, наполненный боями, обысками, перестрелкой, борьбой. Сестрорецкие рабочие дрались во всех концах восставшего города. Вместе с рабочими других заводов они участвовали в захвате почты, теле-

графа, мостов, вокзалов, ходили патрулями по городу, охраняли Смольный.

Военно-революционный комитет вручил сестрорецкому отряду список и адреса тринадцати типографий, приказав занять их к утру. Было два часа ночи. Красногвардейцы спешно разбились на тринадцать отрядов по десять-пятнадцать человек, выделили в каждом командира и отправились по адресам.

Добраться до типографий, особенно расположенных в центре города, оказалось нелегко. По улицам шныряли в одиночку и небольшими группами юнкера, офицеры и, пользуясь темнотой, обстреливали отряды красногвардейцев. Самым трудным оказалось занять типографию Суворина в Эрталевом переулке, где разместились вооруженные анархисты. Придя в типографию, командир отряда Киршанский оставил красногвардейцев за углом прилегающей к зданию улицы, а сам отправился для переговоров. Но анархисты не пожелали вести переговоры.

Вступать в вооруженное столкновение с хорошо укрепившимся врагом было невыгодно. Тогда пришлось пойти на военную хитрость: Киршанский разделил свой маленький отряд на две неравных части. Большую часть он скрыл в соседнем дворе, а меньшей части отряда приказал открыть стрельбу невдалеке от типографии. Услышав стрельбу, анархисты с револьверами в руках побежали к месту предполагаемого боя. Как только разгоряченные анархисты скрылись за поворотом, Киршанский ворвался с остатком своего отряда в помещение и быстро разоружил оставшихся в типографии часовых.

К утру приказ Военно-революционного комитета был выполнен. Все важнейшие типографии находились в руках рабочих.

В тот же день сотня Александра Никитина после перестрелки полностью разоружила юнкеров Военно-инженерного училища. К сотне Никитина в качестве рядового бойца примкнул Семен Восков. Он первым ворвался в здание училища.

Ночью 29 октября сестрорецкие красногвардейцы получили приказ Военно-революционного комитета немедленно доставить на фронт патроны, снаряды и бомбы с пороховых складов Охты. Казаки Керенского и Краснова подошли уже к высотам Пулкова, и нельзя было медлить ни одной минуты. Фронт требовал оружия, броневых машин и новых отрядов бойцов.

На рассвете 30 октября закончили погрузку грузовиков и ремонт броневых машин. Глядя на работу сестрорецких красногвардейцев, никто бы не смог сказать, что эти люди не раздевались и не спали уже четвертые сутки.

Уже подъезжая к Пулкову, отряд получил сообщение, что войска Керенского разбиты и отступили к Гатчине и Колпину. Киршанский распорядился ехать дальше. В Царском селе получили приказ Военно-революционного комитета «заночевать на месте».

Отряд разместился на ночевку во дворце великой княгини Марии Павловны. Впервые рабочие увидели такую сказочную роскошь. Ковры, позолота, драгоценные безделушки, картины — все это было

брошено и никем не охранялось. При виде всех этих вещей любопытство быстро сменилось ненавистью к тем, кто заставлял рабочих всю жизнь трудиться до изнеможения, жить в грязи, впроголодь.

Утром Казимир Киршанский в течение получаса расталкивал утомленных, измученных боями и бессонницей красногвардейцев. Перед выходом из дворца он произнес короткую речь:

— Законы революции суровы, товарищи. Революцию могут совершать только честные люди. Солдат революции не может поддаться никакому соблазну. Я уверен, что ни один из вас не запятнал себя несмываемым позором и не польстился на разбросанные здесь, добытые нашей кровью подлые побрякушки.

Когда отряд выстроился во дворе и приготовился к отъезду, у одного шофера выпал из кисета золотой медальон.

Шофера моментально разоружили, и тут же по приговору всего отряда он был расстрелян у чугунной ограды великокняжеского дворца.

Ехать дальше не пришлось. Получили сообщение, что красные в Гатчине и, вероятно, вечером привезут в Петроград арестованного Краснова.

Возвратившись в Смольный, отряд встретил там Воскова. Он только что вернулся из-под Гатчины, где в боях с бандами Краснова командовал одним из отрядов. Похудевший, обросший щетиной бороды, с воспаленными от бессонницы глазами, он радостно обнимал приехавших и нетерпеливо расспрашивал о пережитых боях.

Утром 1 ноября, проведя шесть боевых дней и ночей в Петрограде, сестрорецкий отряд Красной гвардии во главе с Восковым выехал к себе на завод.

Как и семь дней назад, из вагонов неслись песни. Бойцы окружили гордое знамя, укрепленное на паровозе. Ветер развевал огромное простреленное красное полотнище с надписью: «Революция».

Н. СВЕШНИКОВ

БОЕВЫЕ ДНИ

В 1917 году я состоял членом Выборгского районного комитета партии и выполнял обязанности казначея. Мы распространяли тогда в районе «Правду», работы Ленина, брошюры, книги, журналы. И вся масса средств, вырученных от их продажи, попадала ко мне. Эта работа составляла важную часть нашего общепартийного дела. Мы все сознавали огромное идейное значение распространения нашей

литературы. Но это имело и материальную сторону. Наш комитет находился, можно сказать, на «хозяйственном расчете».

Помню, бывало, отработав у станка на заводе «Старый Лесснер» и наскоро перекусив чего-нибудь, я бежал в районный комитет, чтобы продать литературу и подсчитать кассу. А наш районный комитет — это комнатка в доме № 62 по Сампсониевскому проспекту, которую нам предоставил районный голова — большевик Лев Михайлович Михайлов.

Наша партия подвергалась тогда преследованиям и травле со стороны всех буржуазных элементов. Но мы жили под покровительством петербургского пролетариата и его славного отряда — рабочих Выборгской стороны. Сюда была закрыта дорога для контрреволюционеров и их пособников.

Вот почему именно к нам, на Выборгскую сторону, переехали после событий 3—5 июля Центральный комитет большевиков и редакция центрального органа. Они заняли небольшие комнатки по Финляндскому проспекту в доме № 8. В одной из них находился товарищ Молотов, в другой — Мария Ильинишна Ульянова. Она собирала рабочие письма в «Правду». Мария Ильинишна убеждала нас писать в «Правду» о настроениях рабочих и мелочах нашей заводской жизни. Мы урывали время и строчили свои первые рабочие корреспонденции.

Надо сказать, что несмотря на преследования влияние большевистской партии непрерывно росло. Даже на таком заводе, как наш «Старый Лесснер», где в первые месяцы революции полностью господствовали соглашатели, чувствовался огромный перелом. Наше влияние особенно усилилось в корниловские дни, когда большевистская партия возглавила борьбу с наступающей контрреволюцией.

Окрепла и расширилась Красная гвардия. Многие рабочие оставались после работы для обучения военному делу и под руководством инструктора штаба Красной гвардии ходили на маневры, учебную стрельбу и т. д. В район усиленно доставлялись всевозможное оружие, обмундирование и снаряжение. Оружие выборжцы собирали еще с февральских дней. Неуклонно пополняли они свои запасы из Сестрорецка, Петропавловской крепости, Кронштадта. В корниловские дни, пользуясь бумажкой Церетели, много оружия и огнеприпасов вывезли из Шлиссельбурга. Временное правительство пыталось потом отнять это оружие у выборжцев. Однажды под вечер приехали солдаты на грузовике собирать у районного совета оружие, пироксилин, порох, бомбы, полученные нами в корниловские дни. Но не тут-то было. По бумажкам у нас почти ничего не числилось. «Доблестный» отряд получил под насмешки окружающих рабочих ненужные нам пустяки, а все пригодное осталось в верном месте до поры до времени.

Перед октябрьскими днями на заводе чувствовалось какое-то особенное революционное настроение. Районный комитет партии, районный совет и штаб Красной гвардии работали буквально целыми днями и ночами. Старые небольшие комнатушки стали уже тесными.

Районный комитет, совет и штаб Красной гвардии переехали в новое помещение по Сампсониевскому проспекту — в дом № 33. Штаб Красной гвардии организовал внизу чайную для красногвардейцев.

Известно, какую огромную роль сыграли в эти решающие дни товарищи Ленин и Сталин. Ленин находился в подполье. Никто из нас не знал тогда, где Ильич. Только потом мы узнали, что последние две недели перед Октябрьской революцией Ленин скрывался у нас на Выборгской стороне в квартире товарища Фофановой. Из подполья Владимир Ильич непрерывно связывался с товарищем Сталиным и Центральным комитетом партии, давал указания и писал свои знаменитые письма.

В нашем Выборгском комитете в то время работала Надежда Константиновна Крупская. Очень часто она читала нам рукописи Владимира Ильича, которые проходили через ее руки. Огненные слова вождя увеличивали нашу силу и вносили ясность в наши мысли. Они звали к решительным действиям.

Помню, как сейчас, склонившуюся над бумагами фигуру Надежды Константиновны в комнате районной управы, где работали машинистки. Надежда Константиновна тщательно сверяла рукопись с ленинским оригиналом. Рядом стояла секретарь нашего Выборгского районного комитета Женя Егорова и просила копию статьи.

Однажды Женя Егорова сказала мне:

— Вам, товарищ Николай, нужно будет время от времени передавать записки товарищу Сталину.

И дала мне адрес на Пески. Товарищ Сталин жил тогда на квартире товарища Алилуева на Рождественской улице, но для большей конспирации не прописывался. Я получал записки от Жени и отвозил их на трамвае или пешком товарищу Сталину. С первых же дней я предполагал, что Егорова передавала мне записки Ильича.

Однажды товарищ Сталин спросил меня, знаю ли я, от кого эти записки; я ответил, что мне хотя и не говорили — от кого, но я догадываюсь, что они от Ильича. Товарищ Сталин усмехнулся и, по обыкновению, просил меня подождать. Через двадцать-тридцать минут с его запиской я поехал обратно в Выборгский районный комитет и передал ее Жене.

Последние дни перед Октябрем мы начали особенно беспокоиться за судьбу Ильича. 24 октября Временное правительство вновь издало приказ об аресте Ленина. Ищейки Керенского рыскали всюду. В этот же день какой-то полковник с десятком юнкеров ворвался в клуб рабочих завода Нобеля на нашей Выборгской стороне и искал там Ленина. Подоспевшие красногвардейцы арестовали ретивого полковника с юнкерами и доставили их в штаб Красной гвардии Выборгского района. Но тревога за судьбу Владимира Ильича не улеглась.

Поздно вечером 24 октября Женя Егорова послала меня в Военно-революционный комитет к товарищу Сталину узнать, где Ильич. Вечером он ушел из квартиры Фофановой, и районный комитет не знал, где он. Помню, как я прибежал к товарищу Сталину, с трудом его вызвал с заседания Военно-революционного комитета и спросил об

Ильиче. Прибавил, что и Надежда Константиновна просит узнать об этом. Товарищ Сталин сказал мне, что Надежда Константиновна уже обо всем извещена. Вернувшись в районный комитет, я узнал, что Ильич уже в Смольном и руководит оттуда развернувшимся вооруженным восстанием.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

СМОЛЬНЫЙ В ВЕЛИКУЮ НОЧЬ

Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех его комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет. Несколько девушек совершенно измучены, тем не менее геройски справляются с неимоверным натиском приходящих за разъяснениями, указаниями и с различными просьбами и жалобами лиц.

Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или иным мандатом.

Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны восставшим городам России свои приказы.

Я до сих пор не могу без изумления вспомнить эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает громовой голос революции.

Заседание II съезда советов началось в Белом зале Смольного вечером. Настроение собравшихся — праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники несмотря на то, что идет бой вокруг Зимнего дворца и то и дело приносят известия самого тревожного свойства.

Когда я говорю — никакой паники, я говорю о большевиках и об огромном большинстве съезда, стоящем на их точке зрения. Наобо-

рот, объяты паникой злобные, смущенные, нервные правые «социалистические» элементы.

Когда заседание, наконец, открывается, настроение съезда выясняется вполне. Речи большевиков принимаются с бурным восторгом. С горячим восхищением выслушиваются матросы, явившиеся рассказать правду о боях, идущих вокруг Зимнего дворца, которые кончились, как известно, потерей нескольких человек убитыми с нашей стороны.

Какой несмолкаемой бурей аплодисментов встречено долгожданное сообщение о том, что советская власть проникла, наконец, в Зимний дворец и министры-капиталисты арестованы. Между тем меньшевик поручик Кучин, игравший большую роль в армейской организации того времени, выйдя на трибуну, грозил нам немедленно привести в Петроград солдат своего фронта. Он читал резолюции против советской власти от имени армий — 1-й, 2-й, 3-й и т. д. до 12-й, включая Особую армию, — и закончил прямыми угрозами по адресу осмелившегося пойти на «такую авантюру» Петрограда.

Это никого не пугает. Никого не пугает также заявление, что все крестьянское море разверзнется перед нами и поглотит нас.

Владимир Ильич чувствует себя, словно рыба в воде: веселый, но не покладая рук работающий и уже успевший написать где-то в углу те декреты о новой власти, о мире и о земле, которые когда-то сделаются — это мы уже теперь знаем — знаменательнейшими страницами истории нашего века.

Прибавлю к этим беглым штрихам еще мои воспоминания о первом назначении Совета народных комиссаров. Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне неподготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: «Пока... там посмотрим, нужны ответственные люди на все посты, если окажутся негодными — сумеем переменить».

Как он был прав! Иные, конечно, сменились, иные остались на местах. Сколько было таких, которые не без робости приступали к поручаемому делу, а потом оказались вполне на высоте его. У иных, конечно, — не только из зрителей, но и из участников переворота, — кружилась голова перед грандиозными перспективами и трудностями, казавшимися непобедимыми. Ленин с изумительным равновесием душевным всматривался в исполнение задач и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта-парохода.

«АВРОРА»[1]

Осенние сумерки окутали Неву, но против обыкновения в городе не зажигались уличные фонари. Только красный глазок бакена с равными интервалами вспыхивал и угасал у левого борта крейсера, стоящего на приколе у подъемного крана Франко-русского завода. Крейсер «Аврора» только что закончил капитальный ремонт и готов был развести пары. Свежий вечерний ветер трепал черные ленты бескозырки часового в наглухо застегнутом бушлате. Мимо часового сновали взад и вперед матросы, вооруженные ручными гранатами, винтовками и наганами.

За стапелями, у проходной конторы, послышалось хриплое фырканье автомобиля и затем поспешные шаги.

— Стой! Пропуск!

Матрос взял карабин наизготовку и преградил путь человеку в расстегнутой шинели. Человек запыхался от быстрой ходьбы и, не успев отдышаться, скороговоркой выпалил:

— Срочный пакет командиру крейсера «Аврора» от Временного правительства.

Свет карманного фонаря заставил прищуриться нарочного. Матрос увидел на его плечах невыцветшие полоски сукна — следы от недавно споротых погон. Он нехотя опустил винтовку и недружелюбно покосился на конверт с темновишневой сургучной печатью.

— Вахтенный, проводи гражданина к командиру.

И мгновенно на палубе появилась фигура другого матроса, с дудкой на груди и наганом за поясом.

Нарочный вытянулся перед командиром и по-военному щелкнул каблуками. Пока командир читал бумагу, он успел заметить боевую готовность башен, необычную для стоящего в ремонте корабля. Чехлы с орудий были сняты, иллюминаторы задраены, на баке приготовлены пулеметы с полным запасом патронных лент. Командир кивнул, и нарочный направился к трапу, быстро поглядывая по сторонам.

Сейчас же после его ухода вахтенный вызвал к командиру члена судового комитета. Минный офицер Никонов, вступивший в командование судном после смерти убитого матросами капитана 1-го ранга Никольского, побаивался выборных представителей команды. Пожимая плечами, он протянул члену комитета пакет, полученный от Временного правительства. Судовой комитет, ознакомившись с приказом, немедленно снесся с Центробалтом. В ночь на 22 октября в Центробалт послали запрос:

«Приказано выйти в море на пробу машин и после пробы следовать в Гельсингфорс. Как быть?»

Из Центробалта пришел ответ:

«Произвести пробу 25 октября 1917 года».

---

[1] По воспоминаниям участников и материалам обработал Ю. Инге.

Крейсер „Аврора“. *С офорта художника М. Доброва*

Дату 25 октября Центробалт указал не случайно. В городе шла лихорадочная подготовка к последнему бою с керенщиной.

Отказ «Авроры» выполнить предложение Временного правительства вызвал волнение в Зимнем дворце. Было ясно, что «Аврора» собиралась выступить против Временного правительства.

В течение года стоянки корабля в ремонте у Франко-русского завода между рабочими завода и матросами установилась тесная связь. Матросам было запрещено разговаривать с рабочими. Но жизнь оказалась сильнее запрещений. На заводских митингах большевистские ораторы пользовались неизменной поддержкой матросов «Авроры».

Теперь «Аврора», имея на борту полный запас снарядов, по первому зову готова была выступить против Временного правительства.

В ночь с 23 на 24 октября перед самой утренней вахтой раздался тревожный сигнал часового. Матросы выскочили из кубриков, на бегу щелкая затворами винтовок. Напротив — по территории завода — медленно двигались два броневика. Из открытых башен виднелись дула винтовок. Молодой юнкер высунулся из башни:

— Матросы! Временное правительство в последний раз приказывает вам отправиться в Гельсингфорс, чтобы произвести пробу машин.

При последних словах юнкера броневики развернулись, направив дула на борт крейсера.

— Ладно. Пробу мы и здесь произведем,— отвечали с крейсера. — Отдавайте концы по-добру, по-здорову.

И орудия «Авроры» грозно повернулись дулами к берегу.

На броневике выкинули белый флаг.

Судовой комитет встретил парламентера перед строем матросов и еще раз заявил ему: приказ Временного правительства крейсер не выполнит.

Юнкер ушел с корабля, багровый от злости и бессилия, и через пять минут броневики покинули территорию завода.

В это время революционные силы стягивались к центру. По всем мостам шли вооруженные рабочие, направляясь к Невскому. Юнкерские броневики примчались к Николаевскому мосту и остановились у разводной части. Испуганного будочника выгнали из его помещения и развели мост. Движение через мост прекратилось.

Ночью 24 октября комиссар «Авроры» получил приказ Петроградского совета:

«Поручается вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту».

Шло экстренное заседание судового комитета.

— Я назначен комиссаром Военно-революционного комитета на «Авроре»,— заявил член комитета Белышев, окидывая взглядом представителей офицерства. — Должен объявить вам, что нам придется переменить место стоянки.

Офицеры бегло переглянулись. Командир крейсера поеживался и отводил глаза, избегая прямого ответа.

— Вы поведете крейсер к Николаевскому мосту? — уже совершенно прямо спросил Белышев.

Матросы поднялись с мест. Только секретарь комитета, сигнальщик Сергей Захаров, невозмутимо продолжал вести протокол.

Командир крейсера все еще хотел увильнуть.

— В момент перехода власти, — начал он, покручивая золотую пуговицу кителя,— офицеры флота будут сохранять нейтралитет. Но препятствовать вам я также не буду. Я согласен даже в случае неудачи вашего предприятия вывести судно в Кронштадт... Вы, т. е. судовой комитет, можете взять на себя ответственность за целость корабля и по прибытии на место освободить меня от обязанностей командира крейсера.

Он сел, вытирая со лба пот.

— Вы отказываетесь вести судно?

Командир поглядел на офицеров, отыскивая поддержку, но они опустили головы.

— Район малых глубин... Фарватер Невы мне не знаком... Крейсер не пройдет там... Я не могу рисковать...

Командир направился к двери. За ним поспешили и остальные офицеры.

Положение осложнялось. Кто поведет крейсер?

Члены судового комитета взяли карту невского фарватера.

— А если промерить? — раздался голос секретаря судового комитета Сергея Захарова.

— Кто возьмется? — быстро спросил Белышев. — На берегах юнкера легко могут подстрелить. Риск большой.

— Я возьмусь,— ответил Захаров.

Поочередно члены судового комитета подходили к Захарову и, пожав ему руку, уходили из каюты.

— Спустить шлюпку,— приказал Белышев.

В темноте, неслышно скользя, шлюпка опустилась в реку. Команда молча стояла в баке, провожая товарища, идущего почти на верную смерть. На набережных стояли юнкера. По фарватеру у моста время от времени скользили ослепительные клинки прожекторов. Захаров греб осторожно. Всплеска весел почти не было слышно.

«Всякое промедление и замешательство будут рассматриваться как измена революции», гласил приказ Военно-революционного комитета от 24 октября 1917 года.

Нет, «Аврора» никогда не изменит революции.

Лодка Сергея Захарова скользила по темной поверхности Невы. Он поминутно бросал лот и заносил глубину на карту. Слыша крики и выстрелы у моста, он понимал, что надо торопиться, но промерил фарватер до самого моста и тогда повернул обратно к крейсеру.

Через несколько минут шлюпка причалила к борту крейсера. Вздох облегчения вырвался у всей команды, когда Захаров вскарабкался по трапу на палубу.

— Ну? — кинулся к нему Белышев.

— Есть,— ответил сигнальщик, протягивая записи.— Шестнад-

цать метров в среднем. Пройдем, еще метра два под килем останется.

Белышев тут же составил подробный чертеж фарватера, выписал глубины. Потом он поднялся на шканцы и постучал в каюту командира.

— Вот, — протянул Белышев чертеж.

Командир не удивился. Он, видимо, и раньше знал о возможности прохода крейсера, но не думал, что кто-нибудь сделает попытку промера фарватера под дулами юнкерских винтовок.

Он испуганно вытянул руки вперед, словно защищаясь от Белышева:

— Нет, нет! Он не поведет крейсер.

— Ах, так! — Белышев закусил губы. — Караул к офицерским каютам. Объявляю всех арестованными.

Отряд матросов, остановившись перед командиром, поставил винтовки к ноге и занял вход в отсек. Другой отряд встал у дверей кают-компании.

«Но кто поведет судно?» подумал Белышев.

Захаров тронул его за плечо.

— Я поведу, — сказал Захаров. — Смогу. Ты не бойся.

— Вставай на мостик. Вахтенный начальник! Приготовиться выбирать якорь.

Командир в каюте услышал свистки боцмана, отрывистый звонок корабельного телеграфа и грохот якорных цепей.

Порывисто распахнул дверь каюты.

— Где комиссар? — спросил он матроса, винтовкой преградившего ему дорогу.

— На мостике.

— Скажите, что я прошу его немедленно притти ко мне.

— В чем дело? — спросил его Белышев.

— Я поведу корабль.

Белышев настороженно посмотрел на него и после секундного раздумья ответил:

— Хорошо. Займите свое место.

«Аврора» отделилась от стенки. Когда вышли на середину реки, вдали проступил из темноты желтый квадрат освещенного окна Зимнего дворца. По нему было очень хорошо держать направление.

— Так держать.

— Есть так держать.

Еще сто сажен. Еще. Медленно двигалось судно. У носовой шестидюймовки стоял командир. Команда с винтовками выстроилась на баке. Пятьсот человек напряженно всматривались в темноту. Наготове стояли моряки в радиорубке и у аппарата Юза. Старый крейсер входил в город, чтобы водрузить красный революционный флаг над всей страной.

И когда судно, развернувшись, вышло на середину реки, на берегах раздалось приветственное «ура».

На правом берегу стоял готовый к выступлению 2-й Балтийский

флотский экипаж, на левом — роты 180-го полка, отряды василеостровской Красной гвардии.

«Аврора» сообщила о необходимости выделить отряды для наводки моста. 180-й полк, 2-й флотский экипаж и рабочие тронулись вперед под прикрытием орудий крейсера.

Было три часа утра 25 октября, когда подошли к Николаевскому мосту.

— Стой! Отдать якорь! — скомандовал командир.

Грохнула лебедка, звякнул телеграф. Якорь «Авроры» коснулся грунта Невы. Командир записал в вахтенный журнал: «3. 30 — отдали якорь у среднего пролета Николаевского моста».

— Десант! — громко приказал Белышев, и шлюпки мгновенно скользнули на воду.

Через минуту моряки причалили к каменным спускам набережной и соединились с отрядами рабочих. Но в это время к мосту подошли юнкера Временного правительства, держа штыки наперевес. Их встретил 2-й флотский экипаж. Пока длился недолгий бой, аврорцы ворвались на разводную часть и сбили прикладами замки от будки с механизмом управления. Юнкера отступили. Мост окончательно перешел в руки восставших.

Грузовики с отрядами красногвардейцев и солдат двинулись по мосту. На крыльях машин лежали вооруженные солдаты. Штыки их винтовок были украшены красными лоскутками. Рабочие полки направлялись в город под надежным прикрытием пушек «Авроры». Прошел последний грузовик.

Революционный Петроград стягивал силы к Зимнему дворцу для последнего боя за власть рабочих и крестьян.

«Аврора» стояла в боевой готовности у Николаевского моста, и ее видели из окон Зимнего дворца.

— А что будет, если «Аврора» начнет стрелять по Зимнему? — спросил один из министров адмирала Вердеревского.

— Это конец! — ответил адмирал. — Ее башни выше уровня мостов.

25 октября состоялось заседание судового комитета. Приехал представитель Военно-революционного комитета.

— Вероятно, придется произвести обстрел Зимнего дворца, — сообщил он.

Решили, что «Аврора» по сигналу Петропавловской крепости будет стрелять холостыми. И только в том случае, если начнется ответная стрельба со стороны Зимнего, пустить в ход боевые снаряды.

Весь день на крейсере царило боевое напряжение. Ждали условленного сигнала. Наконец раздался выстрел с Петропавловской крепости. Вдали слышалась винтовочная пальба. При общем ликовании первый холостой заряд скользнул в орудие «Авроры». Раздался выстрел и громкое «ура» всей команды.

Через несколько часов Зимний был взят.

Л. ЛЕБЕЛЬ

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Наш красногвардейский отряд выполнял задания Военно-революционного комитета по автосвязи и охране Смольного. Во дворе Смольного, обращенного к Охтенскому мосту, расположилась авто-техническая база отряда. Электрического освещения во дворе не было. Мы вели работу по текущему ремонту автомобилей и броневиков при слабом свете керосиновых фонарей «летучая мышь».

Поздно вечером 24 октября во двор вошел Свердлов в сопровождении Еремеева и начальника отряда по охране Смольного. Начальник скомандовал:

— Отряд, к оружию! В полной боевой готовности ждать моего приказа!

Через несколько секунд в полном боевом вооружении красногвардейцы стали на своих местах у броневиков и у грузовиков, вооруженных пулеметами.

И вдруг послышались повсюду радостные восклицания:

— Ленин в Смольном!

Несколько человек из нашего отряда окружило члена Военно-революционного комитета. Товарищ сказал, что Ленин, действительно, уже несколько часов находится в Смольном и вместе со Сталиным руководит вооруженным восстанием.

От имени Военно-революционного комитета нам поручили провести очень важную и ответственную боевую операцию — разведку в Зимнем дворце.

Быстро составилась группа в семьдесят пять человек. Мы вышли со двора Смольного в сопровождении двух броневиков — «Святослава» и «Олега».

Пикеты передовой линии охраны Смольного напряженно вглядывались в темноту. Четыре костра освещали площадь перед Смольным.

Выйдя за пределы зоны охраны, мы очутились в полной темноте, только немногие улицы были плохо освещены тусклыми лампочками. Нас разделили на несколько групп. Наша группа должна была первой проникнуть во двор Зимнего дворца и произвести разведку.

Дул сильный порывистый ветер. Тротуары обледенели. Продвигаться можно было с трудом.

На Дворцовую площадь, совершенно не освещенную, мы вышли с Мойки, у Певческой капеллы. На площади лежали штабели дров. У главного подъезда Зимнего стояли артиллерийские орудия, беспорядочно суетились войсковые части, бродили растерянные офицеры. С Мойки, никем не остановленные, мы прошли в Зимний дворец.

Все корпуса, прилегающие к Неве, были погружены во мрак. Во внутренних помещениях, прилегающих к площади, и в коридорах едва заметный свет. Все окна тщательно закрыты портьерами. Во внутреннем дворе не горело ни одного фонаря. Там находилось около

пятидесяти легковых и грузовых автомобилей, шесть броневиков, седьмой стоял на вахте у ворот.

Во дворе много людей. Бросался в глаза беспорядок. В подвальном помещении, служившем комнатой для дежурных шоферов, собрались кроме шоферов солдаты и юнкера. В углу у стола сидел дежурный офицер, окруженный вооруженными юнкерами. Повидимому, эта часть комнаты служила караульным помещением. В другом конце комнаты раздавали чай и черный хлеб.

Мы вышли через боковую дверь на набережную Невы. Никто не остановил нас, не спросил, зачем мы здесь ходим. Быстро прошли к условленному месту в Мошковом переулке. Нас поджидал товарищ из Военно-революционного комитета. Доложили ему обо всем виденном и получили от него директиву:

— Нужно вторично проникнуть во двор Зимнего дворца и выполнить приказ товарища Ленина — вывести из строя все находящиеся там автомобили и броневики, не останавливаясь ни перед какими трудностями и препятствиями.

Получив приказание, разведчики повели пять наших групп разными путями во двор Зимнего дворца. Два товарища зашли в комнату для дежурных шоферов и затеяли там пляску и веселые солдатские песни. Они привлекли к себе внимание людей, находившихся не только в комнате, но и во дворе. Остальные люди нашего отряда, дождавшись удобного момента, приступили к выполнению задания: снимали с машин магнето.

Во время этой работы дежурный офицер в сопровождении группы юнкеров, освещая себе путь карманным электрическим фонарем, несколько раз обходил двор. Иногда казалось — неудача неизбежна, вот-вот офицер или юнкера заметят наших людей за работой. Мы, стоя на вахте, держали гранаты наготове. Но вооруженной схватки удалось избежать. Постепенно люди с разбитыми, окровавленными пальцами выползали из-под автомобилей, выполнив боевое задание. Последними выползли шофер Рымко и механик Матвеев. Они, нагрузив в мешки магнето, волокли за собой эту ценную добычу.

Когда все выбрались за ворота, мне поручили пройти в дежурную комнату, чтобы дать сигнал нашим товарищам. Они быстро закончили свой «концерт» и побежали за мной.

Приказ товарища Ленина был выполнен. Когда раздались раскаты орудийных выстрелов с Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», возвестивших начало штурма Зимнего дворца, Временное правительство оказалось без броневиков и автотранспорта.

Ф. ХАУСТОВ

В ОКТЯБРЕ

Стояли сырые, холодные осенние дни 1917 года. В квартирах Петрограда уже две недели топились печи, а одиночная тюрьма «Кресты» все еще не отапливалась. Сыро и зябко было в камерах. Настойчивые требования заключенных большевиков к начальнику тюрьмы — отапливать камеры — не приводили ни к чему. Начальник тюрьмы, называвший себя эсером, — авантюрист, взяточник и подхалим — намеренно оттягивал отопление здания несмотря на то, что внутренний двор был завален штабелями дров и угля. Тогда на летучем митинге заключенные решили устроить демонстрацию протеста.

И вот разом во всех камерах загремели о пол и двери табуреты, столы — все, что было тяжелого под руками. Гулом и шумом наполнилась тюрьма. Начальник тюрьмы и дежурный офицер, командовавший взводом казаков, охранявших тюрьму, струсили не на шутку. Они ввели казаков в тюремный коридор.

Тюрьма имела три этажа с одним общим на все три пролета коридором. У каждого этажа тюрьмы перед входом в камеры — узкая, отгороженная легкой железной решоткой дорожка-балкон, выходящая в коридор. Все сделано так, чтобы тюремная стража легко могла наблюдать за заключенными.

Большинство заключенных большевиков было солдаты. Камеры находились на втором и третьем этажах. Солдаты вышли из камер и, стоя у перил, потребовали от начальника тюрьмы вызвать прокурора.

В ответ на это начальник тюрьмы и казачий офицер выхватили из кобур револьверы и пригрозили:

— Разойдись по камерам. Иначе всех перестреляем!

Солдаты продолжали стоять. Тогда офицер, с перекосившимся от злобы лицом, повернулся к казакам и скомандовал:

— По бунтовщикам, взвод...

Казаки взяли наизготовку, и в тюремной тишине четко щелкнули затворы. Солдаты стали медленно расходиться по камерам. Балконы опустели. Два надзирателя быстро заперли одиночки на замки.

На время тюремный режим ухудшился. Но протест все же не прошел бесследно.

Петроградский совет, куда после сентябрьских выборов вошло много рабочих и солдат-большевиков, настойчиво потребовал улучшить положение арестованных. Министр юстиции Зарудный уступил и приказал начальнику тюрьмы отапливать «Кресты».

Однако и после этого тюрьма не отапливалась больше недели. Да и после топки в камерах все еще было холодно и сыро.

Монархисту Пуришкевичу и николаевскому министру Хвостову в тюрьме Керенского жилось несравненно лучше, чем большевикам. Благодаря щедрым взяткам начальнику тюрьмы черносотенцев пере-

вели на «больничное» содержание в отдельное двухэтажное здание во дворе тюрьмы и там поместили в просторные, теплые комнаты, обставленные дорогой мебелью. Родственников и знакомых на свидание с ними пускали беспрепятственно, разрешали подолгу без контроля вести беседы. Передачи попадали к монархистам без задержек.

Эсер, начальник тюрьмы, восторгался Пуришкевичем и часто заходил к нему побеседовать «по душам». Их взгляды на политические события совпадали.

Настроение у заключенных большевиков было бодрое. Эту бодрость в нас поддерживали доносившиеся с воли вести о том, что попытка Временного правительства после июльских дней разгромить большевистские и рабочие организации потерпела крах. С величайшей радостью следили мы за тем, как под руководством Центрального комитета большевиков мощно росли большевистские организации рабочих и солдат, как они сплачивались и готовились к решительной боевой схватке с буржуазией. Возрождение большевистской печати усиливало и оформляло движение. Через газеты и от рабочих, солдат и матросов, навещавших нас, мы узнавали, что и в широких бедняцких крестьянских массах неудержимо растут революционное движение и симпатии к большевикам.

Каждый день приносил что-нибудь новое, волнующее, радостное.

Шестой съезд партии, письмо Ленина и решение Центрального комитета о вооруженном восстании... Все это давало настоящую, большую радость, которую вместе с рабочими, матросами и солдатами переживали и мы, заключенные в тесные казематы.

Из 12-й армии сообщили, что более пятидесяти полков и частей готово с оружием в руках по зову Центрального комитета большевиков выступить за власть советов.

Литовский и Финляндский полки прислали к нам в «Кресты» делегатов, заявивших, что солдаты займут тюрьму и освободят нас. Это частичное выступление было несвоевременно, и мы отклонили его.

Из «Крестов» коллектив заключенных большевиков напечатал два письма в «Рабочем и солдате» с призывом к восстанию.

В ночь на 25 октября, когда развернулось восстание петроградских рабочих и солдат под руководством Центрального комитета во главе с Лениным и Сталиным, Военно-революционный комитет прислал в «Кресты» своих представителей и потребовал от начальника тюрьмы немедленно выпустить всех заключенных большевиков. На рассвете 25 октября мы были на свободе.

Большевиков в то время в «Крестах» было уже немного, так как под давлением большевистского Петроградского совета и настойчивых требований солдат Временное правительство многих выпустило из тюрьмы ранее. Среди освобожденных Военно-революционным комитетом были товарищи: Семен Рошаль и несколько солдат 176-го и 1-го пехотных полков.

Утро, когда мы вышли из тюремных ворот, было серенькое, какое обычно бывает в поздние осенние дни в Петрограде, но нам оно казалось необыкновенно прекрасным. Прямо из тюрьмы С. Рошаль

и я отправились в Смольный, где нас приветливо встретил Подвойский. Мы поступили в распоряжение Военно-революционного комитета.

Смольный в то время был переполнен красногвардейцами, рабочими и солдатами. Восстание уже имело крупные успехи: большевики заняли здания почты и телеграфа, вокзалы, мосты. В казармах и на предприятиях шла лихорадочная работа по формированию Красной гвардии. Новые отряды тотчас же пускались в дело.

Товарищи с радостью сообщили нам, что Владимир Ильич находится сейчас в Смольном и руководит всем движением.

Нам передали, что Дыбенко и Раскольников организуют отряды кронштадтских и гельсингфорсских матросов. В Петроград уже идут два крейсера. Начинается окружение Зимнего дворца, где укрылись министры Временного правительства.

Часа через полтора после нашего прихода в Смольный Подвойский, Дашкевич, я и два солдата на автомобиле отправились в казармы Павловского батальона. Казармы были пусты. Большинство солдат отправилось брать Зимний дворец — последний оплот Временного правительства.

В это время Зимний уже удалось окружить, но засевшие там юнкера, «ударницы» и офицеры пулеметным огнем отбивали все попытки приблизиться к дворцу. Наш ружейный и пулеметный огонь был для них мало чувствителен, так как они прикрылись баррикадами из штабелей дров. Огонь двух броневых машин, подходящих ближе, по той же причине не имел успеха. Предстояло взять Зимний штурмом.

Чтобы согласовать действия наступавших частей, Подвойский отправился на автомобиле в Петропавловскую крепость. Здесь обосновался штаб для руководства всеми операциями против Зимнего дворца. В комнате коменданта крепости происходило военное совещание перед началом штурма.

На совещании решено было предложить министрам Временного правительства подчиниться Военно-революционному комитету, а войскам, охранявшим дворец, — сдать оружие. В случае отказа выполнить это требование решено было взять дворец штурмом.

План штурма был такой: обстрелять юнкеров и «ударниц» орудийным огнем Петропавловской крепости и, если понадобится, с крейсера «Аврора» и повести колонны на штурм. Между крейсером и штабом установили сигнализацию зажженными фонарями на одной из башен Петропавловской крепости.

Подвойский уехал с докладом в Смольный. Член Военно-революционного комитета вызвал по телефону представителя Временного правительства:

— Вы окружены железным кольцом восставших рабочих и солдат. Десятки орудий крепости и кораблей направлены на вас. Требуем сложить оружие и подчиниться Военно-революционному комитету. В противном случае вы будете уничтожены артиллерийским огнем.

Говорил он коротко и решительно.

Из Зимнего ответили, что Временное правительство не признает

власти большевиков, не признает Военно-революционного комитета и добровольно оружия не сдаст.

Из дворца предупредили:

— Знайте, что во дворце находятся раненые и больные с фронта и вы будете виновниками их гибели.

Так Временное правительство, окружив себя юнкерами, офицерами и «ударницами», стрелявшими из пулеметов и винтовок, пыталось укрыться за спину раненых в империалистическую войну солдат, чтобы выиграть время и стянуть подкрепления.

Из Петропавловска предложили:

— Даем вам один час для эвакуации из дворца всех раненых и больных солдат в безопасное место. Гарантируем на это время полную безопасность и содействие. После этого начнем военные действия. Если вы не выполните требований, ответственность за последствия падет на вас.

Из Зимнего дворца на это ничего не ответили. Позвонили снова. Опять молчание.

Тогда, после пятиминутного обмена мнений, решено было послать парламентера в Зимний с письменным ультиматумом. Я написал на листке из полевого блокнота требование немедленной сдачи оружия и подчинения Военно-революционному комитету. Один из находившихся тут же солдат взялся отнести бумагу в Зимний.

Парламентер отправился на автомобиле. Прошел к «ударницам», охранявшим дворец, вручил им ультиматум и стал убеждать их выполнить наши требования, но полупьяные «ударницы» пытались поднять его на штыки. Парламентеру пришлось удалиться.

Через некоторое время мы отправились готовить гарнизон Петропавловской крепости к стрельбе по Зимнему.

Боеспособным оказался только один взвод пулеметчиков 2-го пулеметного полка. Взвод был расположен на стене крепости, прямо против Зимнего дворца. Со стены были видны красный фасад Зимнего дворца и решотка прилегавшего к нему сада, за которой торчали жерла двух пушек, направленные на крепость. Взвод пулеметчиков был большевистский. Я указал солдатам цель — в ту сторону дворца, где не было раненых солдат, — и пошел осматривать батарею крепости и арсенал.

Батарея крепости была выставлена в выступе стен. Было в ней всего две пушки, да и те без панорам. Мы отправились в арсенал, чтобы выкатить новые орудия. Длинный арсенал крепости был переполнен пушками, но все они не имели необходимых частей. Из двухсот орудий не было ни одного, годного для стрельбы. Орудийный мастер, находившийся в арсенале, объяснил нам, что по приказанию Временного правительства эти части были вывезены из арсенала недели две-три назад. Досадно было смотреть на длинные ряды темных силуэтов бесполезных пушек.

Не лучше было и в казармах. Гарнизон крепости недавно был обновлен Керенским и состоял из артиллеристов, переброшенных сюда, кажется, из Ташкента, где они выполняли роль защитников Времен-

ного правительства. Военная организация работала среди них, но все же за недостатком времени не добилась полного успеха. Правда, накануне переворота солдаты крепости вынесли резолюцию — поддержать советы. Но резолюцией дело и ограничилось. Когда же настал час решительных действий, они заколебались, начали митинговать и заняли нейтральную позицию: огня не открывать, а ждать, когда юнкера и министры сами сдадутся.

Попытки наших товарищей убедить солдат не имели успеха. Одного взвода 2-го пулеметного полка при таком положении гарнизона было недостаточно. Нужна была артиллерия. Тогда я, связавшись по телефону с Смольным, попросил Военно-революционный комитет немедленно выслать в крепость артиллеристов с панорамами, а еще лучше с исправными орудиями. Я назвал артиллерийскую дивизию, куда неделю назад Военно-революционный комитет назначил своим комиссаром освобожденного из «Крестов» товарища Р. Сиверса.

— Пусть Сиверс даст крепости настоящих большевиков, — просил я у Смольного.

У телефона находился товарищ Свердлов, и он быстро выполнил мою просьбу. Не прошло и часа, как в крепость прибыли большевики-артиллеристы.

Орудия быстро приготовили к бою. Этих товарищей уговаривать не приходилось. Они, не задумываясь, разрушили бы до основания дворец, лишь бы добраться до юнкеров и Временного правительства.

Артиллеристы хотели стрелять гранатами, но, по плану штаба, разрушать дворец мы считали возможным только в случае крайней необходимости. Подавить и терроризировать противника, сделать его неспособным к активной защите можно было и без этого. Мы предложили стрелять шрапнелью.

На стене крепости зажгли фонарь — сигнал «Авроре» приготовиться к бою.

— Батарея! Огонь!

Первый залп вверх, а затем — по Зимнему, — так было условлено в штабе.

Темноту ночи прорезали молнии орудийного огня крепости. Ясно можно было наблюдать, как у Зимнего заметались тени. Уверенная прежде стрекотня юнкерских пулеметов стала теперь прерывистой и редкой. Ружейный огонь смолк. А когда раздался могучий выстрел из тяжелого орудия «Авроры», ответные выстрелы со стороны дворца совершенно стихли.

Наступила напряженная тишина. Первыми сдались «ударницы». Продвинувшиеся под защитой броневиков и занявшие к тому времени соседнее с Зимним дворцом здание солдаты, матросы и рабочие бросились на штурм и почти без жертв заняли Зимний, разоружили офицеров и юнкеров.

Через час под конвоем привели в Петропавловскую крепость пленных — министров Временного правительства. Среди них был гладко выбритый, высокий, в английском костюме Терещенко, в новенькой адмиральской форме Вердеревский, сухощавый, бородатый

Кишкин, Скобелев, еще несколько других. Керенского не было. Ему удалось бежать из Петрограда.

Министров поместили в просторной комнате с длинными скамьями, помостом и трибуной. Все они заметно волновались, но старались держаться спокойно.

Министрам объявили, что все они арестованы Военно-революционным комитетом за вооруженное сопротивление. Представитель Военно-революционного комитета развернул лист бумаги и, улыбнувшись, сказал:

— Надеюсь, все грамотные — ну, так распишитесь.

Министры подошли к столу и стали один за другим расписываться.

Арестованных развели по казематам Петропавловской крепости.

Через два часа после ареста Временного правительства глубокой ночью в Петропавловскую крепость привели под конвоем несколько рот разоруженных юнкеров Гатчинского юнкерского училища. Юнкера, свирепо расправлявшиеся с большевиками в июльские дни, сейчас держались смущенно и боязливо пытались оправдаться, что они даже и не знали, зачем их вызвал Керенский.

Они опоздали к защите Зимнего и, когда вошли в Петроград, были окружены солдатами и вооруженными рабочими. Узнав о падении Зимнего, они сдали оружие без боя.

Юнкеров также заключили в крепость, но на второй или на третий день, когда юнкера дали обещание не выступать с оружием против советской власти, их по распоряжению из Смольного выпустили из крепости.

Ночь прошла незаметно. В четыре часа утра я поехал осмотреть Зимний. На набережной перед дворцом ходили с ружьями через плечо патрули матросов. В вестибюле дворца были свалены трофеи — винтовки и пулеметы, отобранные у юнкеров. Обстановка и убранство комнат не пострадали. Охрана дворца уже была налажена.

Выйдя из дворца, я внимательно вглядывался в его фасад и увидел под карнизами крыши и у окна следы разрыва шрапнелей. Часть стекол была выбита пулеметным огнем.

Памятуя уроки Парижской коммуны, участники осады стремились возможно быстрее произвести захват Зимнего. К этому неустанно призывал Владимир Ильич:

«История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все».

НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ[1]

Небо закрыто серой пеленой. Падает снег хлопьями и тает на мокрой мостовой.

Делегаты спешат в Смольный. С широкой площади видны его колонны.

В вестибюле продажа агитационной литературы, несколько столиков, на которых разложены брошюры, листовки, книги. На каждом столике — литература своей партии. Плохи дела у соглашателей, никто не подходит к их столам. Зато делегаты нарасхват берут недавно выпущенную брошюру Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?»

Комнаты соглашательского Центрального исполнительного комитета пустуют; сотрудники, словно крысы, почуявшие гибель корабля, сбежали.

Мандатная комиссия, состоявшая в большинстве из меньшевиков и эсеров, с придирчивой тщательностью проверяет мандаты большевиков.

На дверях комнаты № 17 под дощечкой с надписью «классная комната» приколот лист бумаги, на котором синим карандашом выведено: «Здесь производится регистрация делегатов съезда — членов партии большевиков».

Делегатов было еще немного — соглашательский Центральный исполнительный комитет всячески тормозил созыв съезда. Однако в большевистской фракции зарегистрировано уже более ста человек.

Сегодня, 22 октября, — «день Петроградского совета»—смотр революционных сил. С утра носились слухи: готовится выступление казаков против совета рабочих и солдатских депутатов. Контрреволюционный совет казачьих войск назначил на этот же день крестный ход с молебствием «о спасении родины». Крестный ход назначили с явно провокационной целью — вызвать столкновение казаков и рабочих. Петроградский совет выпустил обращение с призывом к казакам итти на митинг в Народный дом. За кем пойдут казаки?

Один из делегатов съезда рассказывает, как попы пришли в казармы, звали казаков на крестный ход, а казаки так их встретили, что попы подобрали полы своих ряс да тягу.

Крестный ход отменен.

У Народного дома огромные толпы. Петроградские рабочие пришли на митинг по призыву своего совета.

Делегаты показывают свои мандаты.

— Пропустите, товарищи, это делегаты съезда, — заговорили в толпе.

Уплатив сбор по рублю на литературу, делегаты входят в огромный зал. Он переполнен. Выступают ораторы-большевики. Они гово-

---

[1] По материалам и воспоминаниям делегатов.

рят о борьбе за советскую власть, об укреплении советов. И на призыв стоять за советскую власть до последней капли крови — тысячи рук взметнулись кверху. Как гул прибоя, гремит под высокими сводами: «Клянемся!»

На трибуне — представитель американского пролетариата. Он говорит о рабочем движении в Америке, о международной солидарности пролетариата. Выступающие большевики клеймят соглашателей, меткие стрелы бьют в цель. Ни один из соглашателей не отважился выступать сегодня.

На Дворцовой площади темнеет громада Зимнего дворца. Здесь засело Временное правительство, объявившее свои заседания непрерывными.

В тот же день, вечером, состоялось заседание Военно-революционного комитета с представителями от полков и делегатами съезда. Сообщение о разгоне Калужского совета казаками вызвало бурное негодование собрания. Вскочив со своих мест, солдаты кричали: «Долго ли мы будем разговаривать? Пора взять власть!»

25 октября, в два часа дня, Яков Михайлович Свердлов открыл заседание фракции большевиков II съезда советов. Товарищ Свердлов — небольшого роста, в кожаной куртке; сквозь пенсне остро поблескивают умные глаза. Он не суетится — все движения его уверенны и отчетливы. Сильный голос четко доносит каждое слово.

На повестке дня фракции — доклады с мест. Докладчикам полагалось десять минут. Необычны были эти доклады: делегаты говорили только об одном: готов ли пролетариат взять власть в свои руки? И единодушный ответ всех и каждого: «Мы готовы! Никаких разногласий и сомнений!»

Одновременно с фракцией происходит заседание Центрального комитета партии.

Фракция поручила товарищу Свердлову держать связь с Центральным комитетом. С удивительным спокойствием Яков Михайлович руководит заседанием фракции, будто происходит обычное партийное собрание:

— Слово имеет товарищ от Одесского совета.

Высокий белокурый человек говорит о сложном политическом положении в Одессе. Есть опасность нападения гайдамаков. Доклад слушают напряженно: возникает сомнение, может ли в Одессе успешно совершиться переворот?

Снова слышен твердый голос товарища Свердлова:

— Ну, с гайдамаками вы справитесь?

Он в упор смотрит на докладчика, словно хочет спросить — уж не колеблетесь ли вы там?

Представитель Одессы заявляет:

— Положение в Одессе серьезное, но власть будет в наших руках.

А делегаты все прибывают; в большевистской фракции зарегистрировано уже более трехсот человек.

Перерыв на обед. В громадной столовой делегаты получают карточки на щи, кашу, чай и хлеб.

Отдельной группой сидели за столом меньшевики и эсеры. С какой ненавистью они смотрят на большевиков!

Вечером заседание большевистской фракции возобновляется. Центральный комитет партии мобилизует часть фракции в распоряжение Военно-революционного комитета, который направляет мобилизованных в воинские части и на предприятия.

Товарищ Свердлов сообщает:

— Наши отряды подступают к Зимнему, крейсер «Аврора» вошел в Неву.

Докладчики повторяются; положение везде одинаковое — массы идут за большевиками. Вносится предложение: давать слово лишь докладчикам от областей; время выступлений сокращается до пяти минут, потом до трех.

Вопрос ясен. Вскоре решено прекратить доклады.

В девять часов вечера доносится глухой удар; звенят стекла. Это первый выстрел с «Авроры» по Зимнему.

Кто-то заметил, что не все делегаты вооружены, нужно выдать им оружие. Предлагают проверить, надежна ли охрана Смольного. Товарищ Свердлов заявил, что это будет сделано.

В комнату заглядывают, словно случайно, меньшевики. Это — разведчики; они подсчитывают силы большевиков, все еще надеясь, что делегаты не приедут и съезд сорвется. Но тщетны надежды соглашателей. В нашей фракции уже триста пятьдесят человек, а делегаты все прибывают.

Вдруг Яков Михайлович встает из-за стола и сообщает:

— Товарищи, среди нас — Владимир Ильич Ленин.

Ленин быстро подходит к столу.

— Ильич, наш Ильич... — пронеслось среди делегатов.

С какой любовью сотни глаз впились в него! Ленин начал свою речь.

Эта речь была краткой, но она содержала исчерпывающий, глубокий анализ происходящих событий.

— Социальная революция совершилась. Впервые в мире создается власть трудящихся, — говорит Ильич. Он подчеркивает, что контрреволюция мобилизует силы. Зимний еще не взят, только что сообщили о посылке Керенским частей с фронта на Петроград. Но Ленин с непоколебимым убеждением говорит о победе революции как о совершившемся факте.

В десять часов вечера 25 октября Дан от имени Центрального исполнительного комитета старого состава открыл II Всероссийский съезд советов. Замогильным голосом он произносит:

— Центральный исполнительный комитет в настоящий момент, когда на улицах идет гражданская война и льется кровь, не может открывать съезд политической речью.

Избирается президиум съезда. В его составе — большевики и левые эсеры; большевиков подавляющее большинство. Громом аплодисментов встречают участники съезда — большевики — свой большевистский президиум.

Меньшевики и правые эсеры выступают с бесконечными заявлениями и декларациями. Ни корниловское выступление, ни ярость масс, возмущенных открытой подлой изменой «главы правительства» Керенского и всей политикой соглашателей, — ничто не поколебало их верноподданнических чувств к своим хозяевам.

Дан — во френчике, с глазами, как у сыча, — нагло клевещет на рабочих и солдат, которые будто бы безразличны к политике. Этот тупой, трусливый мещанин — вещает:

— Выступление большевиков является концом революции: контрреволюция восторжествует неминуемо.

Кучин — отпрыск керенщины — выступил с фанфаронским заявлением от имени чуть ли не всех фронтовых частей, что в ответ на выступление большевиков армия двинется на Петроград. Так социал-предатели пытались запугать делегатов II съезда.

Смешны и жалки потуги Мартова, кричащего об объединении «демократии».

Но вот выступили солдаты-фронтовики. Гневом дышат их речи. Делегат с фронта разоблачает ложь Кучина:

— Вы говорите не от солдатских масс, а от армейских комитетов, которые давно должны быть переизбраны. Вы же не хотите собирать армейские съезды, потому что знаете, что вас прогонят из комитетов.

Другой солдат категорически заявил, что фронтовики в окопах не могут больше ждать ни одного дня и если власть немедленно не будет взята советами, то фронтовики придут и сметут ненавистное правительство Керенского.

Бурю восторга вызвала краткая речь только что приехавшего в Петроград представителя батальона самокатчиков. Этот батальон Керенский снял с фронта и направил в Петроград для подавления революции.

— Мы отдаем себя в распоряжение совета и будем защищать его до последней капли крови, — сказал самокатчик.

Из Военно-революционного комитета сообщают, что вокзалы, почта, телеграф и государственный банк заняты нашими частями. Но Зимний еще не взят.

Военно-революционный комитет работает под руководством «пятерки», выделенной Центральным комитетом партии. Во главе «пятерки» стоит товарищ Сталин.

Раздается еще один выстрел с «Авроры». В зал вбегает группа членов Петроградской думы во главе со Шрейдером.

— Что вы делаете, безумцы?! — вопят они. — На улицах льется кровь, матросы громят Зимний, Россия гибнет!.. Идите с нами к Зимнему — остановим кровопролитие!

Съезд провожает смехом эту свору прихвостней буржуазии, очумевшую от страха.

После перерыва заседание начинается новыми истерическими заявлениями меньшевиков.

Поздно ночью нам сообщают: Зимний дворец взят революционными рабочими и солдатами; правительство Керенского свергнуто.

Громовые восторженные крики сотрясают зал. В этих криках вдруг возникают звуки пролетарского гимна. Восторженно поют делегаты «Интернационал», а затем в память погибших товарищей — «Вы жертвою пали...»

В восемь часов вечера 26 октября открылось второе заседание съезда советов. Опять появились соглашатели. Абрамович от имени «Бунда» заявляет:

— Мы не можем оставаться.

— Как? Вы еще здесь? Сколько же раз вы будете уходить? — кричат делегаты.

Представитель Викжеля хочет запугать съезд. Он говорит, что железнодорожники не пропустят ни одного поезда с воинскими частями.

— Уходите и не мешайте нам! — несется с мест.

Входят моряки во главе с Дыбенко. Они заявляют, что будут защищать советскую власть до последнего вздоха, до последней капли крови.

По залу проносится радостная весть: Ленин!

Владимир Ильич как-то незаметно появился в президиуме.

Гул оваций раскатывается по громадному залу. Ленин на трибуне. Он стоит, слегка выдвинув вперед корпус, заложив большой палец в проймы жилета. Его жест прост, энергичен и выразителен. Его мысль воспринимается аудиторией, как своя. Она захватывает глубиной, логикой и предельной ясностью. Сотни глаз, не отрываясь, смотрят на Ленина.

— Пролетарская революция в России совершилась, она неизбежно приведет к победе социализма во всем мире, — говорит он.

И вновь раздаются громовые раскаты: Ленин!

— Мы создали советское правительство, в котором не будет места ни одному эксплоататору...

На повестке дня вопросы о мире, о земле.

Ленин оглашает декрет о мире.

Это первые мощные слова, которыми заговорила новая революционная власть.

Меньшевики опять появляются на съезде. Они придираются к каждой фразе декрета.

— Вы говорите: если правительства не будут согласны на мир без аннексий и контрибуций, то вы согласны обсуждать и другие условия. Как это понять? — спрашивает Мартов.

Величайшей мудростью проникнут ответ Ленина:

— Мы хотим, чтобы каждый рабочий и крестьянин знал, чего хочет другое правительство. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам. Мы разоблачим тайную дипломатию и будем действовать открыто.

Для соглашателей чужды эти огненные слова декрета, не укладывающиеся в привычные юридические формы. Они заявляют, что не примут участия в голосовании.

Оглашается декрет о земле. Эти декреты писал Ильич.

Великие дела нашли свое выражение в простых, ясных, полных мощи словах.

Вдруг на трибуну взбирается Пьяных, бывший депутат Государственной думы. Истошным голосом он вопит о насилиях, будто бы совершенных над «представителями» трудового крестьянства.

Ему напоминают об июльских днях, о насилиях правительства Керенского, о днях, когда Ленин вынужден был скрываться в подполье, а многие большевики сидели в тюрьмах. Почему тогда не протестовала «демократия»?

Просит слова старик-крестьянин из Тверской губернии. Задыхаясь от волнения, он говорит:

— Братцы, дорогие товарищи! Не верьте вы этому Пьянуху. Морочили они нам головы посулами о земле, а как до дела дошло, говорят — не моги земельки взять. Арестовывать начали и на съезд не хотели пустить. Их надо, мошенников, арестовать! Дожил я до великого дня, вижу, какое дело совершаете!

Старик раскланялся на три стороны. Его провожают радостным смехом и громом аплодисментов.

Декрет о земле принимается единогласно.

Величайшие в истории человечества акты были приняты в течение полутора-двух часов.

Съезд образовал первое в мире рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров во главе с Лениным и Сталиным — и избрал Всероссийский центральный исполнительный комитет. Всем делегатам было предложено немедленно возвратиться на места, чтобы приступить к строительству новой власти.

Съезд окончен. Делегаты спешат на вокзалы. Толпы на Невском читают объявления, расклеенные на стенах:

К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов.

Ф. БЫКОВ

АВТОМОБИЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА

Наши автоброневики приняли участие в охране центра революции — Смольного. 22 октября Военно-революционный комитет принял решение — заменить старую охрану Смольного новой. В состав охраны были включены команда пулеметчиков, латышский отряд и группа наших автокоманд для охраны и связи.

Охрана делилась на внутреннюю и внешнюю. Всеми видами охраны и связи Смольного руководила комендантская часть Военно-революционного комитета в лице товарища Ф. Э. Дзержинского.

Я также участвовал в охране Смольного. Много событий было в эти дни в Смольном. Но особенно запомнилось пребывание там Ленина.

Поздно вечером 24 октября подошел ко мне бледный и взволнованный красногвардеец и, ничего не говоря, сунул в руку смятую газету. Он указал на один из газетных столбцов. В короткой газетной заметке говорилось, что Ленин в Петрограде, что следы его местонахождения обнаружены и что с часу на час ожидается его арест. Это сообщение произвело тяжелое впечатление. Неужели это так? Неужели в столь решительный момент Ленин будет арестован?

Но мрачные мысли вскоре рассеялись. По Смольному прошел слух, что прибыл Ленин. Два знакомых шофера утверждали, что они лично видели его. Кто-то вспомнил гражданина с повязкой на щеке, сидевшего на окне в Смольном. Говорили, что это Ленин. И это, действительно, было так. Как обнаружилось впоследствии, Ленин не усидел в своем последнем конспиративном убежище у Фофановой на Выборгской стороне и поздно вечером 24 октября решил пробраться в Смольный. Дорога до Смольного прошла благополучно. Внизу у входа у Ленина потребовали пропуск. Но огромная толпа людей, тоже не имеющих пропусков, осадила часовых, и в общей сутолоке Ильич удачно пробрался в здание. В Смольном он немедленно собрал членов Центрального комитета и совместно с товарищем Сталиным взял на себя непосредственное руководство восстанием.

Приход Ленина в Смольный как-то особенно ободрил всех. Всюду говорили об Ильиче.

Дня через три в одной из комнат, где собрались шоферы, зазвонил телефон. Говорила Елена Дмитриевна Стасова:

— Передайте члену Военно-революционного комитета Садовскому, чтобы срочно был подготовлен автомобиль для товарища Ленина.

Огромная радость охватила присутствующих:

— Ого! Значит, повезем!

Сразу поднялся шум. Каждый вносил свое предложение, какой автомобиль взять для товарища Ленина. Во дворе хотя и были машины, но в большинстве инвалиды — с побитыми фонарями, с по-

мятыми крыльями, с оторванными дверцами, с оборванной обивкой от перевозки пулеметов.

Но кто-то подал мысль:

— Товарищи! Нужно забрать из бывшей царской автомобильной базы несколько автомобилей!

Поднялись руки кверху:

— Будет сделано!

Задача предстояла нелегкая. Автомобильная база еще была в руках контрреволюционеров. И вот в это осиное гнездо за машиной для Ленина поехал шофер Никандров с товарищем.

Обслуживающий персонал базы встретил его змеиным шипением:

— Что-с? Автомобиль? Нет-с! Этого не будет-с!

Но Никандров был не из робкого десятка. С оружием в руках он очистил себе путь к автомобилю, завел мотор, ловко вскочил за руль и стремительно вылетел из ворот базы. Как птица, несся Никандров по улицам Петрограда и через десять минут лихо вкатил в ворота двора Смольного.

Когда Елена Дмитриевна распорядилась подать машину к главному подъезду, среди шоферов поднялся шум. Все, как один, хотели везти товарища Ленина. Пришлось прибегнуть к жребию. Бумажку вытащил шофер Сидоров — высокий, стройный, красивый парень. Он весь как-то встрепенулся. По всем комнатам автосвязи уже разнеслась весть, что подана машина для товарища Ленина.

Из комнат собрались в вестибюле. Большинство находившихся здесь людей еще никогда не видело Ленина.

Вот по ступеням лестницы со второго этажа спускается член Военно-революционного комитета Андрей Садовский, худощавый, высокий, с бледным лицом. Шоферы его хорошо знали. Затем вышла усталая, измученная, но, как всегда, аккуратно одетая Елена Дмитриевна Стасова.

Шоферы по роду своей службы часто присутствовали на парадных выходах знатных государственных людей. И Сидоров ждал, что и сейчас произойдет нечто подобное.

И в это время настороженного ожидания быстро, на ходу застегивая пальто и поднимая воротник, в обыкновенной кепке приблизился к машине товарищ Ленин и занес ногу на ступеньку. Но шофер Сидоров, своей плотной фигурой преградив ему дорогу, заявил:

— Куда ты лезешь, этот автомобиль приготовлен для товарища Ленина.

Стоявший рядом Садовский сказал:

— Товарищ, пропусти, ведь это и есть Ленин.

Сидоров побледнел. Но Владимир Ильич хлопнул его по плечу, как-то особенно ласково сказал:

— Спасибо, дорогой товарищ, за хорошую машину. Садитесь за руль и поедем.

Сидоров некоторое время продолжал стоять неподвижно, затем ободренный и согретый лаской Ильича, покраснел от радости и быстро пришел в себя, сел за руль, и машина двинулась вперед.

Когда группа людей, ожидавшая выхода Ленина, поняла, что произошло у автомобиля, и узнала, что этот человек, похожий на рабочего, и был товарищ Ленин, раздались голоса радости и удивления:

— Так вот каков он, наш Ленин!

Кто-то добавил:

— А ведь по-старому это председатель совета министров...

А в это время Сидоров несся по улицам Петрограда, радуясь, что именно ему выпала на долю честь везти дорогого пассажира, вождя народа, навсегда сбросившего рабство.

П. ДАШКЕВИЧ

«ПРАВДА» В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Временное правительство 24 октября 1917 года закрыло «Рабочий путь», выходивший взамен «Правды». Дальнейший выход газеты был запрещен, типографию и машины опечатали, у дверей типографии поставили караул.

Центральный комитет партии и Военно-революционный комитет в ответ на это решили немедленно распечатать типографию и продолжать в ней выпуск нашей газеты. Мне поручено было произвести эту операцию.

Утром 24 октября в Смольном, в Военно-революционном комитете, мне вручили постановление комитета о распечатании типографии.

Я вызвал караул и с ним вместе вышел из Смольного на площадь. На площади объясняю солдатам нашу задачу:

— Прямо перед нами — Шпалерная улица. Вот видны казармы и конюшни Кавалергардского полка. Справа тянется плац полка, за плацем — Кавалергардская улица, где помещается типография партии большевиков. Вчера Временное правительство запретило выход большевистской газеты и опечатало типографию. Военно-революционный комитет поручил нам снять печати на машинах типографии, сменить имеющийся караул и под вашей охраной обеспечить выпуск большевистской газеты. Ваши обязанности вам понятны?

— Так точно. Понятны.

— Разводящий, проверьте караул.

Разводящий быстро осматривает караульных солдат, их винтовки, патроны, сумки. Все в порядке. Волынцы в боевой готовности. Они рассказали мне, что большевистскую газету знают, читали ее, что

они за власть советов и рады выполнить любой приказ Военно-революционного комитета. Отдаю команду, и мы выступаем на Шпалерную улицу. Сероватое, слегка морозное утро. Лужицы подмерзли. На улице — почти никого, точно она вымерла. На плацу несколько кавалеристов гоняют лошадей.

Молча шагаю со своим караулом и бережно несу приказ. Четко раздается шаг солдат.

Вот и Кавалергардская улица. Сворачиваем на нее. Дом типографии близко от угла. У ворот столпилось несколько человек, по виду — рабочие.

Подходим ближе. Среди рабочих многие дружески улыбаются. Входим во двор, но и здесь не встречаем никакого караула. Кто-то из рабочих сообщает, что часовой — солдат 9-го запасного кавалерийского полка — охраняет опечатанную дверь в машинное отделение.

Прошу пригласить ко мне представителя редакции. Входят в серой шинели товарищ Сталин и работники газеты. Мы перекидываемся с ними взглядами. Редакция предупреждена о нашем карауле. Сталин хорошо знает, зачем мы пришли. Разворачиваю приказ Военно-революционного комитета и прочитываю его товарищу Сталину. Поднимаемся по лестнице наверх. За нами устремляются рабочие и сотрудники газеты.

Мы на площадке у типографии. На дверях сургучная печать. Одинокая фигура солдата-кавалериста с винтовкой на посту. Увидя нас, часовой подтянулся и вопросительно смотрит на меня.

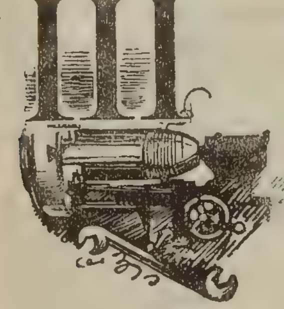
— Разводящий, по распоряжению Военно-революционного комитета произведите смену часового.

Волынец выступает вперед, становится рядом с кавалеристом, и происходит сдача поста. Кавалерист отступает, волынец становится на посту, вытягивается...

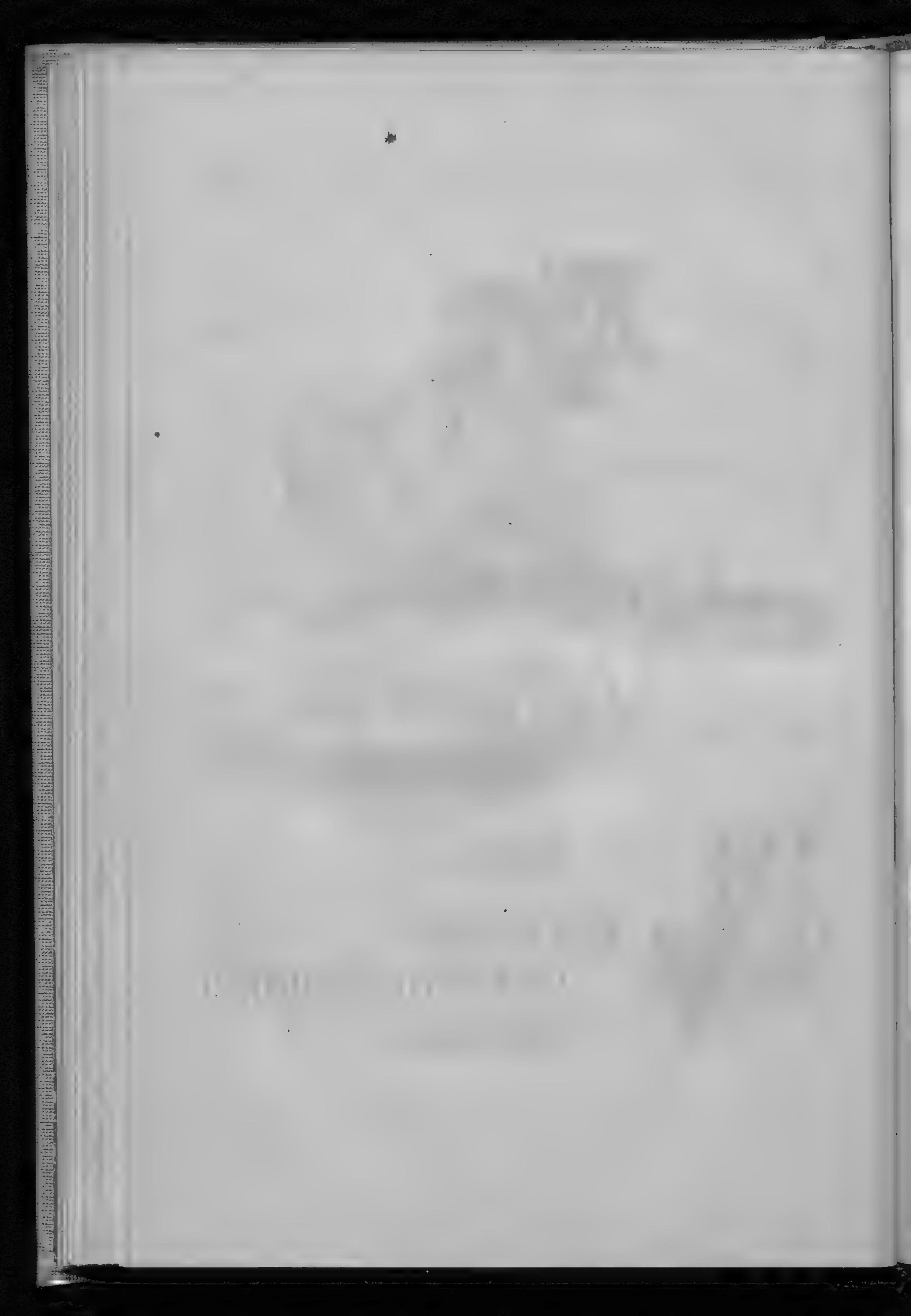
Смененному кавалеристу отдаю приказание немедленно отправиться в свою часть. Недоумевающий солдат быстро спускается вниз и проходит среди собравшихся рабочих.

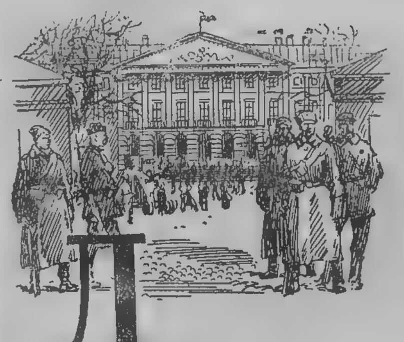
Срываю с дверей шнурок с печатями. Мне подают запасный ключ, открываю дверь. Машинное и наборное отделения открыты. Рабочие входят гурьбой. Машины опечатаны, но все в полном порядке. Останавливаемся перед первой машиной. Сквозь ходовые части машины продет шнур, и висит сургучная печать. Подают большие редакционные ножницы. Перерезаю шнур, затем другой, третий... Так переходим от одной машины к другой. Наконец все сделано.

Прошу отвести помещение караулу. Разводящий знает, что через сутки караул сменят солдаты его же полка. Редакция газеты и большевистская типография отныне в руках надежной охраны. Рабочие снова увидят газету с ленинскими и сталинскими статьями.

Разгром антисоветского мятежа

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

У ЛЕНИНА

Двадцать седьмого октября 1917 года. После получасовой езды наш автомобиль остановился у штаба военного округа. Несмотря на поздний час все окна были ярко освещены. В одной из комнат этого обширного военно-чиновничьего дома происходило заседание активных работников «военки» под председательством Н. И. Подвойского. Я сделал доклад об организации борьбы с бандами Керенского — Краснова. Тотчас были приняты решения о срочной отправке броневиков. Одновременно ввиду недостаточности этой меры было постановлено ускорить формирование рабочих отрядов и отправление на фронт рабочих полков.

Едва кончилось заседание, как я был вызван Владимиром Ильичем.

Владимир Ильич сидел в большой комнате штаба округа, на конце длинного стола, который обычно покрывался зеленым или красным сукном, но сейчас зиял своей грубой деревянной наготой. Это придавало всей комнате нежилой, неуютный вид обиталища, только что брошенного своими хозяевами. На столе перед Владимиром Ильичем лежала развернутая карта окрестностей Петрограда.

— Какие суда Балтийского флота вооружены крупнейшей артиллерией? — с места в карьер атаковал меня Владимир Ильич.

— Дредноуты типа «Петропавловска». Они имеют по двенадцати двенадцатидюймовых орудий в 52 калибра, в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо, — едва выслушав, нетерпеливо продолжал Владимир Ильич. — Если нам понадобится обстреливать окрестности Петрограда, куда можно поставить эти суда? Можно ли их ввести в устье Невы?

Я ответил, что ввиду глубокой осадки линейных кораблей и мелководья Морского канала проводка столь крупных судов в Неву

невозможна, так как эта операция имеет шансы на успех лишь в исключительно редком случае весьма большой прибыли воды в Морском канале.

— Так каким же образом можно организовать оборону Петрограда судами Балтийского флота? — спросил Владимир Ильич, пристально глядя на меня.

Я указал, что линейные корабли могут стать на якорь между Кронштадтом и устьем Морского канала, примерно, на траверзе Петергофа, где помимо непосредственной защиты подступов к Ораниенбауму и Петергофу они будут обладать значительным сектором обстрела в глубь побережья. Владимир Ильич не удовлетворился моим ответом и заставил меня показать на карте примерные границы секторов обстрела разнокалиберной артиллерии. Только после этого он несколько успокоился.

Вообще в этот день Владимир Ильич был в необычайно повышенном состоянии. Занятие Гатчины белогвардейцами, видимо, произвело на него сильное впечатление и внушило ему опасения за судьбу пролетарской революции.

— Позвоните по телефону в Кронштадт, — обратился ко мне Владимир Ильич, — и сделайте распоряжение о срочном формировании еще одного отряда кронштадтцев. Необходимо мобилизовать всех до последнего человека. Положение революции в смертельной опасности. Если сейчас мы не проявим исключительной энергии, Керенский и его банды нас раздавят.

Я попытался вызвать Кронштадт, но ввиду позднего времени не мог дозвониться. Владимир Ильич предложил мне связаться с кронштадтскими товарищами по аппарату. Мы вошли в телеграфную комнату, где неугомонно жужжали прямые провода. Облокотившись на стол одного из бесчисленных аппаратов, стоял товарищ Подвойский. Мы подошли к нему. Мысли невольно были устремлены на фронт, где сейчас решалась судьба революции. После известия о взятии Керенским Гатчины никаких существенных сообщений с боевого фронта не поступало. Падение Гатчины всеми переживалось тяжело. Все знали, что в ближайшие дни необходимы огромное напряжение сил, колоссальная работа по организации стойкого вооруженного сопротивления, массовый уход на фронт всех боеспособных элементов Петрограда и окружающих его городов.

— Да, теперь положение таково, что либо они нас, либо мы их будем вешать, — сказал товарищ Подвойский.

Никто ему не возражал.

Моя попытка связаться с Кронштадтом по прямому проводу также не увенчалась успехом.

— Ну, хорошо, вот что, — ответил мне Владимир Ильич, когда я доложил ему об этом. — Поезжайте завтра утром в Кронштадт и сами сделайте на месте распоряжение о немедленном сформировании сильного отряда с пулеметами и артиллерией. Помните, что время не терпит. Дорога каждая минута...

П. ДЫБЕНКО

ПРОТИВ КРАСНОВА—КЕРЕНСКОГО

С середины октября Балтийский флот ждал сигнала выступить на помощь революционным рабочим и солдатам Петрограда, чтобы совместными силами свергнуть ненавистное Временное правительство. Стояла холодная, тоскливая осень. Небо окутывалось тяжелыми, свинцовыми тучами. Моросил осенний, назойливый дождь. Пронизывающий ветер дул с моря. Моряки торопились. Они боялись, что наступят холода и крепкие льды преградят свободный путь для кораблей.

Все настойчивее и настойчивее шли запросы: «Скоро ли?», «Когда же?» На все эти запросы ответ был один: «Ждем приказа».

Характерный случай произошел на «Петропавловске». Корабль, выходя из гельсингфорсского рейда, сел на мель. Вот уже третьи сутки не покладая рук день и ночь работает команда, разгружая корабль. Боязнь не успеть снять с мели свой гигант к моменту выступления удесятеряет силы матросов.

Наконец к исходу третьего дня заработали машины. Кочегары, обливаясь потом около раскаленных топок, бросают в огнедышащие пасти печей все новые и новые порции угля. Яркими звездами вспыхивает угольная пыль.

Заработали винты.

— Полный ход! — раздается команда с мостика.

Могучий великан рванулся вперед, загромыхал и, дрожа всем корпусом, понесся по морской шири.

— Вперед, на Петроград!

— Останьтесь на местах — приказа еще нет! — останавливает властный голос Центробалта.

И этому голосу подчиняются все. В этой организованности виден залог победы.

Сигнал, который мы ждем из Петрограда, засекречен. Он состоит из двух слов, которые я должен получить по телеграфу: «Высылайте устав».

Это означало выслать в Петроград миноносцы и десант в пять тысяч человек. Пока что направляем в Петроград для ремонта корабли, вышедшие из строя в последних боях.

Крейсер «Аврора» уже заканчивает ремонт. От имени Центробалта передаю судовому комитету крейсера:

«В случае если последует приказ о выходе «Авроры» на рейд, приказ без санкции Центробалта не выполнять».

Наступали решающие дни.

В ночь на 24 октября мы перехватили разговор по прямому проводу представителя Временного правительства Набокова с князем Львовым. Львов сообщал, что в Петрограде начинается анархия, большевики готовят вооруженное свержение правительства.

Перехваченный разговор был немедленно передан Петроградскому военно-революционному комитету. Набоков был арестован. Связь Финляндии с Петроградом перешла в наши руки.

24 октября получили сведения о нападении финских белогвардейцев на поезда недалеко от Гельсингфорса. Для ликвидации белогвардейцев выслали специальный отряд.

К двенадцати часам дня 24 октября из Петрограда получили одну за другой две телеграммы с извещением о готовящемся выступлении.

Связались с комитетом Северо-западного фронта. Создали оперативную тройку.

На дневном заседании Центробалта принимается приветствие открывающемуся II Всероссийскому съезду советов:

«Центробалт выражает пламенное желание и твердую уверенность, что съезд достойно решит выпавшую на его долю почетную задачу. Балтийский флот со своей стороны заявляет, что он поддержит борьбу съезда за власть всеми своими вооруженными силами».

24 октября в два часа дня Центробалтом была послана телеграмма в Петроград крейсеру «Аврора», заградителю «Амур», 2-му Балтийскому и гвардейскому экипажам с предложением всецело подчиняться распоряжениям Петроградского военно-революционного комитета. Дано предписание миноносцам «Самсон», «Забияка», «Страшный» и «Меткий» выйти в Петроград.

Около восьми часов вечера 24 октября была получена телеграмма из Петрограда: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав».

Тотчас же по флоту отдано приказание — боевым ротам прибыть на вокзал в полном вооружении к двенадцати часам ночи.

В Центробалт явился командующий флотом Развозов совместно с флагманским инженером-механиком Винтер и сообщил, что предназначенные к отправке в Петроград миноносцы к утру не выйдут из ремонта.

Обращаясь к Развозову, спрашиваю:

— А когда будут готовы?

За него отвечает Винтер:

— Будут готовы через двое суток.

Тут же в присутствии Развозова вызываю с миноносцев машинистов и ставлю перед ними вопрос о возможности утром 25-го выйти в Петроград. Те отвечают:

— Будет выполнено в точности.

Ровно в двенадцать часов ночи 24 октября боевые роты вооруженных моряков отправляются в столицу.

На рассвете 25-го уходят в Петроград четыре миноносца и три тысячи человек — вооруженных моряков.

Вопреки сопротивлению Развозова миноносцы к рассвету были отремонтированы и теперь, построившись в кильватерную колонну с гордо развевающимися на стеньгах флагами с надписью «Вся власть советам», полным ходом покидают Гельсингфорсскую гавань.

25 октября вечером из Петрограда получена телеграмма: «Всем. Генеральный штаб сдался, вся власть принадлежит совету рабочих и солдатских депутатов».

Ночью с 25-го на 26-е товарищи сообщили, что правительство Керенского свергнуто. Зимний занят.

Несколько позднее из Петрограда была получена следующая телеграмма — приказ действующим армиям:

«Солдаты фронта! Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов взял в свои руки власть и немедленно же предложил перемирие всем воюющим народам и передал землю крестьянам. В ответ на это Керенский, заклятый враг народа, двинул корниловские части войск, казаков и артиллерию против революционного Петрограда. Сейчас контрреволюционные отряды находятся по линии Гатчина — Царское село. Гарнизон и рабочие столицы напрягли все силы для того, чтобы отразить и беспощадно раздавить контрреволюционных заговорщиков. Борьба идет из-за того — быть войне или миру, быть земле помещичьей или крестьянской, владычествовать богачам и генералам или беднякам и солдатам. Борьба будет беспощадная. Солдаты и рабочие знают закон — погибнуть или победить. Именем революции и новой народной власти мы повелеваем вам, солдаты фронта, поддержать ваших братьев в Петрограде. Не нарушая фронта, двинуть немедленно на помощь столице верные и стойкие полки при артиллериях, дабы они ударили в тыл врагу. Зорко следите за тем, чтобы контрреволюционеры не получили больше с фронта ни одного солдата, пытайтесь задерживать силой, разоружайте. Если вам попытаются помешать, сметите все препятствия. На 5-ю и 12-ю армии, как ближайшие, ложится долг в первую очередь подойти на помощь Петрограду, народу и революции. Именем Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — Военно-революционный комитет».

Телеграмма была немедленно передана на все корабли и базы флота, а также в 5-ю и 12-ю армии.

Под вечер того же дня вновь сформированные отряды на помощь Петрограду были направлены для погрузки.

Утром 27 октября передают распоряжение Военно-революционного комитета о дополнительной посылке в Петроград отрядов с артиллерией. Требуют моего выезда в Петроград.

Прибыв в Петроград 28 октября рано утром, я немедленно отправился в Смольный. У входа в него дежурили броневики, самокатчики, красногвардейцы. Внутри здания взад и вперед снуют массы народа. С трудом отыскиваю комнату товарища Подвойского.

Подвойский задает мне ряд вопросов:

— Сколько прибыло матросов и артиллерии? Миноносцев и броненосцев?

— Броненосцев мы пока не посылали — их никто не требовал. Три тысячи моряков прибыли и находятся в вашем распоряжении. По пути к Петрограду сейчас следуют полторы тысячи человек и дивизион артиллерии. К вечеру они прибудут в Петроград.

Подвойский рассказывает о положении на фронте:

— Наши части оставили Гатчину. Керенский и Краснов с войсками двигаются на Царское и Петроград. Поезжайте немедленно в Царское, узнайте, что там делается, и сообщите нам.

Выходя от Подвойского, я встретил товарища. Вместе поехали в Пулково. С трудом отыскали автомобиль, скорее похожий на рыдван. Двое в штатском просили взять их с собой. Оба они оказались журналистами. Один из них — Джон Рид.

По пути следования к Пулкову на окраине Петрограда наш рыдван сломался. Тогда мы остановили проезжавший автомобиль. Оказалось, что в нем ехал иностранный консул. Когда мы захотели его высадить, он горячо запротестовал.

— Хотя вы и неприкосновенная личность, но, к сожалению, революция не ждет, и вам придется немедленно освободить автомобиль, — ответил я, и мы уехали на его машине.

На краю Пулкова в небольшой избе мы разыскали «штаб». Весь он состоял из бывшего полковника Вальдена, беспомощно разводившего руками:

— Разрешите доложить: наши части разбегаются. Без сопротивления отступили от Царского.

Беспомощность «штаба», непонимание им, что творится кругом, вселили в нас тревогу.

Выслушав доклад Вальдена, мы взяли на себя задачу организовать эти вооруженные массы. Разбив солдат на группы, назначили командиров из бывших унтер-офицеров и передовых рабочих, сделали распоряжение в точности выполнять указания штаба.

Едва закончилась разбивка на группы, как со стороны Царского села артиллерия противника начала обстреливать Пулково. Однако вооруженные солдаты и красногвардейцы не разбежались, а, наоборот, казавшиеся несколько минут тому назад инертными, ожили — в их глазах загорелись огоньки ненависти к тем, кто обстреливал Пулково, и они тут же потребовали, чтобы их вели против Керенского.

Некоторые из рабочих, обращаясь ко мне, спрашивали:

— А где же матросы? Скоро ли они прибудут?

Я уверил их, что матросы спешно двигаются на фронт и что с ними прибудет артиллерия.

— Но вам необходимо удержать Пулково до их прихода, — добавляю я.

— Не сдадим! Не подпустим Керенского к Петрограду! — отвечали красногвардейцы.

Вскоре я возвратился в Смольный доложить о положении дел и принять меры, чтобы как можно быстрее двинуть матросские отряды

на фронт. В Смольном встречаю Владимира Ильича. Он спокоен. Увидев меня, спрашивает:

— Ну, как дела на фронте?

Сообщаю о положении на фронте и добавляю:

— Еду в Морской революционный комитет и сейчас же постараюсь двинуть матросские отряды, которые сегодня прибывают из Гельсингфорса.

Кивком головы Ильич одобряет мое предложение.

В течение ночи удалось двинуть два отряда моряков в Пулково. 30 октября Военно-революционный комитет сосредоточил также под Красным селом и в Колпине отряды моряков и красногвардейцев и части пехотных полков.

Захват Керенским царскосельской радиостанции дал ему возможность распространить кучу воззваний и приказов, призывающих революционные войска «одуматься» и присоединиться к нему. Моряки пулковского отряда с хохотом уничтожали эти воззвания, сопровождая свои операции сочной матросской руганью.

Боевое настроение пулковского отряда с приходом моряков поднялось. А с прибытием артиллерии красногвардейцы и моряки потребовали немедленного перехода в наступление. Они просто заявляли:

— Какого чорта топтаться здесь, поскорее всадить штык в спину Керенского — и дело с концом.

В девять часов утра 31 октября войска Керенского возобновили обстрел Пулкова. После артиллерийской подготовки казаки перешли в наступление, пытаясь в конном строю прорвать цепь защитников Пулкова.

Первая атака казаков была отражена ружейным и пулеметным огнем с значительными для них потерями. Через час казаки при поддержке артиллерийского огня с бронепоезда вторично перешли в наступление.

Бой продолжался около часа. И снова наступление казаков разбилось о стойкость наших частей. Казаки понесли значительные потери. Красногвардейцы и моряки, ободренные успехом, бросились преследовать отступающих и пытались захватить бронепоезд.

Отступающие войска Керенского поспешно отходили в направлении Гатчины. Около шести часов вечера Царское было в наших руках.

В одиннадцать часов ночи 31 октября к нам в Царское село из Гатчины без ведома Керенского и Краснова прибыла делегация от казаков. Прибывшие предложили вступить в переговоры о заключении «мира». Казачий офицер заявил, что если мы теперь решим вести наступление, то казаки и юнкера окажут упорное сопротивление, тем более, что они ожидают подкрепления в лице батальонов «ударников».

Не теряя времени, в час ночи 1 ноября я вместе с прибывшей делегацией, взяв с собой лишь одного матроса Трушина, невзирая на протесты со стороны всего отряда матросов отправился в Гатчину. По пути ехавший со мной офицер заявил, что казаки против гражданской войны, они считают, что их ввели в заблуждение рассказами о

жестокостях большевиков и о том, что они — немецкие агенты. Казаков убеждали, что весь Петроград ждет их как избавителей от большевиков. Но теперь, после боя под Пулковом, они лично убедились, что против них сражаются свои же братья — матросы, солдаты и рабочие. Он просил по прибытии в Гатчину выступить на митинге перед казаками и разъяснить, что такое советская власть, кто именно избран министрами и какая участь ждет казаков.

По пути следования нас неоднократно останавливали казачьи заставы. Около трех с половиной часов ночи мы въехали в Гатчину на площадь к бывшему дворцу. Площадь слабо освещена. Наш автомобиль останавливается у ворот дворца. Навстречу показался дежурный офицер и, обращаясь ко мне, спросил:

— Вы кто?

— Я прибыл для переговоров с казаками,— ответил я.

Офицер заявил:

— Я вынужден вас арестовать. Дайте ваше оружие.

— Свое оружие я не отдам. Если вы посылали делегацию для того, чтобы захватить кого-либо из нас как заложника, то это вам даром не пройдет.

Матрос Трушин, выхватив револьвер, направил его на офицера.

В этот момент группа казаков, постепенно окружавшая нас и следившая за разговором, потребовала от офицера моего освобождения. Офицер упорствовал.

— Я должен арестовать его и доложить генералу Краснову. Что он прикажет, то и будет сделано.

Казаки стали между мной и офицером, заявив:

— Пусть большевики сами расскажут нам обо всем. Мы хотим знать правду о том, что делается в Петрограде.

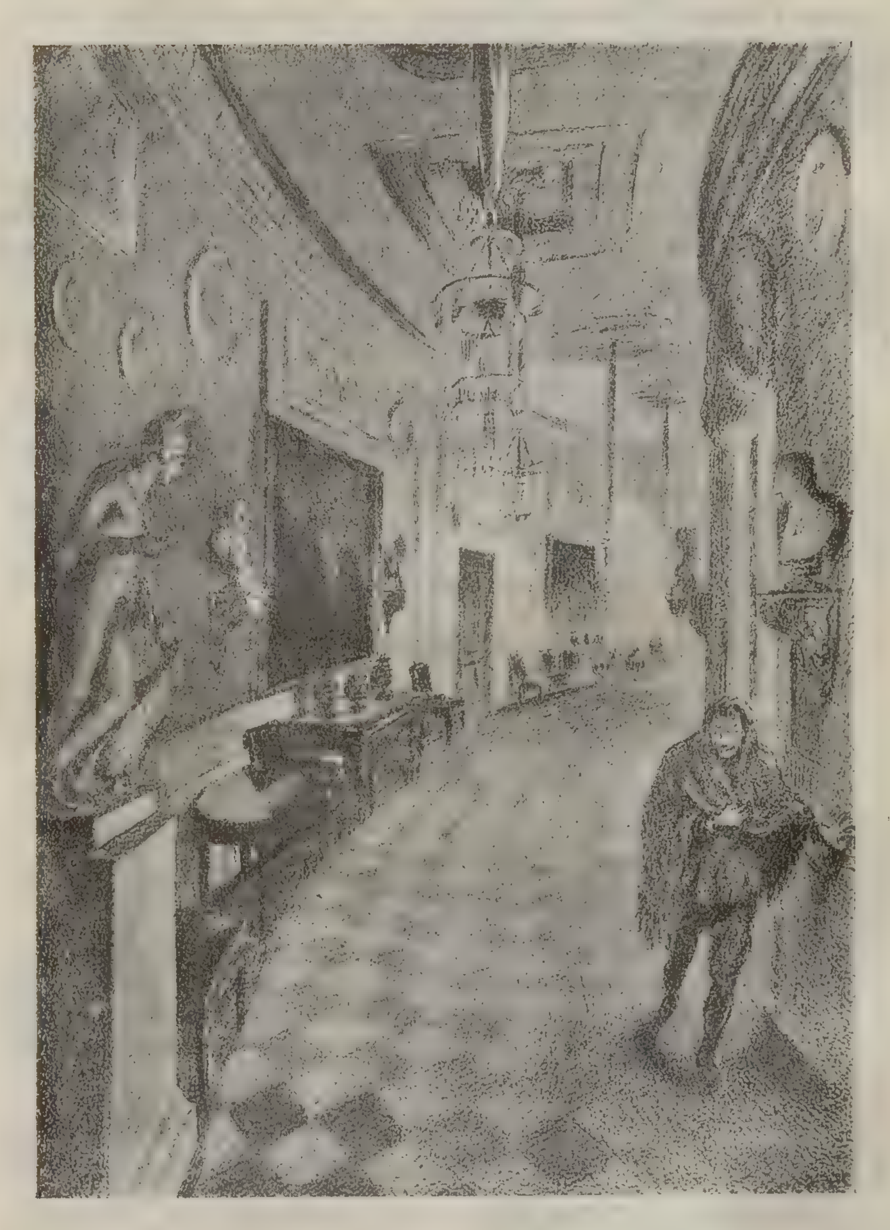
Почувствовав за собой поддержку казаков, я обратился к ним с вопросом:

— Где Керенский? — И тут же потребовал, чтобы немедленно был приставлен к нему надежный караул.

— В случае его побега отвечаете вы, — добавил я.

Офицер, приезжавший в качестве делегата для переговоров, остался у дворца, отдавая распоряжения об усилении караула. В сопровождении казаков и Трушина я направился в казачьи казармы. Наш приход разбудил казаков. Неряшливо одетые в старые измызганные шинели, с растрепанными длинными чубами и неумытыми физиономиями, казаки казались усталыми и разбитыми. Многие, свесив головы, посматривали на нас со второго яруса нар. Злобно оглядывали нас казачьи офицеры и юнкера.

Взобравшись на нары, я начал говорить казакам о предательстве Временного правительства, о попытках Керенского сдать без боя Петроград с целью задушить революцию. Я указал им, что новое правительство стремится добиться мира и прекратить братоубийственную бойню. Разъяснил сущность советской власти и изданные Советом народных комиссаров декреты. И, наконец, сообщил, что весь гарнизон Петрограда, Балтийский флот, войска Финляндии, ра-

Переодевшись, Керенский бежал из Гатчинского дворца

бочие и фронт поддерживают советскую власть и будут до конца драться за нее! Поход Керенского, вызывая излишнее кровопролитие, кончится крахом. Керенский пытается, как Николай II, превратить казаков в жандармов и тем самым возбудить против них всеобщую народную ненависть.

Офицеры и юнкера злобно шипели на нас со своих мест:

— Не верьте им, станичники! Это изменники и предатели России!

В ответ на крики офицеров я заявил:

— Не изменники взяли власть в свои руки, а рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, такие же, как и труженики-казаки. Вы, господа офицеры, бежите с фронта, а матросы в жестоких и неравных боях с немецким флотом доказали свою преданность революции и готовность защищать нашу революционную страну. Они дрались до последней капли крови, и они первые вместе с рабочими выступили на защиту советской власти.

Мои доводы начали действовать на казаков. Они смелее стали посматривать на офицеров. Раздались выкрики:

— Правильно! Рабочие и матросы — наши братья, и мы пойдем с ними!

К утру казармы уже не вмещали собравшихся казаков. Митинг затягивался. Наконец мне удалось убедить казаков прекратить гражданскую войну и арестовать Керенского. Казаки согласились на арест Керенского, но требовали согласовать этот вопрос с казачьим комитетом.

К десяти часам утра прилегающая к дворцу площадь была забита казаками и юнкерами.

Я вновь обращаюсь к казакам:

— Ведь у вас офицерский комитет, а не казачий. Где же казаки в вашем комитете?

Меня поддержали. Из глубины казачьей массы раздались возгласы:

— Правильно!

На этот раз офицерство просчиталось. В то время как большинство офицеров находилось в дворцовом зале, на площади перед дворцом произошли перевыборы комитета.

Около двенадцати с половиной часов дня, наконец, комитет согласился арестовать Керенского. В момент принятия этого решения в комнату вбежал дежурный офицер и прочитал телеграмму: «Из Луги отправлено двенадцать эшелонов «ударников». К вечеру прибудут в Гатчину. Савинков».

Телеграмма вызвала среди казаков очевидное замешательство, нерешительность. Настроение опять стало колебаться, но в этот момент стало известно, что, переодевшись, Керенский бежал из Гатчинского дворца.

Возмущенные бегством Керенского, казаки послали следующую телеграмму:

«Всем, всем. Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни поя-

вился, должен арестовать его как труса и предателя. Казачий совет III корпуса».

Около трех часов дня вступили в Гатчину отряд моряков и один батальон Финляндского полка. В шесть с половиной часов вечера вместе с командиром Финляндского полка мы вошли в кабинет Краснова. При нашем появлении высокий седеющий генерал поднялся нам навстречу:

— Генерал Краснов, именем Совета народных комиссаров вы и ваш адъютант арестованы,— сказал я.

Краснов спросил:

— Вы меня расстреляете?

— Нет, мы вас немедленно отправим в Петроград.

— Слушаюсь,— ответил он.

Тут же были арестованы и два адъютанта Керенского.

Арестованный генерал Краснов под конвоем матросов в автомобиле был отправлен немедленно в Смольный.

1 ноября к восьми часам вечера III казачий корпус и юнкера были разоружены.

3 ноября к Гатчине подошло несколько эшелонов «ударников». Без труда их удалось разоружить.

Безвозвратно рухнула попытка Краснова и всей контрреволюции вырвать власть из рук советов. Победа навсегда осталась за нами.

Ф. ПАВЛОВ

В ПЛЕНУ НА ТЕЛЕФОННОЙ

В октябрьские дни я командовал отрядом Красной гвардии в Петрограде. 28 октября Военно-революционный комитет отправил наш отряд и группу матросов-артиллеристов на Пулковскую гору отбить наступление Керенского. Мне приказали захватить с собой на Царскосельском вокзале батарею из восьми пушек. Но на вокзале никакой батареи не оказалось. Я позвонил в Смольный секретарю Военно-революционного комитета и спросил его — как быть.

Пушки, предназначенные для нашего отряда, находились, как выяснилось, не на вокзале, а в Петропавловской крепости, и я помчался туда. Машина быстро катила по темным улицам и переулкам. Было шесть часов утра. Покачиваясь на сиденье, я боролся со сном (не спал четвертую ночь). Наконец сон осилил — я задремал... Проснулся от резкого толчка остановившейся машины: на перекрестках патрули проверяли пропуска. Послышалась стрельба. Как выяснилось позже, началось выступление юнкеров. Это было в ночь на 29 октября.

Передав комиссару Петропавловской крепости распоряжение Военно-революционного комитета о переброске орудий, я снова отправился на Царскосельский вокзал, где меня ожидал отряд.

Но до отряда я так и не добрался. На углу Гороховой и Морской машина внезапно остановилась. Дверца автомобиля открылась, и меня окружила толпа. С усилием раскрыв глаза, я различил во тьме погоны юнкеров и увидел злорадно торжествующие лица.

В мгновенье ока меня вытащили из автомобиля, сняли с плеч походный мешок, несколько раз ударили и повели на телефонную станцию. У входа на станцию я увидел баррикады и броневые автомобили. У ворот лежали наши часовые, убитые юнкерами.

Во дворе телефонной станции находился большой отряд вооруженных юнкеров. Офицер с расцарапанной щекой, очевидно, командовавший этим отрядом, приказал мне стать к стене и скомандовал:

— Смирно!

Я прикинулся простачком:

— Я же не военный и не знаю, как это — смирно.

Офицер повернулся к юнкеру:

— Расстрелять!

В это время с лестницы, на противоположной стороне двора, выбежали телефонистки. Картина подготовки расстрела безоружного человека, окруженного целой сворой юнкеров, видимо, потрясла их. Послышались истерические крики. Несколько женщин упало в обморок. Поднялся шум:

— Носилки! Воды!

Офицер зло глянул на телефонисток, крепко выругался и, досадливо махнув рукой, крикнул:

— Отставить!

Меня отвели в небольшую комнату на втором этаже, у двери поставили двух вооруженных юнкеров. Я сразу же впал в забытье — бессонные ночи сделали свое дело. Долго ли я проспал — не знаю. Проснулся от удара в бок. Юнкер-часовой будил меня носком сапога. Я с трудом продрал глаза. Оказывается, меня решили перевести в другую комнату.

Но в новой комнате, большой и светлой, я просидел спокойно не больше получаса. Внезапно на лестнице раздались торжествующие выкрики:

— Вот он, разбойник, палач!

— Вот он, убийца!

Дверь открылась, и в комнату втолкнули товарища, оказавшегося членом Военно-революционного комитета. За ним ввалились юнкера. Покричав и помахав кулаками, они вышли, оставив у входа часовых.

Я рассказал товарищу, как попал в плен к юнкерам. Оказалось, что и он был схвачен на углу Морской, когда ехал из Смольного в Зимний. Часовые грубо прервали нас и не разрешили разговаривать. Мы молча сидели друг против друга за письменным столом... Наша комната была, очевидно, канцелярией телефонной станции.

Через некоторое время к нам стали приводить новых арестован-

ных. Нас собралось человек восемнадцать, большей частью матросы. Утром приток пленных прекратился.

Началась редкая перестрелка. Часам к двенадцати она усилилась, непрерывный треск раздавался наверху здания. Около часу дня стрельба оборвалась, но не надолго. С часу опять загремела пальба. Подойдя к окну, я увидел, как по пожарной лестнице сновали юнкера — на крышу и обратно.

В самый разгар стрельбы к нам вбежал знакомый уже мне офицер с расцарапанной щекой. Он угрожающе закричал:

— Сейчас с вами расправимся!

Покричав, офицер удалился. Больше мы его не видели. Часа в четыре дня за окнами поднялся страшный шум. Из дежуривших около нас четырех юнкеров двое были сняты. Не прошло и тридцати минут, как ушли и последние два юнкера, закрыв комнату на замок. Уход охраны ободрил нас: значит, юнкерам приходится туго.

Я подошел к двери и попытался ее открыть, но ничего не мог сделать.

Юнкера отстреливались все реже и реже. Прильнув ухом к двери, я слышал, как юнкера стали собираться на лестнице, щелкая затворами...

Снаружи кто-то подошел к двери, застонал отпираемый замок, и на пороге появились два человека. Один из них был очень высок, худ, с продолговатым нерусским лицом. Как я узнал потом, это был американский корреспондент, а другой — его переводчик.

Американец спросил, кто из нас член Военно-революционного комитета.

— В чем дело?

Американец сказал, что юнкера просили его быть парламентером. Они готовы сдаться, просят всех их обезоружить и отпустить по домам, как это было сделано в Зимнем дворце четыре дня назад. Член Военно-революционного комитета заявил:

— Пусть сдаются, но отпустить их не можем... Обезоружим и посадим в казармы впредь до решения Совета народных комиссаров.

Американский корреспондент удалился, чтобы передать юнкерам ответ. Через несколько минут он вернулся:

— Юнкера согласны на ваше предложение.

Мы покинули здание телефонной станции. Белогвардейские мятежники продержались в ней меньше суток. Не суждено было юнкерам вырвать обратно завоеванное рабочим классом... Силы, способной сделать это, не существовало.

ПЕРВЫЙ ФРОНТ[1]

Спустя день после II съезда советов Керенский соединился с генералом Красновым и двинул белые войска против советского Петрограда. Сильным ударом они собирались разбить революцию. В районе Красное село — Гатчина уже шли бои красногвардейских отрядов с казаками. Петергофское шоссе стало вооруженным лагерем. Со всех концов города двигались красногвардейские части на Пулково, на Гатчину. 28 октября В. И. Ленин вызвал путиловцев:

— У нас нехватает пушек, а вы делаете пушки. Добейтесь, чтобы пушки на чем угодно, но были отправлены на позиции. Если нет коней — берите их у извозчиков. Где нельзя проехать — берите канаты и тащите их на канатах.

Так появился приказ Совета народных комиссаров и Петроградского военно-революционного комитета о пушках:

«29 октября Путиловскому заводу и районному совету достать и доставить:

Легких и тяжелых орудий с прислугой и снарядами в возможно большем количестве,

телефоны с проводами на 50—100 верст,
разного фуража 5—10 тысяч пудов,
колючей проволоки,
продовольствия,
250 кавалерийских оседланных лошадей».

Приказ принял Иван Егоров. В комнате заседаний районного совета стало очень тихо. Сначала все члены совета были ошеломлены. Где достать все это?

Затем все зашумели и заговорили разом. Выступил Иван Егоров:

— Достать нужно завтра к утру — к шести. Сейчас четыре. Часов двенадцать у нас есть. Сделаем так: каждому своя задача — сюда, к совету, доставить, что будет поручено.

Никто не возражал. Актив районного совета состоял из путиловских большевиков. Между ними и распределили задания. Каждый подобрал себе людей в помощь. Собирались уходить. Но Максим Анисимов, которому поручили достать двести пятьдесят коней, стоял недвижимо. Смущенно разводил руками. После долгого раздумья он подошел к коменданту боевых дружин и спросил:

— Где коней достать-то? Десяток — это так. А то, шутка ли, двести пятьдесят! Да еще верховых, с седлами.

Комендант молча посмотрел на него.

— Коней, скажем, реквизирую, а седла где?

— Район тебе не заказан, в город поедешь. Захочешь, так найдешь...

Анисимов получил мандат на право реквизиции верховых лошадей, упряжи, овса и сена.

---

[1] Обработал по воспоминаниям рабочих М. Мительман.

— Я знаю, где кони есть, — заявил Анисимову дружинник, весь обмотанный пулеметными лентами.

Анисимов ухватился за него:

— Идем, идем, ты, видать, парень дельный.

Около пяти часов вечера все члены совета разошлись.

На Путиловский завод позвонили:

— Как с пушками?

Из заводского комитета ответили:

— Уверены: пушки будут, больше, чем ожидаете. Только бы лошадей достать — вывозить нечем.

Управляющий делами Совета народных комиссаров В. Бонч-Бруевич по указанию Владимира Ильича направил на Путиловский завод реквизированных ломовых лошадей.

К утру боевой приказ Совета народных комиссаров и Петроградского военно-революционного комитета был полностью выполнен.

Собранный за одну ночь обоз растянулся от Нарвских ворот далеко по направлению к заводу. День только начинался, и рабочие, шедшие на завод, изумленно глядели на обоз, вокруг которого расхаживали красногвардейцы. Красногвардейцы были свои, заводские. Среди возчиков встречались знакомые лица. Надписи на дугах подвод тоже подтверждали, что этот огромный транспорт собран в районе.

У завода в два ряда стояли пушки, возле них — артиллеристы. Дальше — зарядные ящики, санитарные автомобили, походные кухни, и, наконец, свыше двухсот верховых коней. На узких тротуарах толпились возбужденные люди. Лошадей окружала гудящая толпа. Красивые, тонконогие, выхоленные кони вызывали восхищение.

— Откуда достали? — спросил кто-то у красногвардейцев.

— Откуда следует, — ответил красногвардеец из отряда Анисимова — тот самый парень, который первым вызвался помочь Анисимову в розысках коней. — Мы, что хочешь, достанем, — хвастал дружинник.

— Ты скажи — откуда, — допытывались рабочие.

— Обводный знаешь? Николаевское училище знаешь? Оттуда — вот!

— И дали вам?

— Дадут, когда возьмем.

Комендант вышел на шоссе. Усталость как рукой сняло. Выйдя на середину дороги, огляделся. Вереницы возов. Он подошел к ближайшей подводе. На ней была сложена колючая проволока.

— Сколько здесь? — спросил комендант подводчика.

— Восемь кругов.

Хмурый подводчик ответил сквозь зубы. Его подняли ночью, заставили запрячь лошадей и погнали за Московскую заставу за проволокой.

— Платить будете за возку? — спросил он коменданта.

— Там видно будет, — уклончиво ответил тот и направился к Нарвским воротам...

Вперемежку, загромоздив всю улицу, стояли возы с сеном, подводы с овсом, ячменем, с продовольствием, телефонными аппаратами, проводами, проволокой.

Коменданта одолевали все новые заботы: продовольствия как будто мало... Мотоциклы надо нарядить для связи.

Когда простучала последняя повозка — походная мастерская, — он опять пошел в совет.

— Звони в Смольный, передай, что приказ исполнен, — сказал он дежурному.

Связному мотоциклисту приказал через два часа выехать на линию фронта и выяснить положение.

В завод снарядили связных — за новыми отрядами.

На Шереметьевскую дачу послали разведку.

Днем на фронт выехал путиловский отряд в двести человек. Они повезли с собой новую партию зенитных пушек, зарядные ящики на автомобилях, полевую артиллерию, легковые автомобили для перевозки раненых, запасы бензина, масла, перевязочных средств.

Артиллерия ушла. На заводе и в районном совете удовлетворенно вздохнули: артиллерия решала успех боев.

В эти боевые дни завод выполнял также приказ Петроградского военно-революционного комитета о создании укреплений в районе Красного кабачка — на девятой версте от Нарвских ворот.

По всем мастерским были проведены митинги под лозунгом: «Все на защиту революции». Заводской комитет обратился с призывом: сейчас же собрать рабочих для окопных работ в количестве тысяча пятисот человек, при чем так, чтобы производство, имеющее военное значение, не останавливалось.

В пушечной выступил меньшевик Деулин.

— Созданная власть, — говорил он, — не выражает интересов всей демократии...

Всячески виляя, боясь прямо выступить против посылки рабочих на окопные работы, он кричал о демократическом единстве, пугал кровопролитием. В башенной меньшевик В. Григорьев говорил, что авторитетной властью может быть только правительство всех социалистических партий. Совет старост союза чертежников ответил заводскому комитету короткой резолюцией: «Совет старост не счел себя правомочным санкционировать посылку лиц для рытья окопов».

Жалко тонули эти голоса предателей и трусов в том гуле энтузиазма, которым был охвачен завод.

Цеховые комитеты быстро набрали нужное количество людей. Рабочие пошли в поле. Порывистый ветер бил в лицо мелким дождем. Мокрые до нитки, рабочие разошлись по участкам и под руководством солдат саперной команды начали лихорадочную работу.

Издалека доносилась артиллерийская стрельба.

Люди растянулись цепью на шаг друг от друга.

Грязь прилипала к лопатам. Руки скользили по мокрым черенкам. Окопы заливало водой, но путиловцы копали. Саперы бегали по трассе, брались за работу сами, учили втыкать лопату одним нажимом ноги

и делать крутизну, чтобы не обваливались стенки. Темнота надвинулась внезапно. Работали всю ночь. К утру пришла вторая партия рабочих.

Вечером члены Военно-революционного комитета докладывали Ленину о положении на фронте:

— Следует закрепить Колпино и прикрыть связь с Москвой. Этому мог бы содействовать бронепоезд, обещанный путиловцами, точнее — бронеплощадка с зенитными орудиями, да что-то ее все нет.

— Нельзя ли их поторопить? Вы уверены, что выполнят? — спросил Ленин.

— Они делают, что могут, но не мешало бы подтолкнуть. Можно съездить, убедиться и подтолкнуть заодно.

— Поеду сам на завод, — решил Ленин.

В открытом автомобиле Владимир Ильич подъехал к Путиловскому заводу. В помещении заводского комитета несколько рабочих разбирало чертежи. Отвечали на вопросы коротко, деловито.

— Через сутки бронеплощадка будет в бою, — заверили путиловцы Ленина.

Долго бились путиловцы над сборкой бронеплощадок. Две обыкновенных американских крытых платформы типа «Фокс-Арбель» приспосабливали под установки для зенитных орудий. Все, казалось бы, просто: обшить борты мешками с песком или шпалами, на кругах установить орудия. Трудность состояла в системе крепления зениток. Надо было добиться, чтобы при откате тела орудия не поколебалась вся установка, чтобы не был пробит пол и не задевало борты.

29 октября в девять часов утра пришло срочное известие: дать отряды для разоружения юнкеров. Созданный меньшевиками и эсерами контрреволюционный «комитет спасения родины и революции» организовал восстание юнкеров, чтобы облегчить движение войск Керенского — Краснова на Петроград.

Тревожный гудок оборвал работу. Рабочие останавливали станки и бежали к заводскому комитету. Там стоял человек и беспрерывно кричал:

— В театр! В театр!

На вопросы отвечал всем одинаково:

— Там узнаете.

В театр набилось около двух тысяч народу. Оратор со сцены сказал просто:

— Нужно разгромить юнкерские гнезда. Давайте пятьсот человек. Кто за торжество революции, выходи на улицу налево и стройся.

Когда он вышел, перед ним стояла полуторатысячная колонна. Он махнул рукой, пошел вперед, выделил около пятисот человек и сказал остальным:

— Больше не надо. Вам можно обратно на работу.

Задние запротестовали:

— Бери по двести пятьдесят с обоих концов.

— Придет и ваш черед.

Все же вместо пятисот пошло свыше шестисот человек. Молодежь

перебегала из задних рядов в передние. Всех, кто был с винтовками, направили в районный совет. Безоружные пошли в Петропавловскую крепость и, получив винтовки, разбились на две части. Один отряд пошел к Владимирскому, другой — к Павловскому училищу. Затем путиловцев перебросили к Пажескому корпусу, к Инженерному замку. К вечеру гнезда юнкеров разоружили. Восстание было подавлено.

На другой день районный совет решил разоружить казачью сотню, стоявшую в даче Шереметьева.

Сотник красногвардейской сотни — сцепщик железнодорожного цеха Путиловского завода — привычно просвистал сигнал: быстро вперед. Красногвардейцы бросились к даче Шереметьева, окружили ее со всех сторон.

Казаки выбежали заспанные, но с оружием. В сцепщике они узнали того, кто постоянно водил мимо них путиловцев на стрельбище.

— Здорово, казаки, — сказал сцепщик. — Мы, путиловцы, пришли вас разоружить, чтобы вам домой вернуться, а нам чтобы от вас опасности не было.

Казаки зашептались: перспектива желанная — домой. Но жгла мысль — без оружия...

Вахмистр медленно поднял голову, внятно произнес:

— Оружия не дадим. Мы — нейтралитет. — И повернулся, чтобы войти в дом.

Но сцепщик задержал его.

— Здесь обсуждать будем, — заявил он.

Казаки сбились в кучу. Четверо красногвардейцев, один за другим, выступили, как на заправском митинге. Они говорили о власти советов, о земле.

После них вышел молодой чубатый казак.

— Оно, может, и так, правду вы о крестьянстве говорите. Только нам, казакам, лучше без порток домой приехать, чем без оружия. Да и землю оборонять надо, — хитро добавил он.

— Когда землю оборонять надо будет, вся власть за тебя станет, — ответил ему путиловец.

И, обернувшись к вахмистру, бросил:

— Клади.

Вахмистр насупился. Потом бросил револьвер на землю и крикнул с сердцем:

— На́, бери!

Угрюмо подходили казаки и складывали винтовки, карабины, револьверы. Последним подошел чубатый. Он поглядел на свой черный карабин и бережно положил его сверху.

— Револьвер клади, — сказал красногвардеец.

— Оставь... — тихо попросил казак.

— Земли у тебя много?..

— А при чем тут земля? Земли у меня мало, — недоумевая, ответил он.

Красногвардеец несколько секунд подумал и сказал:

— Оставь у себя.

Отправка на фронт против Керенского — Краснова блиндированного поезда с Путиловского завода

Рисунок А. М. Ермолаева

Подкатил автомобиль. В пять минут его нагрузили оружием и отправили в совет.

Первый путиловский бронепоезд 30 октября выехал на фронт. Он состоял из двух платформ «Фокс-Арбель» с четырьмя зенитными орудиями и двух открытых железнодорожных площадок.

Предварительно бронепоезд осмотрели члены заводского комитета. Они взбирались на площадки, откидывали железные борты и перекрытия, мерили толщину «брони», рассчитывали отдачу пушек и крепость всей установки. В команде было сорок человек, главным образом солдаты-тарутинцы. Начальником поезда был Войцеховский. Поезд двинулся на станцию Пущино путиловской ветки. Рабочие бежали вслед и долго махали команде шапками, провожая свой первый бронированный поезд. Со станции Пущино путь лежал на Пулково.

На подступах к станции Александровская завязался первый бой с войсками Краснова. Когда запас снарядов иссяк, поезд вернулся на завод, взял снаряды, прицепил две запасных цистерны воды и снова выехал на фронт. Борьба теперь уже подходила к концу. 30 и 31 октября красногвардейские части и матросы взяли Царское село и Пулково. 1 ноября они вошли в Гатчину, захватив в плен генерала Краснова. Контрреволюция была разгромлена.

2 ноября отряды путиловских красногвардейцев возвращались в город. Путиловцы встречали их у Нарвских ворот... Начались митинги. Один из красногвардейцев произнес короткую речь:

— Мы не думали, что так скоро вернемся. Знаем теперь свою силу. Но нам нельзя рассыпаться. Враг хитер. Борьба не окончена. Держаться нужно попрежнему сотнями. Нужно лучше изучать военное дело. Впереди предстоят новые бои.

Из штаба Красной гвардии объявили: «Красногвардейцы — по домам; сотники — в штаб за распоряжениями». Но долго не расходились солдаты революции. Их окружали, расспрашивали о боях, и они рассказывали охотно и подробно.

Бронепоезд возвратился вечером и на следующий день с новой командой из солдат-тарутинцев и путиловской молодежи выехал на помощь московским рабочим.

АТАКА[1]

Отряд ижорцев остановился у Верхнего Кузьмина. Кругом были пригородные деревушки, разбросанные вокруг Пулковских высот.

С Пулковской горы были видны переплетающиеся и расходящиеся дороги, видны рельсы. По дорогам, как и всегда, тянулись из города подводы. Медленно катилась паровая трамбовка. Скот ходил по озими. Поля серебрились первыми заморозками и желтели там, где была срезана рожь. На Царскосельской, на Балтийской, на Варшавской дорогах поездов не было видно. Эти дороги отрезаны Керенским. И с той же Пулковской горы было видно, как уже протягиваются ленты окопов, и было видно, как к деревушкам и дорогам стягиваются из столицы солдатские, матросские, красногвардейские отряды. Иногда из этого людского потока вырывался вперед черный или серый комок. Это спешил из Смольного штабной автомобиль.

С правого фланга у рабочих Ижорского завода оказались матросы, с левого — рабочие Балтийского завода. Командир отряда Черневич смотрел в бинокль в сторону Царского села, откуда могли двинуться красновские казаки. Он останавливал взгляд на деревьях — не спрятана ли там артиллерия. Но из Царского никто не двигался. Казалось, что и не двинется. Такой спокойный день.

А в это время по цепи передавали приказ полевого штаба: «Не отступают и не сдаются войска свободного народа».

В штабе пробравшийся из Царского села солдат под хохот матросов рассказывал о Керенском:

— Ручкой сделает нам так, а потом все с генералом советуется...

Черневич еще раз проверил оружие, молча оглядел своих. Первый раз ребята в деле — и в каком деле! В бою с кавалерией! Ему-то военная выдержка далась двумя годами фронта, двумя ранами. Он и сегодня был в шинели с георгиевским крестом. Если не глядеть на цепь, на бойцов в разной одежде, то можно представить, что ты в Польше, за Варшавой, как два года назад.

— Ижорцы! Обедай с нами! — закричали Черневичу балтийцы.

У них дымилась походная кухня.

— Вы с запасом пришли, погляжу, — сказал Черневич командиру балтийцев.

А тот в ответ рассказал краткую историю:

— Взял я в Финляндском полку кухню, да так и повез пустой. Заехал на кожевенный завод. Там обед варится, хороший обед, с мясом. Я повару: «Одолжи новой власти обед». Он испугался, говорит: «Ребята в работу возьмут, боюсь». — «Ничего, скажи, что для Красной гвардии, которая в бой идет». Вызвал он рабочих. Я им: «Не обидитесь, если обед возьмем?» — «Ничего, — говорят, — бери». Вот мы и приехали с обедом.

---

[1] Обработал по воспоминаниям С. Марвич.

Пообедали вместе на краю канавы. Разведка донесла, что неприятель начал передвижение. Еще и еще раз Черневич оглядел товарищей. При атаке кавалерии главное — глаз и нервы. У него это было. А у них?

Но раньше, чем показалась кавалерия, просвистели снаряды.

— Ложись! — кричал Черневич молодому парню из своего отряда. — Да что ты...

Парень широко улыбался — беспечно и вместе с тем испуганно. На шее у него висели две связки бубликов, и он не хотел лечь с ними в грязь. Пришлось силой пригнуть парня к земле. Он лег и стал раздавать бублики товарищам, чтобы не пропали. А снаряды ухали где-то сзади, в огородах.

Черневич решил держать этого парня рядом с собой. Совсем еще зелен. Таких на фронте звали «попить, что ли». Бывало, неопытный парень поднимался в неглубоком окопе во весь рост — «пойти попить, что ли» — и падал с простреленной головой.

Вдали показались казаки. Их разглядели версты за две. Удивились — казаки не прибавляли ходу. Шли спокойной рысью, будто и не в бой. За версту вынули шашки и стали помахивать легко и спокойно, как будто бы для того только, чтобы размять затекшее плечо.

— Без команды не стрелять! — крикнул Черневич своим.

А про себя Черневич проворчал: «Знаем мы эти штучки».

Эти «штучки» он видел еще в Восточной Пруссии. Нервы прусской гвардии не выдерживали их. Казаки молча и медленно рысили версту и половину второй версты, помахивали саблями над головой, и на клинках играло солнце. А на половине второй версты они вдруг начинали дико орать и выть, кони переходили в бешеный карьер. Казалось, вой катился по полю впереди коней. Карьером настигали бегущих, и от пехоты на поле оставалось крошево. А спасение могло быть: надо стрелять раньше, чем перейдут в карьер. Надо спокойно установить эту секунду. Сбить карьер перед самым его началом.

И сейчас солнце играет на клинках. Прусская гвардия не выдерживала. Выдержат ли нервы ижорцев? Черневич повернул голову направо, налево. Рамка была поставлена на четыреста. Красновцы начинали рысить вторую, последнюю версту. Еще саженей двести, и кони ринутся карьером. Но ижорцы спокойно лежат в цепи. Они могут выдержать: годы ижорской школы не пропали даром; только зеленого парня, что раздавал бублики, била лихорадка. Парень начал отползать на локтях. Черневич встряхнул его:

— Дурак, на локтях от коня не уйдешь!.. Выбери одного на-мушку и смотри за ним...

А затем раздалась команда. Последовал залп, второй, третий. Заработал пулемет, скрытый за кустом. Когда рассеялся дым, стало видно, что линия казаков расстроена, а кони без седоков испуганно кружат по полю. Казакам не удалось перейти в карьер. Фронтовой солдат угадал эту секунду. Красновцы поворотили назад. Лошади, оставшиеся без седоков, тоже помчались назад. Только одна гнедая с белой мордой все еще кружила по полю...

Е. ЛОГИНОВА

САНИТАРКИ[1]

В октябрьские дни у нас, на Выборгской стороне, все кипело, как в котле. По заводам раздавали винтовки, спешно формировались новые отряды, сотни красногвардейцев посылались на штурм Зимнего и на охрану революционного порядка в столице. Мы, женщины, также участвовали в общей борьбе. Еще весной, когда начали организовываться первые красногвардейские отряды и рабочие после работы уходили в глухие места обучаться стрельбе, мы, работницы, стали ходить в клинику учиться делать перевязки.

Теперь это пригодилось. 27 или 28 октября нас, группу женщин, сняли с работы и вызвали в штаб Красного креста. Собрались мы быстро. Некоторые и домой не забегали, а только просили передать родственникам, что вернутся, наверное, нескоро.

Штаб Красного креста помещался на углу Лесного и Выборгской. Во втором этаже под штаб было занято несколько комнат. Когда мы пришли, там уже собралось много народу. Сначала была большая суматоха и неразбериха, трудно было сразу разбить всех по отрядам и подобрать врачей. Но потом все наладилось: составили списки, раздали путевки и сумки с медикаментами, разбили на отряды. Во главе каждого отряда назначили старшего врача.

В нашем отряде старшим назначили доктора из клиники Виллье, сутулого человека с русой бородой, в очках. Был он какой-то растерянный и много суетился. Пока составляли отряд, доктор подбегал к нам, приставал с вопросами, поправлял сумки на боку, как будто мы на смотр готовились.

Наш отряд послали под Пулково. На грузовике мы доехали до Варшавского вокзала. Но поезда пришлось ждать очень долго. Все время уходили поезда с красногвардейцами, солдатами, матросами, а нас все не отправляли. Наш врач совсем захлопотался, бегал к кому-то, разговаривал, требовал.

Уже стемнело, когда подали маленький состав. С нашим санитарным отрядом ехали и красногвардейцы. Поезд шел очень тихо, в вагонах не горело ни одной свечи, сидели в темноте... Врач уселся у окна, пощипывал свою бороденку и за всю дорогу не сказал ни слова.

Когда приехали к Средней рогатке, совсем стемнело. Итти было недалеко, и мы отправились вслед за красногвардейским отрядом по большой дороге. Луч прожектора с Пулковских высот все время беспокойно бегал по дороге, по полям. Иногда он уходил далеко вперед — туда, где были белогвардейцы.

Слышались одиночные выстрелы. Красногвардейцы двинулись дальше по дороге, а мы остались. Всей гурьбой вошли в первую избу, но врач решил подыскать большое помещение для всего отряда.

---

[1] Воспоминания Е. Логиновой записал и обработал П. Евстафьев.

Мы пошли искать помещение. До поздней ночи блуждали по деревне, заходили в избы, спрашивали.

Приветливо встречали нас в избах. В деревне оставались почти одни женщины да старики. Угощали нас, расспрашивали, укладывали спать.

Наконец мы нашли большое помещение. Это была пустая чайная. Откуда-то вылез высокий мужчина в жилетке, с заспанным лицом. Он обещал дать нам подстилку. Мы принесли из сарая большие охапки соломы, застлали ею весь пол. Несколько человек осталось ночевать тут же в чайной. Долго разговаривали мы в темноте.

Бой начался с утра.

Мы выбежали из чайной на улицу, когда ударил первый орудийный выстрел. И сейчас же загрохотало так, что в деревне все задрожало. Вздрагивали стены изб, дребезжали стекла в рамах. Шагах в тридцати от нашей чайной снаряд снес крышу с дома.

В промежутках между орудийными выстрелами отчетливо слышалась частая ружейная трескотня. Бой шел всего в версте от деревни. Нам стало страшно. В первый раз слышали мы такую пальбу. Казалось, что каждый снаряд летит именно сюда.

По деревне бежал наш доктор. Он побледнел и, размахивая руками, поминутно поправлял очки. Поспешно собирались санитарки отряда, ночевавшие в других избах. К нашему пункту подошло еще несколько врачей и студентов-медиков, приехавших из Петрограда. Они заявили доктору, что будут работать с нами.

Развернули второй санитарный пункт в нескольких избах в конце деревни.

Скоро стали прибывать раненые. Их привозили на подводах, приносили на носилках, а многие легко раненые приходили на перевязку сами. Через полчаса раненых было в чайной так много, что стало трудно пробираться между ними. Они лежали на полу, на соломе, иные сидели, легко раненые стояли в очереди у двери перевязочной. Теперь мы не боялись снарядов, некогда было помнить о них, да и боя уже не слышали: у нас кипела работа, и было жутко не от снарядов, а оттого, что чувствовали себя неопытными. Доктора перевязывали тяжело раненых, мы — раненных в руки и ноги. Таких было много. Раны — страшные, развороченные. Говорили, что казаки стреляют разрывными пулями. Еще хуже были рваные раны — от шрапнели. Раненые держались хорошо: почти не стонали, терпеливо дожидались своей очереди. Тяжело раненых сразу после перевязки отправляли в город, легко раненые уходили сами. Но так как беспрерывно прибывали новые, в чайной было попрежнему тесно.

Мы совсем ошалели от работы. Наш доктор в рубашке с засученными рукавами стоял на коленях на соломе и, перевязывая без передышки, хрипло кричал санитарам:

— Нет места, несите на другой пункт! Нет места!

За работой он оказался молодцом: раздумывать или трусить тут было некогда. В этой суматохе мы и не заметили, когда затих бой. Пищу нам привезли только вечером, но от усталости хотелось лишь

лить. Ночью не пришлось спать: меняли перевязки, поили раненых чаем, отправляли на автомобилях в город.

На другой день снова бой. Стали говорить, что казаки нажимают и нам опасно оставаться здесь. Врачи собрали совещание, стали обсуждать, что делать. Решили отойти к Средней рогатке.

На Средней рогатке было всего несколько домов. Сначала мы развернули пункт в двух домах, потом заняли уже все дома. С каждым поездом из Петрограда в наш отряд приезжали добровольцы. Чаще всего приезжали работницы и жены красногвардейцев-фронтовиков.

Теперь раненых сразу после первой перевязки сажали в поезд и с провожатым отправляли в Петроград. Вскоре я сама заболела, и доктор отправил меня в город.

А в Петрограде опять началась боевая работа. Опыт под Пулковом не прошел даром. В декабре того же 1917 года со сводным отрядом моряков, в котором был мой муж, я уехала на юг — на фронт против Каледина.

ОБУХОВЦЫ[1]

Рано утром 29 октября Петроград был разбужен ружейной пальбой. В Обуховском революционном комитете уже было известно, что враги народа подняли контрреволюционный мятеж. Начальник Красной гвардии района Потемкин сиплым от бессонницы голосом отдавал последние распоряжения. Вытянувшись по-военному, перед ним стоял в расстегнутой, забрызганной грязью солдатской шинели его помощник — худой и высокий рабочий Левицкий.

— Грузовики, пулемет и двадцать красногвардейцев — к Владимирскому училищу. Поведешь сам... Живо...

Был седьмой час утра. Мимо революционного комитета по проспекту промчался в город грузовик с красногвардейцами.

Когда обуховцы подъехали к Владимирскому училищу, там шел бой. Цепи солдат, матросов и красногвардейцев под сильным огнем юнкеров вели осаду училища. На Большом проспекте и на Гребецкой улице лежали убитые. Быстро оставив грузовик, обуховцы залегли в цепи осаждающих. Их пулемет застрочил по окнам. В перерывах между выстрелами лежавший рядом с Левицким матрос рассказывал:

— Утром собрались здесь женщины, дети, старики... и стали стыдить юнкеров... кричать, чтобы сдались... Те без предупреждения — огонь по толпе и — вот видите...

[1] Обработал по воспоминаниям рабочих М. Розанов.

Матрос чуть приподнялся и протянул руку к училищу. Там на проспекте, куда указывал матрос, среди трупов убитых обуховцы увидели нескольких лежавших на мостовой женщин и девочку лет четырнадцати в сером пальтишке. В руках девочки была зажата кошелка. Возле рассыпался картофель. Какой-то старик с простреленным животом лежал, согнувшись, у водосточной трубы.

— Гады! — выругался Левицкий, заправляя в пулемет новую ленту.

Командовавшие осадой предъявили юнкерам ультиматум:

— Если через двадцать минут не сдадитесь, будет плохо.

В ответ юнкера усилили стрельбу. Неожиданно они выбежали из училища и с криками «ура» бросились в атаку. Как бы ожидая этого момента, из-за угла Гребецкой улицы один за другим навстречу атакующим выехали два бронированных автомобиля и направили на юнкеров уничтожающий огонь. Потеряв несколько десятков убитыми и ранеными, мятежники снова вбежали в училище. Наступило затишье, которое продолжалось около часа. Юнкера не сдавались. Затем началась снова стрельба.

В половине одиннадцатого к месту осады прибыли встреченные гулом обрадованных голосов три полевых пушки. Когда пушки были заряжены и наведены на училище, мятежники выбросили белый флаг.

Двадцать парламентеров, и в их числе обуховский красногвардеец, молодой широкоплечий парень с ясными юношескими глазами, повесив на штык белый флаг, отправились к юнкерам.

Юнкера открыли предательский огонь по парламентерам.

Яростью загорелись красногвардейцы. Оглушительный залп трех пушек потряс воздух. С удесятеренной силой застрочили пулеметы. Ядра крошили кирпичное здание.

Юнкера защищались отчаянно. Раненые красногвардейцы не успевали отползать в сторону: пули находили их и пригвождали к земле. Несколько раз менялась орудийная прислуга. И только в два часа дня из разбитых окон училища в пороховом дыму вновь показался белый флаг. Матросы и красногвардейцы ворвались в здание и разоружили мятежников. Потом все, кто еще мог держать оружие, поехали громить другие очаги контрреволюционного мятежа. Уехал с ними и обуховский грузовик с девятнадцатью красногвардейцами.

После подавления юнкерского мятежа все силы революционных войск были брошены на фронт против Керенского и Краснова. 29 октября на фронте под Петроградом создалось угрожающее положение.

На участке Царское село — Пулково целый день шли ожесточенные бои. Белые подступали к Пулкову. В штаб Военно-революционного комитета вечером приехал главный комиссар фронта и заявил:

— Войска не выдерживают натиска белогвардейцев. Через два-три часа фронт может быть прорван, и враг будет здесь, в городе.

— Что нужно, чтобы спасти положение? — спросили комиссара.

— Артиллерия! — ответил комиссар. — Только артиллерия! Наши

Обстрел Владимирского юнкерского училища

Рисунок И. А. Владимирова

бойцы дерутся как революционеры. С таким героизмом не дралась ни одна армия в прошлом. Но жертвы будут напрасны, если мы немедленно не бросим на фронт несколько батарей.

В связи с тяжелым положением на фронте все силы были направлены на защиту революционного Петрограда. Ленин и Сталин лично руководили обороной. Штаб Военно-революционного комитета и Петроградский совет стремились за одну ночь собрать и отправить на фронт как можно больше людей, орудий, пулеметов, полевых телефонов, колючей проволоки и пр. Особенно острым оставалось положение с артиллерией.

В тот же вечер поставили вопрос об артиллерии на чрезвычайном заседании Петербургского комитета большевиков. Внимание всех было направлено к двум заводам Петрограда: Путиловскому и Обуховскому.

— На Обуховском заводе, — говорил представитель районного комитета партии, — находятся восемнадцать полевых пушек и тридцать пулеметов. Их надо бросить на фронт сегодня же ночью. Если заводской комитет, который в руках эсеров, и заводская администрация в лице генерала Чорбо, который еще остается начальником, попробуют оказать нам в этом сопротивление, мы возьмем орудия силой. Бояться нам в Обуховском районе нечего. Рабочие там настроены по-боевому. За нами — большинство.

И действительно, ночью 29 октября, когда под Пулковом решалась судьба Великой октябрьской революции, по призыву большевиков поднялся весь рабочий Петроград, проявляя чудеса героизма и революционного самопожертвования.

Обуховский районный совет, революционный комитет и районный штаб Красной гвардии всю эту ночь были на ногах.

В одиннадцатом часу в исполком совета доставили две очень важные бумаги. В одной из них Военно-революционный комитет приказывал Обуховскому заводскому комитету взять под охрану находящееся на Обуховском заводе десятидюймовое морское орудие и никому не выдавать его без ведома Военно-революционного комитета.

В другой — Петроградский совет призывал обуховцев во имя спасения революции немедленно отправить на позицию одну батарею легкой артиллерии со снарядами, реквизировать, сколько можно, лошадей, фуража, упряжи, послать на фронт пятьдесят пудов бензина, пятьдесят тысяч патронов к японским винтовкам, два легковых автомобиля, пять мотоциклов и как можно больше продовольствия.

Меры к исполнению приказа были приняты немедленно.

Как в ночь корниловского мятежа, под тревожное завывание гудков поднимался рабочий поселок. В ночной темноте по улицам шли возбужденные люди, скакали всадники-вестовые, раздавались крики, со скрипом тащились к заводу из села Рыбацкое крестьянские подводы. На заводе кипела работа. В цехе полевых орудий спешно составлялась импровизированная батарея.

Рабочие отбирали лучшее. Отобрав, чистили, смазывали, прове-

ряли и, впрягаясь в лафеты, под «Дубинушку» выкатывали орудия во двор, где, покрытые брезентом, они ждали прибытия лошадей и боеприпасов. В снарядной мастерской рабочие и матросы заколачивали длинные ящики, наполненные доверху снарядами и патронами. Возле склада горючих материалов раздавалось:

— Раз-два, взяли...

При свете факела группа рабочих вкатывала на подводу огромную бочку бензина.

Из цехов к проходным воротам люди шли непрерывной вереницей, сгибаясь под тяжестью ящиков, связок лопат, кирок и мотков проволоки.

К заводу съезжались сопровождаемые красногвардейцами реквизированные подводы с людьми, продовольствием, фуражом, с мотками колючей проволоки.

В кричащей, суетливой толпе, организуя и наводя порядок, с факелами в руках сновали вооруженные красногвардейцы, и далеко были слышны их громкие голоса, отдающие команду. К утру оборонный обоз с батареей тронулся от Обуховского завода. В большом, растянувшемся почти на версту обозе было одиннадцать легких полевых орудий и пятнадцать пулеметов. За каждым орудием молча шли артиллеристы-красногвардейцы. Время от времени они впрягались в лафеты, помогая измученным лошадям вытащить застревавшие в грязи колеса орудий. Факелы освещали напряженные фигуры и взволнованные лица людей, утопающие в грязи колеса и блестящие хоботы орудий. Далеко опередив обоз, на двух грузовиках уехали на фронт сорок пять обуховских красногвардейцев. На пути к обуховцам присоединились обозы других заводов.

Всю ночь под холодным, пронизывающим дождем, под черным, тяжелым небом из всех районов Петрограда шли революционные войска на фронт.

Шли отряды матросов, солдат, красногвардейцев. Шли отряды женщин с повязками Красного креста на рукавах или с винтовками за плечами. Шли седые старики и молодежь. Проносились легковые, грузовые и бронированные автомобили, мотоциклы. Все двигалось в одном направлении, у всех был один путь: в долину, которая лежала за южными воротами Петрограда, где в эту ночь решалась судьба революции.

На следующий день, 30 октября, едва забрезжил рассвет, раздался первый гром орудийной канонады: заговорила прибывшая ночью красная артиллерия.

— Пушки пришли! Ура-а-а! — прокатилось по фронту.

Радуясь, словно дети, бойцы обнимали друг друга и кричали, сжимая винтовки:

— Теперь мы их погоним!

— Даешь казаков!

Завязался жаркий бой. К трем часам дня артиллерийская стрельба достигла исключительной силы. По приказу начальника штаба обуховская батарея заняла позицию на северо-восточном склоне Пулков-

ских высот. Окопавшись на одном из бугров среди пней и мокрых кустарников, артиллеристы с ожесточением били из своих пушек по казачьим частям Краснова.

К вечеру на фронте наступила временная передышка. Канонада стала стихать. Шел дождь, и сильный ветер гулял по высотам Пулкова. Низко свисали тяжелые облака. Было темно и холодно. Обуховские артиллеристы зябко жались к лафетам, поднимая воротники пальто, нахлобучивая на уши кепки, пряча в рукава покрасневшие руки. Хорошо бы разжечь костер и скоротать у огня эту долгую ночь, но костер мог привлечь неприятельскую артиллерию.

Вдруг с правого фланга донеслась ружейная стрельба. Ответил ей залегший в окопах, в центре фронта, Пулковский полк, в котором находился отряд обуховских красногвардейцев. Обстрелянные врагом обуховцы за одни сутки научились хладнокровию и выдержке.

Под градом пуль обуховцы немедленно заняли свои места в окопах.

Неожиданно из-за горы, на повороте железной дороги, блеснули волчьи глаза паровоза, и вслед затем тявкнули шестидюймовки блиндированного поезда белых. По поезду сейчас же ударила красная артиллерия. Бронепоезд отступил, но успел нанести красным войскам тяжелый урон.

На рассвете огонь противника внезапно стих. В наступившей тишине из окопов раздались тревожные голоса:

— Атака!

— Они идут в атаку!

— Резерв! На помощь! — гремела команда.

Казаки мчались по склону горы прямо на красногвардейские окопы — прямо на окопы, где находились обуховцы. Прорвавшись сквозь отчаянный огонь пехоты, всадники с гиканьем подлетели к окопам, и началась рукопашная. Казачьими саблями были зарублены четыре обуховских красногвардейца. Сломив первую линию окопов, казаки помчались дальше, но сильный огонь остановил их и обратил в бегство.

Ночью 30 октября Краснов в бою под Пулковом был выбит из своих позиций и отступил в Царское село, затем в Гатчину, где и был взят в плен. Керенский, переодевшись, снова бежал. Первые бои с контрреволюцией окончились блестящей победой революционных войск.

Около девяти часов утра 1 ноября к Обуховскому заводу на грузовике привезли убитого красногвардейца. Его подобрали санитары у юнкерского Владимирского училища. Два дня он лежал в мертвецкой с другими бойцами, убитыми 29 октября в бою с юнкерами. На рукаве его окровавленного пиджака была красная повязка с надписью: «Красная гвардия Обуховского района». Документов при убитом не оказалось, и повязка стала его единственным удостоверением личности, по которому убитого и доставили на завод. В тот же день происходили похороны. В траурном шествии к Преображен-

скому кладбищу участвовало несколько тысяч рабочих, работниц и детей. Красный гроб несли на руках шесть рослых красногвардейцев в полном вооружении. Впереди их шли другие, которые несли саблю, фуражку убитого и знамя районного совета. Музыка играла похоронный марш.

Последний салют красногвардейцев — и земля посыпалась на крышку гроба, покрывая лежащую на ней шашку, скрещенную с ножнами, и простреленную фуражку безымянного героя.

Когда рабочие, вернувшись с кладбища, собрались в клубе, дверь с шумом отворилась, и в зал вошел красногвардеец Майоров с потемневшим, измученным лицом. Волоча по полу винтовку, он сделал несколько шагов навстречу товарищам, пошатнулся и, медленно снимая фуражку, сказал:

— Товарищи! Мы победили!

Радостные крики заглушили его слабый голос. Дюжина рук протянулась к нему и усадила на лавку.

— Мы победили, но из боя вернулись не все, — продолжал Майоров. — Четверо наших осталось там. Я видел их под Пулковом. Они хорошо дрались. И я рад передать вам, что они погибли героями.

Выступил представитель совета, голос его был тверд и резок.

— Старой России больше не существует, — говорил он. — Временное правительство разбито. Мы раздавили попытку контрреволюции отнять у народа его завоевания. Но борьба не закончилась. Впереди нас ожидают еще большие трудности, долгая кровавая борьба и еще более тяжелые жертвы. Будем же готовы встретить их с честью.

В ближайшее воскресенье делегация обуховских рабочих поехала на место боев, где должны были состояться похороны павших красногвардейцев. Был первый зимний день. Вчера еще утопавший в грязи рабочий поселок преобразился и стал ослепительно белым.

Возле Пулкова часть делегатов и с ними обуховцы вышли из вагонов и направились к братским могилам. Валил снег, широко вокруг раскинулось поле. Бойцы не узнавали места недавних боев. Вырытые снарядами воронки, валы и ямы окопов, разбитые повозки, лафеты, ящики, трупы убитых лошадей были покрыты спокойным и ровным покрывалом первого снега. В двух местах белого поля мрачно чернели братские могилы и столпившиеся возле них люди. Над могилой издалека склонились красные флаги делегаций.

Революционный Петроград отдавал последнюю пролетарскую почесть борцам, павшим за советскую власть.

НОВАЯ ВЛАСТЬ[1]

На другой день после Великой пролетарской революции сразу же изменился характер работы районного совета рабочих депутатов: из органа восстания он превратился в орган новой власти. Увеличился объем работ совета, появились новые отрасли: медицина, просвещение, финансы, торговля, почта, суд.

Меньшевики упрямо и злобно повторяли свои старые предостережения о провале, о невозможности управлять государством без буржуазии. На эту тему появлялись крикливые передовицы и статьи в меньшевистской «Рабочей газете»:

«Они не могут взять государственную власть. Вокруг них пустота, созданная ими самими. Весь служебный и технический аппарат отказывается им служить... и министерские канцелярии, и почта, и телеграф, и железные дороги. Они проваливаются... в пропасть...»

Так писали меньшевики.

Но исполнительный комитет Нарвского районного совета, его одиннадцать комиссаров и их двадцать помощников делали все, чтобы организовать по-новому жизнь всего района с населением около сотни тысяч человек. Каждый комиссар старался подыскать себе уголок в тесном помещении, занимаемом советом. Комиссары тащили туда столы, стулья, обставляли свои отделы, искали для отдела служащих, с большим трудом создавая новый аппарат власти.

Иван Газа, помощник комиссара финансов Нарвского района, шутливо рассуждал:

— Ну, как финансами заведывать? Их нет. Когда своей получкой заведывали, и то больше было.

Анисимов, комиссар торговли, оставался безучастным ко всей этой суетне и сутолоке. Его помощник напоминал ему: вот останешься без места и без стула — где будешь комиссарить? Анисимов угрюмо отвечал:

— Ты скажи сначала, что нам делать надо?

Уменья управлять не было ни у кого. Встала уйма препятствий в сложнейшем деле устройства первых органов власти. В центре — в Петрограде — молодой советской властью еще не были до конца разрушены учреждения Временного правительства, сохранившие полностью облик царского аппарата угнетения. Сами народные комиссариаты ютились в Смольном, подчас за одним столиком... Широко разливалась мутная волна саботажа, явного и тайного сопротивления со стороны буржуазного чиновничества и интеллигенции.

Председатель районного совета Иван Егоров целиком ушел в работу союза младших служащих больниц и лазаретов. Как председатель союза он явился к народному комиссару социального призрения А. Коллонтай. Вместе они пошли к Ленину за советом. Когда Ленин узнал, что председатель союза — большевик, возглавляет

[1] По воспоминаниям рабочих обработал М. Мительман.

младших служащих и рабочих ведомства, он предложил назначить Егорова помощником народного комиссара. Через несколько дней Совет народных комиссаров назначил Егорова членом правительства по комиссариату призрения.

Егоров вместе со своим союзом занял здание министерства. Коллонтай, которую раньше чиновники не допускали к делам, получила возможность взять министерство в свои руки. С тех пор в особо затруднительных случаях Егоров ездил к Владимиру Ильичу. При содействии Ильича он получал деньги для увечных воинов. От Ленина получал он четкие и ясные указания, как нужно строить рабочую власть.

Положение в совете продолжало оставаться сложным. Работа отделов перекрещивалась и путалась. Комиссары спорили между собой и приходили к председателю совета. Тот пытался рассудить и успокоить спорящих. Возражая, ему говорили, что он сам не знает, как надо поступать. Председатель обижался и заявлял:

— Я не способен охватить все области работы совета. Садись ты на мое место.

Но отставку отвергали.

Опыт управления давался кропотливым и упорным трудом, внимательным изучением деятельности других районных советов.

Комиссар суда, в прошлом чернорабочий верфи, съездил на Выборгскую сторону и привез оттуда схему коллегиального революционного суда. Ее приняли. Иван Генслер, Вася Алексеев, Григорий Самодед заняли места судей. В камерах мировых судей их ждали безлюдье и саботаж. В одном случае судья исчез. В другом — служащие отказывались работать. В третьем — в камере на Ушаковской улице — судья отказался дать ключи от столов и шкафов.

— Сломаем, — сказали ему. И начали ломать.

Судья сдался и написал расписку: «Подчиняюсь силе оружия».

Некоторые служащие остались работать при новом суде. Судьей на Ушаковской улице стал Вася Алексеев.

Вася Алексеев проводил резкую линию классового суда. Он осуждал за одни и те же преступления трудящихся и эксплоататоров по-разному. Он долго объяснял в своих речах, что буржую не прощается то, что неграмотному рабочему может быть простительно.

Вася Алексеев судил по пролетарской совести. Такую установку судьям давал Стучка — один из руководителей комиссариата юстиции. Он созвал новых рабочих судей и разъяснял им:

— Никакого кодекса у нас пока нет. Вы должны судить, что называется, по совести и руководствоваться своим революционным чутьем...

Камеры суда заполнялись громадными толпами народа. Это не были бездельники — завсегдатаи, любители судебных процессов. Здесь теперь была глубоко заинтересованная, активная аудитория, приходившая послушать, как будет судить наш суд.

Сняв с судейских мест мировых с золочеными цепями, уничтожив напыщенность и судебную формалистику, рабочие — судьи — внесли

в это бюрократически омертвевшее дело подлинно пролетарский, демократический дух. Процедура суда была чрезвычайно проста. После опроса свидетелей и обвиняемых судьи совещались. Затем председатель произносил речь о суде буржуазном и суде пролетарском, переходил к делу, устанавливал виновность подсудимых и произносил приговор. Формула приговора не определилась. Ее варьировали поразному, но в основном она содержала следующие торжественно произносимые слова:

«Именем трудовой народной власти советов народно-революционный суд по закону революционной совести (чести) приговаривает гражданина (такого-то) к месяцу общественных работ».

Эсеров Бурштейна и Вуколова — оба были работники продовольственной управы — за распространение ложных слухов о наступлении немцев и за созданную ими панику приговорили к двум месяцам общественных работ.

В большинстве случаев суд выносил мягкие приговоры. Хулиганов, воров, спекулянтов присуждали к общественным работам, за которыми к тому же некому было еще следить. Зато провокаторов не щадили.

Авторитет народного суда был чрезвычайно велик.

— Свои судьи, — говорили рабочие. — По-нашему судят, по-правильному.

Комиссар порядка взялся за милицию. На руководящих постах в милиции упорно держались эсеры. Комиссары, посланные в октябрьские дни в милицию, встретили здесь большое сопротивление. Начальник 3-го подрайона Петергофской милиции эсер Богданов не хотел подчиняться совету, признавая лишь власть контрреволюционной городской думы. Тогда совет принял решительные меры. Богданов был арестован. Комиссары начали очищать милицию от негодных людей, от шкурников. Каждый милиционер должен был представить ходатайство и характеристику от заводского комитета и лишь тогда мог служить. Много красногвардейцев вошло в милицию.

Главной опорой совета была рабочая Красная гвардия. Пока реорганизовывали милицию, на Красную гвардию пала труднейшая задача установления революционного порядка и борьбы с контрреволюцией.

Буржуазия пыталась в эти дни споить вином несознательных солдат. На улицах города появились пьяные. Темные личности указывали адреса винных складов, пивных и разливочных заводов. Караулы из солдат, приставленные к складам, перепивались, и склады превращались в кабаки, где пили прямо из бочек и разливали вино ведрами. Слухи о даровом вине разносились с неимоверной быстротой. К складам сбегались сотни людей с кувшинами, бутылями, с бидонами, выносили вино и пиво. Наиболее предприимчивые выкатывали вино бочками. Пьяные бродили по улицам, хулиганили, стреляли и грабили. Тогда по распоряжению Военно-революционного комитета дело охраны пивных и винных складов и заводов передали красногвардейцам.

Однажды вечером группа пьяных солдат, рассыпавшись цепью,

пошла на путиловский караул. Красногвардейцы выкатили пулемет, поставили поперек набережной Обводного канала. Пара очередей холостых патронов испугала солдат, и они разбежались.

В другой раз в штаб Красной гвардии прислали донесение: в Торговом порту отряд автомотористов грабит пакгаузы. Красногвардейский отряд в двадцать пять человек с двумя пулеметами срочно выехал на ликвидацию грабежей. Автомотористы представляли собой воинскую часть численностью человек в двести. Силы были неравные. Однако все окончилось благополучно. Грабеж был приостановлен.

Самым тяжелым из нарядов была охрана градоначальства. Было уже зимнее время, метели, вьюги. Пешком тащились красногвардейцы от Новосивковской на Гороховую. В доме градоначальства не было света. Развод производили со свечами. На все здание кроме пятнадцати красногвардейцев не было никого.

Изо дня в день красногвардейцы шли с караула в наряд, с наряда — в патруль. Многих красногвардейцев не сменяли сутками — не было смены. А получали они на день полуфунтовой паек хлеба.

Часто в штаб к коменданту приходили донесения: «Прошу дать хлеба, люди голодные с утра, отпустить я их не могу, потому что людей мало. Караульный начальник такой-то».

Только в некоторые отряды Красной гвардии на этой почве проникло разложение. Сотник 6-й сотни Путиловской верфи Кургин, бывший матрос, пьяница, орал:

— Почему по осьмушке хлеба даете? Гони больше!

Петроградский штаб Красной гвардии арестовал его. Выпущенный из-под ареста, он застрелил двух пулеметчиков. За это его расстреляли сами красногвардейцы. Вскоре районный совет реорганизовал Красную гвардию, очистив ее от анархиствующих и недисциплинированных людей.

В течение ноября в заводском отряде Красной гвардии осталось восемьсот человек и столько же в районе. Этого было достаточно для несения всех необходимых району нарядов. Отряды очистились от случайных, неустойчивых людей. В Красной гвардии остались отборные, выдержанные бойцы.

Внутри завода фактическим хозяином давно уже стал заводской комитет. Еще до октября он не дал администрации вывезти с завода ни одного орудия и не допустил эвакуации завода. В октябрьские дни по распоряжению заводского комитета все производство сосредоточилось на выполнении военных заказов революции. На фронт против Керенского — Краснова отсылали десятки пушек и автомобилей; тысячи людей с заводским инструментом уходили рыть окопы; плотники из заводского материала тесали колья для проволочных заграждений; заводские площадки «Фокс-Арбель» переоборудовали в блиндированные поезда; сборочные и ремонтные бригады отправлялись вместе с орудиями, чтобы на месте исправлять недостатки наскоро собранных пушек.

По декрету советского правительства от 7 ноября путиловский

заводской комитет стал полновластным контролером завода и правления. Декрет предоставлял право контроля «над производством, куплей-продажей продуктов и сырых материалов, хранением их и над финансовой стороной предприятия». Декрет был первым шагом к экспроприации экспроприаторов, к национализации заводов и фабрик. Это поняли капиталисты и реакционно настроенные административно-технические работники. Общество фабрикантов и заводчиков разослало циркуляр:

«Предвидя, что русский пролетариат, совершенно не подготовленный для руководства сложным механизмом промышленности, приведет ее к быстрой гибели, общество отвергает классовый негосударственный контроль рабочих и предлагает в случае предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля такие предприятия закрывать».

Получив этот циркуляр, в правлении путиловских заводов пожали плечами: «Попробуй, закрой Путиловский завод», и переслали его в заводоуправление. Инженерно-технический союз на заводе принял этот циркуляр к руководству. Собрание союза постановило признавать лишь «государственный контроль общепризнанной власти», отказалось от «всякого участия в контрольных комиссиях, созданных большевиками».

Техническая и служебная верхушка завода перешла к активному саботажу. Служащие являлись на работу с большими опозданиями и целыми днями слонялись без дела. Заводской комитет отмечал: «На занятиях читают романы, а дела затягивают на недели».

Положение завода резко ухудшилось. Еще в октябре закрылись десять мастерских из-за отсутствия топлива. Не работало около двенадцати тысяч рабочих. Правление окончательно перестало вмешиваться в дела завода. Акционеры-капиталисты собирались 7 и 23 ноября лишь для того, чтобы утвердить отчет 1915 года и распределить последние прибыли.

Заводской комитет принял на себя непосредственное руководство заводом. Он прежде всего разослал людей на поиски топлива. Антон Васильев поехал в Донбасс. Вернувшись, он сделал заводскому комитету подробнейший, со знанием дела доклад о положении Донецкого бассейна и выдвинул три основных задачи.

Первая — перевод завода на новую производственную программу мирного строительства (производство и ремонт паровозов, вагонов и возобновление довоенных производств).

Вторая — борьба за дисциплину.

Третья — борьба за культуру, за просвещение.

Вместе с тем не снималась и задача по производству пушек.

Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета Яков Михайлович Свердлов дал Путиловскому заводу задание выпустить как можно больше пушек. Но на заводе не было ни топлива, ни денег. За деньгами отправились два члена заводского комитета. Вместе попали они в Смольный к председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину.

Путиловцы рассказали Ленину о финансовом положении завода: до двухсот миллионов задолженности и ни копейки в кассе. Платить получку нечем.

Ленин спросил путиловцев:

— А что вы можете дать?

Они рассказали о пушках и бронеплощадках.

— А не расхищается ли имущество завода?

— Бывает, к сожалению, — ответили, смущаясь, путиловцы.

— С этим надо беспощадно бороться, — сказал Ленин, а насчет денег распорядился вызвать Менжинского, народного комиссара финансов. Менжинский пригласил путиловцев с собой и по письменному распоряжению Ленина отдал приказ государственному банку выдать путиловцам пять миллионов рублей. Получка была обеспечена. Работы пушечной и подсобных ей мастерских не прекращались. Комиссар завода по вопросу о топливе обратился также к Владимиру Ильичу.

— Завод замерзает,— доложил он и просил содействия в получении топлива.

Владимир Ильич, зная положение на заводе, позвонил Дыбенко и предложил ему отпустить уголь из угольной базы у Морского канала.

Со своим заводским транспортом и грузчиками отправились путиловцы на угольную базу. Моряки не хотели давать топлива. Лишь после того как вмешался Военно-революционный комитет и матросы узнали, что есть приказ Ленина, они поспешно выдали уголь:

— Только потому, что Ленин распорядился, иначе не дали бы.

Шестьдесят вагонов угля прибыло на завод в начале ноября.

Контрреволюция не дремала. Комиссар завода получил предупреждение: есть данные о готовящемся взрыве Путиловского завода.

Были проверены все земляные работы на заводе; перекопали подозрительные места вокруг электростанции. Цеховые комитеты установили круглосуточное дежурство в своих мастерских. Комиссар завода вывесил объявление: «Поставленные вами на стражу ваших интересов и защиту революционных завоеваний заводской комитет и комиссар завода обращаются к вам, товарищи, с просьбой проявить в эти великие страдные дни всю вашу бдительность и гражданский долг, зорко всматриваться в действия и поведение подозрительных и незнакомых лиц. От вашей, товарищи, бдительности будет зависеть многое».

Путиловцы насторожились. Попасть кому-либо чужому на завод теперь стало невозможно. Завод охранялся бдительно и зорко многотысячным коллективом рабочих. Анархиствующие элементы попытались воспользоваться этим. Они начали хватать всякого, почему-либо показавшегося им подозрительным.

Заводской комитет решил ударить по анархистам. Он вновь обратился к рабочим:

«К прискорбию, среди товарищей рабочих встречаются такие умники (правда, их очень мало), которые классовую принадлежность людей определяют по их костюму и внешности: носит котелок, крахмалку

и толстый — значит, буржуй. Такие товарищи не хотят понять, что принадлежность к классу определяется имущественным положением, главным образом мировоззрением и убеждением человека. Можно носить фуражку и блузу и быть в талии тридцати сантиметров, но убеждения и душу иметь, что дымогарная труба. И, наоборот, носить крахмалку и котелок и быть толстым, как дамба, но убеждения иметь кристально-чистые. Котелки и крахмалки носят и рабочие, и таких немало.

Товарищи, будьте осторожней в определении классовой принадлежности людей по внешности, по впечатлению».

Антон Васильев много думал о задачах рабочих после взятия власти. Он стал вдохновителем большого похода заводского комитета и всех большевиков завода за дисциплину, за культуру, за учебу. 3 ноября Антон написал обращение к рабочим:

«Вопросы культуры и просвещения являются теперь вопросами жгучими и самыми животрепещущими, дорогими нам и стоящими к пролетариям ближе чем кому-либо другому...

Товарищи, не упускайте случая почерпнуть научные знания. Не теряйте бесплодно ни одного часа. Каждый час нам, пролетариям, дорог. Нам надо не только догнать, но и перегнать борющиеся с нами классы. Таково веление жизни, таков ее указующий перст.

Мы теперь хозяева жизни и потому должны быть во всеоружии знаний — оживить, вдохнуть душу живую в хозяйство страны может только организованный, обладающий знаниями народ. Могучим взмахом революции оковы сброшены, и открылся свободный путь к знанию — теперь каждый имеет полную возможность приобщиться тех знаний, которые добыты тысячелетней историей человечества».

Воззвания заводского комитета о дисциплине, написанные Антоном Васильевым, были суровы, но также торжественно величавы:

«Его величество рабочий класс, пролетариат, только тогда является вполне величественным, когда он действует едино, неразрозненно, солидарно, когда воля тысячных масс представляет волю единую...

Свобода и гражданский долг требуют от нас, не задумываясь, не колеблясь, когда это надо, поступаться своими личными интересами... ради общего народного блага».

По-иному, чем начался, кончал свои дни тысяча девятьсот семнадцатый год. Морозным декабрьским вечером несколько членов заводского комитета обходило мастерскую за мастерской — весь завод. Им предстояло лично осмотреть его и затем подробно доложить о положении мастерских, оборудования и путей. Доклад предстояло направить в правительственные органы, чтобы принять меры в отношении Путиловского завода, оказавшегося совершенно без присмотра со стороны правления.

В мастерских члены заводского комитета всюду отмечали одни и те же прорехи в крышах, бездействующие сломанные станки, полусгнившие деревянные стены, ямы и выбоины в полах.

Капитальная стена новой электрической станции дала большую трещину. В механической мастерской трансмиссии угрожали сорваться каждую минуту. У паровозного депо — кладбище кукушек и паровозов. Подъездные пути к мастерским были расшатаны. Краны и мастерские хрипели и гремели — их давно не ремонтировали.

Мартеновские, тигельные, прокатные печи стояли — застывшие и разрушенные. Тигельно-литейная угрожала обвалом. Паровое отопление было выключено. Многие кочегарки стояли, а некоторые работали лишь в полсилы. Вместо парового отопления кое-где были установлены жаровни — в них жгли кокс, уголь, а чаще всего доски и дрова. Цеховые кладовые не имели исправных и годных инструментов. Вместо них валялись горы инструментального лома.

Несколько мастерских стояло заколоченными. Вот до чего довели завод правление и администрация!

Когда комиссия вернулась в заводской комитет, выводы были ясны: надо забирать завод окончательно. Они знали: акционеры и генералы оставили незавидное наследство — работы предстоит уйма. И рабочие загорались горячим желанием взяться быстрей за свой завод, построенный руками целых поколений путиловцев. Заводской комитет обратился с ходатайством в комиссариат труда и промышленности о разрешении судьбы завода.

27 декабря 1917 года — знаменательная дата в истории Путиловского завода. В этот день советское правительство приняло постановление о национализации:

«Ввиду задолженности акционерного общества путиловских заводов казне Российской республики Совет народных комиссаров постановляет: принять путиловские заводы со всем имуществом акционерного общества путиловских заводов, в чем бы оно ни состояло, в собственность Российской республики.

Организация управления заводами и делами означенного акционерного общества возлагается на народного комиссара торговли и промышленности.

За председателя Совета народных комиссаров Сталин».

И. КОЛБИН

НА ПОМОЩЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ МОСКВЕ

Двадцать четвертого октября меня вызвали на заседание исполнительного комитета Кронштадтского совета.

— Вы назначены комиссаром линейного корабля «Заря свободы», — объявили мне в исполкоме, — и должны немедленно принять участие в обороне Петрограда со стороны Финского залива.

Ваша задача — охранять подступы к городу, чтобы не допустить никаких отрядов, которые попытались бы итти на помощь Временному правительству.

Получив приказ, я тотчас отправился на корабль. Собрал моряков, и мы приступили к выполнению задания: заняли Лигово, послали разведку и направили вооруженную роту в Стрельну — заградить Лиговский железнодорожный узел, имевший большое стратегическое значение.

В течение нескольких дней мы зорко охраняли подступы к Петрограду.

28 октября меня вызвали в Смольный.

Смольный на боевом положении: отсюда на фронт один за другим уходят красногвардейские отряды. Спешат агитаторы, нагруженные газетами и литературой.

Здесь мне дают поручение: революционная борьба в Москве затягивается, нужно помочь москвичам. Есть приказ товарища Ленина: сформировать сводный отряд для посылки в Москву; в состав отряда должны войти наши моряки.

Матросы «Зари свободы» с нетерпением ждали решительных действий. Весть об отправке в Москву радостно взволновала их. Корабль ожил.

— Привести в порядок амуницию и винтовки. Осмотреть пулеметы! — раздалась команда.

— Есть.

Эшелон готов к отправлению в Москву. Наши силы: отряд моряков численностью в тысячу человек, отряд солдат Финляндского полка, одна батарея и броневик. Командование сводным отрядом было возложено на товарищей Раскольникова и Еремеева. Я был назначен комендантом.

Вечером 30 октября ко мне явился матрос:

— Товарищ комендант, бронепоезд прибыл.

— Какой бронепоезд? Откуда?

— С Путиловского завода. Путиловские рабочие соорудили бронепоезд из угольных платформ.

Я пошел посмотреть «угольный» бронепоезд. Вокруг него собрались моряки. Сооружение было своеобразное. Путиловцы приделали к платформам бронированные борты. Над бронированными бортами гордо подымались черные дула зенитных орудий.

Пора отправляться в путь. Но странно — нигде не видно машиниста...

— Куда делся машинист?

Искали долго, потом кто-то заявил:

— Так что машинист убег. Забрал вещи и, как есть, убег.

— Видно, испугался. Какой, говорит, это поезд... С ним, как есть, пропадешь...

Стали искать другого машиниста. Я обратился во Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников. Но, как известно, там хозяйничали меньшевики и эсеры. Прикрываясь пресловутым вик-

желевским «нейтралитетом», они заявили, что никакого участия в борьбе не принимают и потому машиниста не дадут.

Собрались мы у поезда, раздумываем, что делать.

Вдруг подходит в засаленном полушубке старичок и скромно, как будто даже робко, спрашивает товарища Раскольникова и, найдя его, говорит:

— Вам нужен машинист? В этом деле я могу быть полезен. Дайте мне двух хороших корабельных машинистов в помощь, и я доведу бронепоезд, куда требуется.

Озабоченное лицо Раскольникова расплылось в улыбку. Этот невзрачный старичок был для нас в этот момент самым необходимым человеком.

Я сейчас же позвал наших корабельных машинистов:

— Вот, товарищи дорогие, дружно работайте с нашим новым машинистом.

В ночь на 1 ноября мы тронулись в путь.

До Тосно доехали быстро. Ночь еще не прошла. Начальник станции Тосно в форменной красной фуражке сообщает:

— Впереди нас только что прошел бронепоезд.

— Какой бронепоезд? Что еще за штука?

«Не врет ли эта форменная фуражка?» думаем мы, вспоминая поведение викжелевцев.

— Паровоз бронированный: два вагона с боевыми башнями вооружены орудиями,— сказал начальник станции.

Значит, впереди настоящий бронепоезд, оборудованный по всем правилам техники.

Вскоре мы узнали, что бронепоезд послан с фронта в помощь Керенскому и Краснову. Потом его двинули в Москву, чтобы поддержать юнкеров.

Было решено догнать белогвардейский бронепоезд и дать бой.

Мы тут же составили телеграмму и послали ее по линии: «Задержать бронепоезд. В Москву не пропускать».

Узнав об этом, Викжель со своей стороны дал железнодорожникам телеграфное распоряжение: «Не вмешивайтесь. Держите нейтралитет».

И контрреволюционный бронепоезд продолжал путь на Москву. У станции Окуловка он взорвал за собой мост.

Подъезжая к мосту, мы увидели следы разрушения: сброшенные под откос камни, нагромождение железа, дерева и щеп. Но что такое? Мост на месте. Возле него работают люди. Один из них подбежал к нам и сообщил радостную весть:

— Проходите спокойно. Мост был взорван, а мы, железнодорожные рабочие, его починили... Хорошо, что успели.

Наш бронепоезд проскочил мост. Вслед нам рабочие махали шапками и кричали «ура». В ответ им гремело наше «ура».

Скоро и Бологое — полпути до Москвы. Мы дали по линии грозную телеграмму: «Если бронепоезд будет пропущен на Москву, то вся администрация станции будет расстреляна».

Зная, что администрация станции заодно с Викжелем, мы предложили рабочим станции Бологое следить за администрацией и в случае опасности действовать энергично самим. Как нам рассказали впоследствии, на станции Бологое состоялся митинг железнодорожников. На митинге долго спорили, кому подчиняться: Викжелю или советскому правительству. Наконец решили:

«Всячески поддержать экспедиционный отряд, посланный советским правительством, и ни в коем случае не пропускать белогвардейцев с их бронепоездом в Москву».

Рабочие выполнили свое решение: на Москву белых не пропустили. Тогда белогвардейцы стали просить пропустить их обратно на фронт. В конце концов они уговорили железнодорожников, и те отправили их на псковскую ветку. Но вскоре мы услышали издалека страшный грохот. Оказалось, что на восьмой версте белые взорвали железнодорожный мост, чтобы отрезать нам возможность погони.

Мы подошли к взорванному мосту. Что делать? В это время к нам пришли рабочие со станции Куженькино.

— Белые-то у нас попали в ловушку, — сообщают нам рабочие. — Мы разобрали путь. А мост они взорвали. Теперь им ни взад, ни вперед. У белых на бронепоезде паника. Командир и офицеры сбежали. Солдаты готовы сдаться без сопротивления.

Мы тотчас послали делегацию к солдатам. Вслед за ней отправили отряд из шестисот моряков с винтовками и пулеметами. Бронепоезд был взят без единого выстрела. Солдаты сдали нам оружие и выдали не успевших бежать офицеров.

Мост был быстро починен. Захваченный бронепоезд доставили с песнями, с веселым «ура».

Солдат мы решили распустить по домам, пленных офицеров отправили в Петроград. Москва была избавлена от непрошенных гостей. Зато мы везли туда хороший подарок. Меня назначили комиссаром нашего нового бронепоезда и путиловских платформ. Быстро двинулись на Москву.

На станции Лихославль товарищей Раскольникова, Еремеева и меня вызвали к аппарату — сообщили:

— Красная гвардия в Москве заключила перемирие, но тем не менее двигайтесь на Москву как можно скорее, потому что помощь все-таки нужна. У юнкеров на руках еще есть оружие — опасность еще не миновала.

В Москву мы прибыли 3 ноября на рассвете, когда белогвардейцы уже сдались.

Наш бронепоезд был отправлен на юг — на борьбу с Калединым. Началось триумфальное шествие советской власти.

СОДЕРЖАНИЕ

I. НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

II. ВОССТАНИЕ

III. АНТИСОВЕТСКИЙ МЯТЕЖ

Редакторы: Е. ГОРОДЕЦКИЙ и Э. БУРДЖАЛОВ
Технический редактор Л. Юркевич
Переплет и титул художн. А. ЕРМОЛАЕВА и М. МАЛКИНА
Форзац художн. А. ЕРМОЛАЕВА
Шмуц-титула художн. В. ЩЕГЛОВА
Ответств. по выпуску С. ЛАЗАРЕВ
Корректура под руководством Е. КАЛЕНОВОЙ
Сдано в набор 22 IX—37 г.
Подписано к печати 28/X—37 г.
Бумага $62 \times 94^{1}/_{16}$ д. л.
В книге $14^{3}/_{4}$ печ. листов, 6 вклеек.
В печ. л. 47 616 зн.
Авт. листов 16,22.
Главлит № Б-28912
Заказ № 3702
Цена книги 4 р. 75 к., переплет 1 р. 50 к.

Книга отпечатана в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

Цена 6 р. 25 к.